

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ, МОЛОДІ ТА СПОРТУ УКРАЇНИ

Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна

Харківський історіографічний збірник

Випуск 11

Харків – 2012

УДК 930
ББК 63.3я5
Х21

*Затверджено до друку рішенням Вченої ради
Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна
(протокол № 4 від 26.03.2012)*

Редакційна колегія:

д-р. іст. наук, проф. Посохов С. І. (головний редактор); д-р. іст. наук, проф. Астахова К. В.; д-р. іст. наук, проф. Журба О. І.; канд. іст. наук, доц. Івашенко В. Ю.; д-р. іст. наук, проф. Каплін О. Д.; канд. іст. наук, проф. Куделко С. М.; д-р. іст. наук, проф. Орлов І. Б.; канд. іст. наук, доц. Павлова О. Г. (відповідальний секретар); д-р. іст. наук, проф. Петровський В. В.; доц. Пікалов В. Г.; д-р. іст. наук, проф. Сінкевич Є. Г.

Редакційна рада:

д-р. іст. наук, проф. Астахова В. І. (Харків) – голова; д-р. іст. наук, проф. Болебрух А. Г. (Дніпропетровськ); д-р. іст. наук, доц. Дроснева Е. (Софія); д-р. іст. наук, проф. Зашкільняк Л. Й. (Львів); д-р. іст. наук, проф. Колесник І. І. (Київ); д-р. іст. наук, проф. Корзун В. П. (Омск); д-р. іст. наук, проф. Кравченко В. В. (Едмонтон); д-р. іст. наук, проф. Маловичко С. І. (Москва); д-р. іст. наук, проф. Меньковський В. І. (Мінськ); д-р. іст. наук, проф. Пиріг Р. Я. (Київ); канд. іст. наук, проф. Попова Т. Н. (Одеса); д-р. іст. наук, проф. Рєпіна Л. П. (Москва); д-р. іст. наук, проф. Румянцева М. Ф. (Москва); д-р. іст. наук, проф. Удод О. А. (Київ).

*Свідчення про державну реєстрацію КВ № 8073 від 29.10.2003 р.
Додаток до постанови Президії ВАК України про реєстрацію
від 06.10.2010 р. № 1-05/06*

X21 Харківський історіографічний збірник. – Х. : ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2012. – Вип. 11. – 308 с.

У черговому випуску наукового збірника зібрано статті з широкого кола проблем теорії та історії історичної науки та освіти.

Для викладачів, науковців, усіх, хто цікавиться історіографією.

На обкладинці використано літографію «Вічні птахи» члена Національної спілки художників України Н. С. Вербук.

УДК 930
ББК 63.3я5

ISSN 2079-9691

© Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна, оформлення, 2012

© Автори, 2012

Від редактора

Черговий випуск «Харківського історіографічного збірника» значною мірою присвячено обговоренню проблем професійної етики історика. Переконані, що саме у цій площині лежить відповідь на злободенні питання, які виникають у професійних істориків стосовно сучасного стану справ у їх співтоваристві. Визначення мети діяльності, надання їй певного сенсу, відчуття відповідальності перед колишніми та прийдешніми поколіннями, – все це насамперед визначається етичними міркуваннями. На жаль, в останні роки кордони професійної етики історика стали досить розмитими. Руйнація «монометодології» як безсумнівно позитивний процес обернулася не лише сегментацією наукового співтовариства, а й руйнацією здавалася б непохитних традицій та практик, які мали неабияке значення для зв'язків учителя та учнів, спадкоємності поколінь науковців, забезпечення стану порозуміння у співтоваристві. Тому не дивно, що у середовищі істориків не тільки зберігся високий рівень ідейної конфронтації та політичної заангажованості, проти чого виступали свого часу борці із радянським спадком, а й з'явилися нові негативні тенденції. Зокрема, типовими явищами стали спроби автономізації регіональних наукових товариств (поряд із очевидними намаганнями побудувати непохитну владну ієрархію у межах наукової системи усєї країни), формалізації багатьох критеріїв при оцінці наукового внеску, бюрократизації стосунків у самому науковому середовищі. Наскільки такий стан речей є природним? Певні ідейно-політичні уподобання, надмірний сервілізм та конформізм виявлялися у істориків різних часів та різних країн. Тим не менше, вважаємо, що саме етичні механізми не дозволяли деструктивним факторам перемогти, консолідуюча сила морального закону утримувала співтовариства від остаточного розбрату та деградації й забезпечувала просування науки вперед (але це скоріше припущення, аніж доведене твердження). Під час обговорення зазначеної теми із дніпропетровськими та московськими колегами постали питання: «а чи має сама історична наука потенціал для формування сталого етосу історика?», «наскільки мають значення макрорегіональні та мікрорегіональні фактори для його становлення та розвитку?» та ін. Такі питання примушують уважніше проаналізувати як мовні протоколи, так і певні обрядові дії та практики професійних істориків, ще раз повернутися до проблеми

мережевих зв'язків, ціннісних конфліктів та їх природи, проблеми наукових шкіл, визначенню рис і напрямків еволюції університетської та професорської субкультур, а у підсумку – до проблеми соціальних функцій історії та впливу соціокультурних умов й інтелектуальних традицій на розвиток історичної науки. Такі масштабні завдання можна вирішувати лише спільними зусиллями. Саме тому ХІІ Астаховські читання було вирішено присвятити цій темі («Етичне у процесі наукової та викладацької діяльності історика ХІХ–ХХІ ст.»), а у майбутньому спробувати об'єднати науковців різних установ і країн для розробки та реалізації значного історіографічного проекту, націленого на вирішення такого роду наукових завдань на матеріалі Східної Європи. Наскільки таке прагнення втілиться у реальність, покаже час, а поки що на сторінках цього збірника ми пропонуємо читачеві міркування з зазначеної теми як провідних історіографів, так і молодих талановитих авторів. Сподіваємося, що вже звернення до неї спонукає когось замислитися над вічною та завжди актуальною проблемою, яка стоїть перед нами кожного дня і часто супроводжується складними запитаннями: «що робити?» та «навіщо?».

Розділ І

Проблеми теорії та методології

А. Г. БОЛЕБРУХ

МОРАЛЬ В СТРУКТУРЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Резюме: В статье анализируется роль морали в общественной жизни, а также ее место в научной деятельности и научном исследовании. Рассматривается семантика терминов «этика», «мораль», «нравственность» и на основе имеющихся в словарях и энциклопедиях трактовок предлагается вариант разграничения их смысла. Уделено определенное внимание историографическим сюжетам, сложному процессу признания научным сообществом необходимости учета моральных принципов в научном познании.

Ключевые слова: мораль, профессиональная этика, познание, историческая наука, социальная роль.

Болебрух А. Г. Мораль у структурі історичної науки

Резюме: У статті аналізується роль моралі в суспільному житті, а також її місце в науковій діяльності та науковому дослідженні. Розглядається семантика термінів „етика”, „мораль”, „моральність” й на основі наявних у словниках й енциклопедіях тлумачень запропоновано варіант розрізнення їхнього значення. Приділено певну увагу історіографічним сюжетам, складному процесові визнання науковим співтовариством необхідності врахування моральних принципів у науковому пізнанні.

Ключові слова: мораль, професійна етика, пізнання, історична наука, соціальна роль.

Bolebruh A. G. Ethics in structure of historical science

Summary: The article analyses the role of ethics in social life, as well as its place in scientific activities and scientific research. The semantics of such terms as “ethics”, „morals”, „morality” is considered, and on the basis of their treatment in present dictionaries and encyclopedias the variant of differentiation of their meanings is offered. Some attention is paid to historiographic topics, to complex history of how research community came to accept to need to take ethics principles into consideration.

Keywords: morals, professional ethics, cognition, historical science, social role.

Мораль уже с античности была признана одной из важнейших черт общества. Аристотель, стоики и другие мыслители той поры с прагматической точки зрения подходили к данному феномену.
© Болебрух А. Г.

В сочинении «Большая этика» (IV в. до н.э.) Аристотель писал, что «этическое» – это «составная часть политики»: «И тому, кто думает действовать в общественной и политической жизни, надо быть человеком добродетельного нрава» [3, с. 295].

Современные исследователи подчеркивают эту особенность аристотелевской трактовки этики: «Аристотель закрепляет деление науки на теоретическую и практическую. Ко второй относятся этика и политика. И та, и другая связаны с культивированием добродетели. И хотя для Аристотеля – как и для Платона – воспитание добродетели связано с представлением о высшем благе, которое постигается некой высшей наукой о государстве, для него все же бессмысленно искать некое всеобщее высшее благо, а предпочтительнее рассматривать блага, которые можно реально преследовать в разных видах деятельности» [6].

Эта древнегреческая традиция в христианизированной форме перешла и в средневековое общество. Через два века после крещения Руси известный проповедник епископ Кирилл Туровский говорил верующим: «Хорошо же, братья, и очень полезно понимать нам Святого Писания смысл: это и душу делает целомудренной, и на смирение направляет ум, и сердце на стремление к добродетели изостряет...» [9, с. 291]. Убеждение в регулирующей функции моральных принципов в последующие столетия укреплялось, но уже на светской основе.

Вполне понятно обострение интереса к исследованию данного фактора в современной общественной жизни, учитывая крайне сложный переходный период не только в отечественной, но и в мировой истории.

Но прежде целесообразно уточнить семантику основных терминов: «этика», «мораль», «нравственность». Как в средствах массовой информации, так и в повседневном обиходе наблюдается произвольная их замена одного другим, что приводит к некоторой путанице в представлениях об обозначаемых ими объектах.

Не вторгаясь в установившуюся языковую практику, отметим лишь ее закрепление в словарях. Так, в словаре С. И. Ожегова читаем: «Этика. 1) Одна из форм идеологии – учение о морали (нравственности), ее развитии, принципах, нормах и роли в обществе. 2) Совокупность норм поведения, мораль какой-нибудь общественной группы, профессии» [8, с. 895]. Практически то же видим и в словаре синонимов [2, с. 230].

Если в обычной речи содержательные отличия между названными терминами оказываются не столь принципиальными, то

научный контекст требует максимальной корректности. Ее мы и обнаруживаем в «Философском словаре», где «этика» определяется как одна из древнейших теоретических дисциплин, объектом изучения которой является «мораль»; в свою очередь, мораль [12, с. 13] – это «одна из форм общественного сознания, социальный институт, выполняющий функцию регулирования поведения людей во всех без исключения областях общественной жизни»; это – «общественная необходимость, потребности, интересы общества или классов, выражающиеся в виде стихийно сформировавшихся и общепризнанных предписаний и оценок, подкрепленных силой массового примера, привычки, обычая, общественного мнения..., принимает форму безличного долженствования» [12, с. 7]. Что касается нравственности, то словарь отсылает читателя к слову «мораль»; однако касательно термина «нравы» дано следующее толкование: «*Нравы* – понятие, фиксирующее то, как фактически ведут себя члены большой или малой социальной группы, что они разрешают или запрещают. Нравы – это эталоны и нормы поведения, которыми непосредственно руководствуются люди. Нравы как сущее, как наличное бытие добра и зла в поведении, отличаются от идеалов как должно. Совокупность нравов связана с нравственностью социальной общности» [12, с. 7].

Дальнейшее цитирование различных справочников или словарей приведет в результате лишь к умножению вариантов определений и вряд ли существенно поможет их семантическому разграничению. Поэтому ограничимся имеющимися и попробуем разобраться в их значениях.

Прежде всего можно выделить термин «этика», поскольку он практически всеми составителями наделяется чертами теоретического преимущества. Действительно, никто не оспаривает одно из ведущих значений: научная дисциплина, занимающаяся моралью и нравственностью. А то обстоятельство, что за этим термином традиционное словоупотребление закрепило и значение *мораль или нравственность* не отменяло его главного ядра – «научная дисциплина».

* * *

Огромная социальная значимость моральных принципов, естественно, не могла не затронуть такую важную сферу общественной деятельности, как наука. Ее призвание – расширять интеллектуальный горизонт людей, познание окружающего мира с целью повышения благосостояния соотечественников, немыслимо без опоры на прочные моральные устои. Тем не менее далеко не

сразу ученые согласились допустить моральные нормы в качестве элементов методики научного исследования. Дискуссионные блуждания вокруг проблемы «наука и мораль» достаточно обстоятельно изложил зарубежный ученый Э. Агацци в докладе «Почему у науки есть и этические измерения?», прочитанном в Институте философии РАН (опубликован в журнале «Вопросы философии», 2009 г., № 10). Истоки споров автор усматривал в ситуациях начала XX в.: именно тогда многие методологи пришли к «формулировке знаменитого предписания, согласно которому наука должна быть свободной от ценностей или Wertfrei (по выражению Макса Вебера). Это надо понимать в том смысле, что в науке нет места для суждений о ценности, где неявно подразумеваемые «ценности» – это, в общем, все критерии оценки, отличающиеся от простых соображений истинности или объективности».

Одним из весомых аргументов было стремление «защитить объективность, поскольку (и в этом, в частности, состоял тезис Вебера) в области ценностей невозможен никакой объективный подход, они [ценности, – А. Б.] связаны по существу с личным выбором, который не может быть реально обоснован строго рациональными аргументами». А в этом усматривали угрозу свободе исследовательской мысли, подчинение поиска истины и достоверного знания внешним (социальным, политическим, нравственным и пр.) соображениям.

Однако наука – это «не просто знание» (именно так Агацци назвал один из разделов своей статьи), но и конкретная, практическая человеческая деятельность, которая в целом не может быть «морально нейтральной». Особенно сказанное относится к нашему времени, потому что, полагает Агацци, сейчас научные исследования тесно связаны с технологиями, результаты которых непосредственно отражаются на жизни человечества, на здоровье людей. Цели, которые ставят перед собой технологи при внедрении научных разработок в производство, должны иметь безусловную моральную оценку: «... технология – в очень большой степени прикладная наука, и ... подлинная ситуация нашего времени характеризуется подавляющим присутствием технауки, той неразделимой смеси науки и технологии, которая уже не позволяет игнорировать конкретные цели при этическом рассмотрении научной деятельности». Но и «чистая наука» не должна входить в конфликт с моралью, если учесть избираемые исследователем средства достижения истины, ибо принцип «цель не оправдывает

средства», убежден Агацци, применим также и к науке, в частности, экспериментальной (опыты с клонированием, генетикой и пр.).

Бесспорной социальной площадкой, где непременно сходятся наука с моралью, – это общественные последствия как в естественных и технических, так и гуманитарных отраслях. В качестве примера Агацци приводит ситуацию с сообщением результатов исследований, которые «могут доводиться до публики в сенсационном духе, сопровождаясь поверхностными и необоснованными интерпретациями, которые могут оказывать отрицательное воздействие на образ мыслей людей и на их оценку жизни и ее ценностей».

В заключение автор высказывает мысль, что научная деятельность должна осуществляться при «некоторой степени правового регулирования» со стороны соответствующих государственных институтов, а также контролироваться механизмами, предписываемыми обычно деонтологическими нормами различных профессий» [1, с. 104].

Наверное, с позицией Агацци не все согласятся, но все же бесспорным следует признать тезис о социальной (а, следовательно, и моральной) ответственности ученого за воздействие его трудов на сознание и жизнь современников. Нет оснований отрицать и целесообразность существования профессиональных моральных уставов (что обычно подводят под термин «профессиональная этика»).

В одной из новейших энциклопедий содержится специальная статья «Этика науки» [13, с. 1174-1176]. Ее автор Б. Г. Юдин, обобщая итоги последних изысканий в этой области, пишет о формировании со второй половины XX в. новой научной дисциплины «Этика науки», что обусловлено заметно возросшим воздействием научной деятельности на общественную жизнь, воздействием как положительным, так, к сожалению, и отрицательным. Последнее обстоятельство стало причиной появления таких международных документов, как Нюрнбергский кодекс (1947 г.) или Хельсинкская декларация Всемирной медицинской ассоциации (2000 г.), которые были своего рода моральными уставами, предназначенными для саморегуляции научной работы. В настоящее время ЮНЕСКО создало Комиссию по этике научного знания, члены которой занимаются подготовкой Кодекса поведения ученых.

Затронул Б. Г. Юдин и назревшую проблему мотивации и организации научно-исследовательской деятельности с точки зрения

моральных требований. «Для характеристики этой проблематики, – пишет он, – принято использовать термин «этнос науки», введенный Р. Мертном [еще в работе 1942 г. «Нормативная структура науки». – А. Б.]. Мертон понимал под этносом тот комплекс ценностей и норм, который воспроизводится в науке и присущ каждому человеку, занятому в науке. Это понятие, очевидно, будет нерелевантным для таких трактовок науки, в рамках которых она истолковывается сугубо инструментально, как нечто лишенное самооценности». Смыслообразующими элементами этноса Мертон считал: 1) *универсализм* научных выводов (ибо мир везде один и тот же), который независим от возраста, пола, расы ученого и т.п.; 2) *общность*, то есть научное знание должно стать всеобщим достоянием; 3) *незаинтересованность* (объективность) исследователя, а это означает, что ведущим стимулом его научного поиска является достижение истины; 4) *организованный скептицизм*, иначе говоря – «каждый несет ответственность за оценку доброкачественности того, что сделано его коллегами, и за то, чтобы эта его оценка была предана гласности» [15].

После критических замечаний в адрес его понимания этноса Мертон в 1965 г. несколько уточнил свои положения, подчеркнув амбивалентность моральных требований в научно-исследовательской практике. Усилия Мертона, однако, не спасли его концепцию этноса науки ни в прежнем, ни в измененном виде. Они лишь подтвердили непростые взаимоотношения науки и морали.

Сложность отношений науки и морали вызвана не только сложностью и многоаспектностью исследовательских занятий ученого, но и непростыми связями с социально-политической обстановкой. Немалую роль играют в данном плане обостренные дискуссии и в обществе, и в историографии по поводу самой морали, ее сущности и места в жизни, что, собственно, мы и наблюдаем сейчас. Правда, постепенно здравая позиция утверждается в научной литературе, а легковесная либеральная переключалась в не менее легкомысленные средства массовой информации.

Показательно, что в № 1 «Вопросов философии» за 2012 г. опубликована статья М. Т. Степанянц «Культура как гарант российской безопасности» [11]. О значении морали автор, в частности, справедливо замечает: «Прагматический расчет, будь то материальный или политический, способен объединить группы людей, заинтересованных в практической выгоде, но он не в

состоянии служить делу всенародного объединения вокруг вдохновляющей идеи, принципа, идеала. Здесь требуется **этическая** мотивация, которая может быть сформулирована лишь при опоре на национальное культурное наследие, осмысленное с учетом требований своего времени». В этих словах особо ценным, с моей точки зрения, является указание на преемственность культурной традиции и необходимость ее трансформации (но не отказа от нее!) в зависимости от требований эпохи.

Одним из таких назревших требований признается принятие профессиональных моральных кодексов, назначение которых – воздействовать на сознание ученых с целью повышения их ответственности за социальные последствия своей деятельности. Даже Фрэнсис Фукиама, несмотря на скепсис относительно будущего человечества, считал, что мораль является капиталом, определяющим степень жизнеспособности общества.

Вопросы прикладной, в том числе профессиональной этики, в новейшей историографии разрабатывали Л. П. Абрамова, Р. Г. Апресян, В. И. Бакштановский, В. Т. Ганжин, А. А. Гусейнов, Ю. В. Согомонов и др. Многие их наработки вошли в энциклопедический словарь по этике. А. А. Гусейнов, в частности, так обозначил специфику профессиональной этики: она уточняет и детализирует «общие моральные требования применительно к своеобразию соответствующей профессии и занимается главным образом нормами, правилами поведения», в то же время прикладная этика «имеет своим предметом конкретные [общезначимые. – А. Б.] моральные ситуации...» [14, с. 389].

На одну из существенных черт морали указал материал Википедии: «Понятия морали и нравственности имеют разные оттенки – мораль, как правило, подразумевает наличие внешнего оценивающего субъекта [других людей, государства, церкви и т.д. – А. Б.]. Нравственность в большей степени ориентирована на внутренний мир человека и его собственные убеждения» [5]. Приведенное замечание знаменательно тем, что затрагивает сердцевину моральных отношений в обществе, их связь с нравственной сферой. Мораль, как уже отмечалось выше, – это собрание общепризнанных принципов социального общежития, а потому их нарушение может повлечь за собой определенные санкции, вплоть до правовых. Что касается нравственности, то образ поведения, порожденный уровнем духовной культуры личности, может вызывать общественное одобрение или порицание только при публичном своем проявлении. И тем не менее нравственная

природа личности содержит, так сказать, «потайную» сторону, которая определяет мысли, поступки, ценности человека и в обобщенном (массовом) виде воздействует на характер общественного развития в целом. Влияет она, безусловно, и на профессиональные занятия, в том числе научную деятельность.

Каждая отрасль научного знания призвана решать специфические задачи. Что касается истории, то ее миссия определяется проблемами функционирования общества в конкретных исторических обстоятельствах, а ее выводы способствуют более глубокому уяснению закономерностей и причинно-следственных связей социального бытия. Кроме того, как писал М. Блок, история «признается необходимой для полного развития homo sapiens..., любая наука будет казаться нам неполноценной, если она рано или поздно не поможет нам жить лучше. Как же не испытывать этого чувства с особой силой в отношении истории, чье назначение, казалось бы, тем паче состоит в том, чтобы работать на пользу человека, раз ее предмет – человек и его действия» [4, с. 10-11]. Подобная специализация непременно требовала, чтобы профессиональная деятельность ученого-историка практически на всех своих этапах не могла обходиться без учета моральных ориентиров. Но, конечно, не в ущерб достоверности добываемого знания.

Рассмотрим некоторые этапы и их содержательные параметры. Один из первых охватывает период обучения на историческом факультете. Учебные программы большинства дисциплин следует пронизать ведущей идеей всемирной истории, как, кажется, удачно, ее определил П. Новгородцев, – «велением объективного нравственного миропорядка» [7, с. 138]. Соответственно при изложении важнейших событий или тенденций исторического процесса, отечественного или зарубежного прошлого целесообразно делать акцент на состоянии духовной культуры. Значение этого фактора сознавали уже крупнейшие мыслители Древней Руси, когда искренне призывали соотечественников во всех делах и помыслах руководствоваться «страхом Божьей веры».

Но подлинное вступление в научное сообщество историков происходит во время подготовки первого самостоятельного труда – кандидатской (а тем более – докторской) диссертации. В ходе их написания происходит кристаллизация индивидуального профессионального «ремесла», своеобразие которого зависит как от общего, так и научного мировоззрения. И в том, и в другом случае моральные принципы придают структурированность и ценностный

смысл восприятию и познанию прошлого (а через него и настоящего).

Известно, что Б. Спиноза (XVII в.) понимал под этикой приобретение человеком подлинной свободы, которая добывается, во-первых, адекватностью полученных знаний «порядку всей природы», а во-вторых – превращением своей свободы деятельности из произвольной в «осознанную необходимость» [15; 10]. Данные соображения Спинозы о сущности этики в процессе познания окружающего мира сохраняют свое теоретическое значение до сих пор.

При выборе предмета исследования и его проблемы перед ученым, особенно начинающим, возникает немало сложностей, связанных с определением актуальности, места в историографическом контексте, выбором приемов и методов анализа источников и т.п., однако при всем том общественная значимость работы будет зависеть прежде всего от решения насущных вопросов, остро поставленных временем перед обществом.

Литература

1. Агацци Э. Почему у науки есть и этические измерения? // Вопросы философии. 2009. № 10.
2. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1963.
3. Аристотель. Большая этика // Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М., 1983.
4. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1973.
5. Википедия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Мораль/#DO.AI.DI.8B.DO.BB.DO.BA.DO.B8>.
6. История философии: Запад – Россия – Восток: В 4 т. Т. 1. М., 1995. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z00000004/st039/shtml>.
7. Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М., 1991.
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1963.
9. Памятники литературы Древне Руси. XII век. М., 1980.
10. Спиноза Б. Богословско-политический трактат. М., 1935.
11. Степанянц М. Т. Культура как гарант российской безопасности. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=455&itemid=52.
12. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М., 1981.
13. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009.

14. Этика. Энциклопедический словарь / под ред. Р. Г. Апресяна, А. А. Гусейнова. М., 2002.
15. Юдин Б. Г. Этика науки // Энциклопедия эпистемологии...
16. Юдовин И. Бенедикт Спиноза о нравственной свободе // Слово/Word.2012. № 73. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/slovo/2012/73/U3.html>.

О. И. ЖУРБА, Е. А. ЧЕРНОВ**НАУЧНАЯ ИСТИНА – ПРАВДА НАУЧНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ИСТОРИИ**

*Всякое искусство и всякое учение,
а равным образом поступок (praxis) и сознательный выбор,
как принято считать, стремятся к определенному благу.
Поэтому удачно определяли благо как то, к чему все стремятся.
Аристотель [1, с. 54]*

Резюме: Рассматриваются проблемы этических оснований современного исторического знания/познания, соотношения этического и эстетического в нынешней эпистемологической ситуации.
Ключевые слова: историографическая традиция, историографические разрывы, догоняющая историография, этический идеал, эстетика научного знания.

Журба О. І., Чернов Є. А. Наукова істина – правда науково-орієнтованої історії

Резюме: Розглядаються проблеми етичних підстав сучасного історичного знання/пізнання, співвідношення етичного та естетичного у нинішній епістемологічній ситуації.

Ключові слова: історіографічна традиція, історіографічні розриви, історіографія, що наздоганяє, етичний ідеал, естетика наукового знання.

Zhurba O. I., Chernov Ye. A. Scientific veritas as the truth of scientifically-oriented history

Summary: The problems of ethical foundations of modern historical knowledge/cognition and correlations of ethical and aesthetical in contemporary epistemological situation are studied.

Keywords: historiographic tradition, historiographic ruptures, chasing historiography, ethical ideal, aesthetics of scientific knowledge.

На уровне осведомленности авторов этих строк¹ «история истины» не нашла еще своего историографического воплощения. Речь идет об исследовании, которое было бы ориентировано на идеал поиска целостного в его единичных (читай конкретно-

¹ Дань академическому стилю: в дальнейшем будем использовать личные местоимения третьего лица.

исторических, синтетических проявлениях); причем выполненного как историко-эпистемологическое, а не философско-эпистемологическое.

Очевидно, что подобная история могла быть представлена и в нескольких «историях». Однако для их легитимаций потребовалось бы обоснование существенности разрывов, «склейка» которых, даже конструктивистскими методами (конструирование-деконструирование), без использования внеисторических технологий неосуществима.

Если такая история(и) и возможна(ы), то это и был бы один из возможных путей реализации возвращения общеэпистемологических долгов историками [5]. Но эмоции интеллекта, иначе говоря, мыслечувствия, не позволяют дожидаться реализации «шлецевской программы». Поэтому представим эскиз своего видения этой истории, истоки которой, кажется, восходят к платоновско-аристотелевскому времени/возвышенности, затем, в эллинизме начинают составлять междуречье, образуя впоследствии иудео-христианский лиман¹, разросшийся в озеро морского масштаба сакральной истины монотеизма.

Из этого «озера-морья-акяна» берет свое начало просветительская река научной истины... И замкнем эту цепь гидрографических метафор тем, что в XX столетии, продолжающемся в этом отношении и после 11 сентября, произошла её дельтификация с тенденцией образования не столько приозерно-морского лимана (такая перспектива впадения не просматривается), сколько в болото морского масштаба (сохраняем надежду не океанического²).

Этот эскиз, напоминающий скорее контурную карту, в контексте названия стилистики передовиц советских газетных статей, представляется все-таки уместным, так как все эти технические гидрографические термины: междуречье, лиман, дельтификация, болото, – позволяют подчеркнуть ту самую искомую целостность в

¹ Принимаем упрек в телеологизме.

² Не знаем как коллегам историкам, но экологам эти рассуждения должны потрафить, так как являются еще одной иллюстрацией на тему о вредоносности искусственных плотин для естественных гидросистем. Но сквозь «умственные плотины» есть не только прогрессистские пути прорыва, но и регрессистские.

её единично-исторических проявлениях. Эта целостность в вербализованном виде проявляет себя через истину¹.

Судьба его (слова) в хронотопе от поздней классической Греции до позднего эллинизма и формирует образ междуречья, в котором одна река – традиция с классической системно-монистической иерархией, синкретическим видением истины как нерасчлененности этического-гносеологического-эстетического; а другая, – связана с распадом синкрета как под воздействием множественности («многообразия») конкретики мира, так и эстетизации интеллекта в скептицизме, а еще более в витализме. Культурная почва политеизма (теизмов) ограничивала возможности сакрализации истины. Судя по всему, Понтий Пилат Луки-евангелиста может быть понят в наше время как типичный представитель «античного постмодерна». Его знаменитый вопрос, который мы толкуем чаще всего онтологически (как направленный на бытие), с нашей точки зрения, корректней интерпретировать в терминах теоретико-методологических, эпистемологических. Он вопрошает: «Что имеет в виду под этим словом допрашиваемый?» Булгаковский Иешуа, как и его евангельский прототип отвергает (не воспринимает?) этот эпистемологический крен эллино-романского интеллектуализма, продолжая давать наглядные эмпирические уроки веры через обращение к непосредственному бытию, в котором бог и истина не расчленены.

Именно монотеизму, особенно в его христианском варианте доминанции, суждено было осуществить сакрализацию истины и, тем самым, заложить основы «Просвещения» как концепта и просветительства как пути его реализации. Характерно, что и в секуляризационную эпоху мысли и жизни эти номинативы, подвергшиеся понятийно-содержательной перекодировке в создаваемой новой аксиологетике, сохранили сакральный статус. Более того, убеждены, что т.н. современная наука социокультурно осуществилась в истории через предание неосакрального статуса истине. Само это слово изначально освящало науку, а затем «освященное» в форме прилагательного стало средством поддержания статусности истины. Именно вокруг служения ей,

¹ Критики эссенциализма морщатся, отвращаются и отворачиваются.... Они уже поняли, что имеют дело с очередными эпигонами «врагов открытого общества».

через поиски её и формировалось этическое магнитное поле науки вообще, а затем и множественности наук.

Средневековая аллегория истины *воистину* была воспринята современной наукой. И как бы не значимы, с гносеологической точки зрения, были дискуссии вокруг познаваемости и непознаваемости истины, но в этическом (читай, – антропологическом) они не разрушали интегральное поле науки как социума. Более того, кантовская «вещь в себе» способствовала еще большей сакрализации идеи истины через демистифицированное, но сохраняющееся таинство.

Но путь служения «научной истине» «подлинно научными средствами» проходил через процесс полисциентизации, который более привычно описывать в терминах дифференциации научного знания и формирования полидисциплинарной структуры науки.

Если проблема познаваемости-непознаваемости мира (истины) создавала дуальную вертикальную структуру, то полисциентизация осуществлялась в горизонтальном направлении всеми известными в природе и культуре способами размножения с вполне понятными претензиями-необходимостью размноженного на автономное существование. По аналогии с историографическими концептами XIX в. можно дискутировать соответствовало ли это научному феодализму или больше удельной системе?... В любом случае этот процесс размножения сопровождался поддержанием генеалогического мифа о своем происхождении и основах на «генетическом уровне»¹.

Этические последствия этого горизонтального развития науки по отношению к научной истине трудно переоценить. Позитивистская идеология науки, придерживаясь за плащ философии Просвещения, создала теоретическую модель единства науки, что более служило целям профилактики коррозии этого единства. Этические границы вокруг научной истины как социоинтеллектуальные перегородки между носителями идеалов

¹ Здесь, пожалуй, следует остановиться на описаниях картин размножения, что историки не только не чужды азам школьной географии, но и школьной биологии. Но, относительно нас, во-первых, по поводу последней, признаемся откровенно, сомневаемся, во-вторых, если генетически подходить к разворачиваемому рассуждению, то оно уже требует генетического толчка, иначе или авторы не дойдут, или читатель/слушатель не вытерпит, или редакторат не позволит разворачиваться ему в формах чистой эволюции.

научности и вненаучных идеалов дополнились дисциплинарно-профессиональными разграничителями не только на предметно-методологическом уровне, но и на морально-этическом.

Служение в Храме *своей истины* со своим специфическим ритуалом с «опресноками» или «без», со своими равноапостольными святителями-отцами, святыми разного уровня, процедурами глорификации и беатификации, со своими претензиями на особое место и пр. ... Но для нас важнее всего в этой ретроспективе акцентировать внимание на то, что в этосе науки/ученых все эти дисциплинарные притворы со своими образами, своим причтом и студирующей паствой (профессиональной и аматорской) все-таки служили в одном храме. И как бы ни велика была «тьма низких истин», объединял их «все возвышающий обман», – служения научной истине...

Этот просветительский пафос, проявившийся как результат управляемого синтеза в тигле истории, начал двух эпох – античной (не только греко-римской) и средневековой – выполнял этосотворящую функцию. Истина для людей науки была как Прекрасная Дама для рыцарей пера, лиры и шпаги. И кем бы она ни была в её конкретном облики, но создатель неувядаемого сюжета показал нам, что происходит с этосом, если его представители, с одной стороны, служат лжедамам, с другой, если они отказываются от идеалов служения. Он (этот этос) исчезает как социокультурное явление, становясь только лишь историческим фактом.

***

Судьба истории как науки, если оторваться от её социокультурной природы, может казаться вполне отвечающей схеме этого небрежно выполненного наброска. Но в том-то и суть, что в отличие от многих других когнитивных областей конституируемых как современные научные дисциплины (науки), история как познание ко времени усиленных попыток её научной легитимации представляла собой масштабную устойчивую культуру со всеми основными культуротворящими и поддерживающими её признаками, в том числе и со своей историей. Одним из этих элементов была ориентация на истинность, подлинность, точность. Именно в структурах исторического познания-знания истина коннотируется с правдой подобно тому, как она в платоновско-аристотелевских дискурсах была связана с этической категорией справедливости. И не обязательно быть методологом масштаба Х. Уайта, чтобы прийти к

выводам подобного рода, что история есть практика, которая руководствуется фантазматическим отношением к прошлому и поэтому имеет больше общего с этикой, чем с эпистемологией [3, с. 29-30], хотя последняя часть высказывания вызывает у нас потребность вступить в дискуссию по поводу противопоставления этического и эпистемологического.

Это искусственное, на наш взгляд, противопоставление связано с традицией излишней фрагментаризации осмысления историографии, характерной для современной исторической эпистемологии, в которой научно-ориентированная история радикально отрывается от традиционного историописания [см., напр.: 2, 3]. Между тем, этого разрыва в такой степени, на наш взгляд, в историографическом процессе зафиксировать не удастся и скорее могло бы вызывать удивление, если бы это удавалось, так как историография входила в модерное научное время с таким багажом культурных традиций, природа которых обусловлена была надбиологической сущностью человека и посему преодоление их было бы равнозначно преодолению человека. Возможно это была программа настоящего, которая ни в коей мере не могла быть программой ренессансно-просветительского гуманизма. Показательно, что вписывание историографии в модерную науку осуществлялось не столько через апелляцию к столпам идеологии модерной науки, сколько к именам Фукидида, Тита Ливия, Тацита. Именно в историографической традиции обнаруживались связующие нити между современными идеалами научности и возможностями истории как науки, отвечающей этим идеалам. И в той степени, в какой наука/научное сопрягалась с истиной-истинным, то историография изнутри не ощущала конфликтности ситуации и потому могла рассматривать научное как средство достижения тех целей, которые достались от традиции. По сути, история как сфера познания воспринимала и принимала науку с морально-этических позиций.

В рационализированном языке западноевропейского мира этическое и эпистемологическое различие «истины» и «правды» оказались сокрыты единством вербальной формы [4, с. 330-331]. Но интересно, что этические корни, и даже в этой системе рациональности, проявляют себя в языке науки тем, что парной категорией по отношению к «истине» выступает «ложь». Вместе с тем, как в менее рационализированных языковых традициях «ложь» противопоставляется «правде», а этические основы «правды»

настолько самоочевидны, что не вызывают в языке необходимости уточнений. И как бы мы не иронизировали над множественностью «правд», эта множественность – в рамках морально-этического пространства. В последовательном имморализме таким категориям как «правда» нет места.

Подчеркнем еще раз, что даже в отлитых научных формах с идеалами научности как кредо, история не осуществила разрыва с историографической культурной традицией, обладающей, на наш взгляд, типологическими свойствами воспроизводства её в любых устойчивых культурно-цивилизационных вариантах, за исключением суперлокальных, не имеющих контактных цивилизационных зон¹.

И только тогда, когда модерная наука стала приобретать устойчивые властные признаки, научная истина становится неизбывной эпистемологической проблемой, а не только этическим идеалом-ориентиром. Эпистемологическая составляющая в профессиональной научно-ориентированной историографии вызывает коррозионные эффекты по отношению к этическому восприятию истины. Сами критические рефлексии, по поводу долженствования историков нести «правду истории» (прошлого) воспринимаются частью «цеха» как проявления ереси, а другой частью – как подлинное служение идеалам научности, согласно которым, скорее можно терпеть обширные пустоты в пространстве познания, чем заменять их «фантазмами историков». Все это вместе взятое и порождает такую историческую эпистемологию, в которой познавательные процессы легитимируются как конструирование прошлого, осуществляемого по научным правилам игры. И, наконец, это движение эпистемологической мысли приводит к обнаружению того, что даже играя в науку, историки осуществляют конструирование не столько под властью научного дискурса (дискурсов), сколько под властью логики построения текстов. При этом в эпоху утверждения идеалов «плюрализма» и «мирного сосуществования» эпистемологически оправдываемых, например, «принципом дополнительности» Бора, тиражируемыми идеями синергии, а также все большего доминирования профессионально-эстетических начал внутри различных научно-исторических

¹Поэтому, для нас неприемлема мысль об «экспорте» истории как мышления в направлении от Запада. (См. например, интервью с Х. Уайтом. [6, с. 15]).

практик, все то, что способствовало формированию этоса ученого-историка, воспринимается как своего рода рудименты на теле современной исторической науки. Насколько далеко мы продвинулись в этом отношении, свидетельствует тот факт, что те, кто способствовал формированию подобных представлений, сами или через некоторых своих последователей испытывают потребность в дезавуировании радикальных интерпретаций их взглядов как отказе от поиска истины [3].

Особенно интересно этот процесс протекает в постсоветском историографическом пространстве, приобретая зачастую гротескно-смехотворные формы. Даже если рассматривать советскую историческую науку как абсолютно герметичную социоинтеллектуальную систему, то есть все основания считать, что она воспроизводила основные тенденции, присущие мировой гуманитаристике в целом и исторической науке, в частности. Другое дело, что если «там» «новое» приобретало властно-конкурентные признаки, то у «нас» оно зачастую вытеснялось в диссидентскую контактную зону, тем самым делая «некоторым рыжим» великолепную «джорданобруновскую карьеру»¹. Как бы там ни было, с конца 1980-х гг. это историографическое пространство приобрело ярко выраженные черты «догоняющей историографии». В этой позиции оказались даже те, кому не надо было никого догонять, по причинам соответствия их уровням «догоняемых», и те, кому не надо было бы догонять по причине невозможности догнать в силу неготовности понять, что «догоняют». В этом же положении оказались и те, кто не хотел догонять с принципиальных позиций². Почти всем представителям срединной части этого пространства пришлось, не успев адаптироваться к взглядам идеологии исторической эпистемологии, воспринимаемой как проявление постмодерных тенденций в западной исторической науке, оказаться в роли воспринимающих критику этой идеологии с той же самой стороны.

Из всех научных профессиональных сообществ нет более дидактически ориентированного чем историческое. Иначе говоря – между учителем физики и физиком-исследователем могут быть

¹ Аллюзия на А. Ахматову и И. Бродского у нас носит не только иронический характер.

² Весь этот сюжет заслуживает специального рассмотрения и один из нас надеется в ближайшее время осветить его именно под углом зрения профессиональной этики. – О. Ж.

дистанции огромного размера, даже когда в одном и том же лице сочетается множество социально-профессиональных функций. Особая социальная природа исторического познания/знания выполняет интегральную функцию между всеми этажами социального здания истории и определяет его/её невозможность герметичности.

Отсюда дидактичность, как бы её не критиковали, является неотъемлемой составляющей исторического познания. И история истории даже как науки показывает непреодолимость дидактичности, как по посылкам, так и по результатам. Трудно себе вообразить «живого» представителя цеха историков, живущего жизнью историка, который относился бы к своей профессиональной деятельности с позиций «холодного сапожника», без ощущения причастности к общесоциально-значимому делу. Может быть поэтому профессия историка на этапе её сознательного выбора была и остается особенно привлекательной для обладающих повышенной нравственной чувствительностью, при этом сохраняющих морально-этический оптимизм. В этих возможностях исторического в скрытых формах угадывается эстетическая составляющая их влечения. И даже в современных культурно-цивилизационных условиях, когда наука перестала играть в обществе роль «новой религии», идущие в историю, надеются войти в неё через реализацию идеалов поиска истин/ы самой истории.

Характерно, что «пропаганда» на уровне профессионального исторического образования «продвинутых идей» современной исторической эпистемологии «продвинутыми преподавателями» по отношению даже к «продвинутым студентам», приводит, по нашим наблюдениям, к парадоксальным результатам. Он/она/они с интересом, а иногда и с восхищением, слушают/смотрят, склонны почитать на эти темы. Но, когда им предлагается в рамках учебных форм выстроить свой вариант рассуждения-ответа об исторической науке, целях и задачах историков в обществе, то дискурсы прошлого являются доминирующими. Это, конечно, легко объяснить еще недостаточной развитостью студента. Но в глубинном плане, в этом проявляется власть тех начал, которые и делали историко-мыслящего человека историком. Одним из этих животворящих начал и было представление, что история как наука призвана служить поиску истины.

И поскольку в нашей культуре еще сохраняется различие между истиной и правдой, это и дало нам основание для формулировки заглавия представленного рассуждения в стилистике советских газетных передовиц.

Научная истина – правда научно-ориентированной истории, – предлагается нами как этическая максима, забвение которой приводит к этосоразрушающим последствиям для истории и историков. Иначе говоря, такое отношение к научной истине является своего рода деонтологическим основанием истории как науки, забвение которого невозможно, если, конечно, нам свойственно желание «благой жизни с другими и для других в справедливых институтах» [7, с. 282].

Литература

1. *Аристотель*. Никомахова этика // Аристотель. Соч. в 4-х т. М., 1983. Т. 4.
2. *Вжозек В.* Історія – Культура – Метафора. Постановня некласичної історіографії. Про історичне мислення. – К., 2012.
3. *Доманська Є.* Історія та сучасна гуманітаристика: Дослідження з теорії знання про минуле. К., 2012.
4. *Никифоров А. Л.* Истина и правда // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009.
5. *Портнова Т. В., Чернов Е. А.* Куновская история науки: «мир природы», или «мир истории»? // Харківський історіографічний збірник. Х., 2010., Вип. 10.
6. *Ретина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX – XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011.
7. *Рикер П.* Я-сам как другой. М., 2008.

I. I. КОЛЕСНИК

КАР'ЄРА ІСТОРИКА: ЕТИЧНИЙ ВИМІР

Резюме: Кар'єра становить стрижень біографії історика. Існують певні моделі кар'єри історика: реальна, ідеальна, теоретична, типова, а також модель кар'єри жінки в науці. Кар'єра історика має макро- і мікрорівні. Макрорівень характеризується станом культури, ідентичностями, наукою, духовним ландшафтом епохи. Мікрорівень кар'єри визначають: психотип історика, його походження, національна ідентичність, освіта, культурні лояльності, професійні діяльність. Р. Коллінз виокремлює певні періоди кар'єрного зростання інтелектуала. Складовою кар'єри історика є суперництво/конфлікт у різних формах: конфронтація, партнерство, співпраця, плагиат-скандал. Кар'єра жінки-ученого існує між такими опозиціями, як макуліність/фемінність, раціоналізм/емоційність, автономія/залежність.

Ключові слова: кар'єра історика, етика історика, моделі біографії, жіноча кар'єра, академічний конфлікт.

Колесник И. И. Карьера историка: этическое измерение.

Резюме: Карьера – основа биографии историка. Существуют различные модели карьеры в академическом сообществе: реальная (фактическая), идеальная, теоретическая, типичная, модель женской карьеры. Карьера историка имеет макро – и микроуровни. Макроуровень представлен культурой, идентичностями, наукой, духовным ландшафтом конкретной эпохи. Микроуровень карьеры историка обусловлен его психотипом, происхождением, национальной идентичностью, образованием, культурными лояльностями, профессиональной деятельностью и интересами. Р. Коллинз выделяет основные этапы карьерного роста интеллектуала. Составным элементом карьеры историка является соперничество/конфликт в различных формах: конфронтация, партнерство, сотрудничество, плагиат-скандал. Карьера женщины в науке существует между такими полюсами как: маскулинность/феминность, рационализм/эмоциональность, автономия/зависимость.

Ключевые слова: карьера историка, этика историка, модели биографии, женская карьера, академический конфликт.

Kolesnyk Iryna. Career of Historian: Ethic Context.

Summary: Career – a basis of the biography of the Historian. There are various models of career in the academic community: real, ideal, theoretical, © Колесник I. I.

typical, model of female career. Career of the historian included macro-and micro levels/indicators. Macro – level is presented by culture, identities, a science, a spiritual landscape of the epoch. Micro – level of career of the historian is connected with his psychological, intellectual type, an origin, national identity, education, cultural loyalties, professional activity, interests. R. Collins distinguishes some periods in career of the intellectual. Essential element of career of the historian is the conflict in various forms: confrontation, partnership, cooperation, plagiarism scandal. Female career takes place between such oppositions as: masculinity/femininity, rationalism/emotionality, autonomy/dependence.

Keywords: career of the historian, ethics of the historian, biography model, female career, academic conflict.

Кар'єра та біографічні профілі історика

Кар'єра становить соціально-професійний стрижень біографії людини. У сучасному дослідницькому просторі поняття «біографія» та «кар'єра» зазвичай функціонують наче подібні, швидше синоніми [9; 14]. З огляду на це можна виокремити кілька моделей кар'єрного зростання, самовиявлення, історика: фактична, теоретична, типова, ідеальна, а також модель жіночої кар'єри в науці.

Фактична біографія історика, як будь-якої людини, завжди унікальна, неповторна, самобутня, має чимало проявів і різних форм репрезентацій. Реальна біографія історика містить соціальну, психологічну, економічну, професійну, творчу, комунікативну складові, історію родини, найближчого та віддаленого оточення, стосунки у професійно-корпоративному середовищі, рівень освіти, ідейні впливи, спектр культурних інтересів, національних та політичних уподобань. Чим складніше суспільство, тим більше ідентичностей має людина. Соціальні ідентичності «Я»-особистості постійно конфліктують поміж собою. Відсутність ієрархії ідентичностей ускладнює момент вибору, який стає можливим лише завдяки сигналам з боку культури чи суспільства. Отже, драма особистої біографії – це драма ідентичностей, котра зумовлена постійним зіткненням «Я» та низки соціальних ідентичностей у межах структурованої соціальної системи. У такій ситуації найважливішою з лояльностей є кар'єра як засіб самореалізації та самопрезентації особистості.

Кар'єра історика має макро- і мікрорівні. Макрорівень орієнтований на інтелектуальну екологію, у межах якої й

відбувається становлення історика як особистості і фахівця. Йдеться про сукупність зовнішніх чинників: суспільно-політичний устрій, духовно-інтелектуальний ландшафт епохи, культурні традиції, національна ідентичність, система освіти, стан наук, фундаментальних та прикладних. Мікрорівень кар'єри історика пов'язаний із особистістю, характеристикою психотипу, розумовим потенціалом, інтелектуальними здібностями, соціальним походженням, професійним статусом, природою творчості. Так, психотип українського історика певною мірою визначає особливості його кар'єрного зростання, творчої біографії та фахової діяльності. Ознаками психофізичного типу українського інтелектуала є синтетичність світосприйняття, що сформувалось внаслідок геопсихічних та історичних умов життя (безкраї степи), консерватизм, статичність, відданість традиціям, сімейним цінностям, практичність, родинність, емоційність (любов до природи, чутливість, глибина людського порозуміння, співчуття), поетичність, естетизм. Демократизм, прагнення до створення малих груп, свободи, волі, незалежності корелюються із індивідуальною компонентою, інтровертністю українського психотипу, не випадково рідна хата сприймається українцями як символ вітчизни, батьківщини.

А відтак, рисами українського історика, що визначають його кар'єрний сценарій, є традиціоналізм мислення, прагматизм, консерватизм, емпіризм та фактографізм. У структурах свідомості українського історика енергія документальності бере верх над імпульсами теоретизування. Естетизація пошуку та опису джерел, укладання бібліографій, словників, біобібліографічних покажчиків, усіляких хронологій визначає питому вагу в українському професійному середовищі таких типів істориків, як історик-джерелознавець, археограф, бібліограф, історик-архівіст. Адже теоретичні спроби українських істориків, по зауваженню О. Субтельного, не шли далі обговорення проблем термінології та періодизації української історії. Зразком поєднання емпірика та теоретика, наратора й аналітика, інтроверта і екстраверта в історичній науці є М. Грушевський. Його творчий доробок водночас зберігає значення енциклопедії фактів та джерела теоретичних формул, спостережень й узагальнень, сенс і багатство яких не достатньо осягнені аж по сьогодні. Саме творча біографія Грушевського є прикладом ідеальної моделі кар'єри українського історика. Успішна в усіх вимірах кар'єра Грушевського-історика

слугує інструментом вивчення наукової культури та потенціалу української історичної науки.

Теоретична модель кар'єри історика

Американський соціолог Р. Коллінз окреслює таку послідовність у кар'єрі інтелектуала: 1. перша наукова публікація, що вводить автора у наукове співтовариство; 2. перебування у «проміжній групі» інтелектуалів; 3. п'ять років публікацій і входження до високопродуктивної групи або інтелектуального ядра конкретного наукового співтовариства; 4. лідерство в середині ядерної групи інтелектуалів; 5. закономірність криз і спадів у науковій кар'єрі через зміни статусу, дослідницьких технологій, конкуренцію, відсутність організаційних параметрів. Кризи перебудовують канали кар'єрного просування, реорганізують простір уваги [7, с. 96, 98, 105-106].

Модель кар'єри історика сприймається як накопичення культурного (знання), символічного (престиж, добре ім'я, авторитет) та інституціонального (науковий ступінь, звання, посада, платня) капіталу. Модель кар'єрного зростання інтелектуала обов'язково містить подолання внутрішніх (ідейних) і зовнішніх криз (зміна групового, особистого чи професійного статусу), конфліктних ситуацій, побутового, особистісного чи то ідеологічного характеру в корпоративному середовищі. Складовою моделі кар'єри інтелектуала являється утворення вертикальних (школа, дидактична вісь вчитель/учні) та горизонтальних ліній зв'язків (міжпоколінні зв'язки, контакти «віч на віч»), переплетіння яких й утворює ключові вузли мережі наукових комунікацій, мотором якої постає особистість історика.

Індекси професійно-кар'єрного зростання історика визначають його місце в науково-адміністративній ієрархії: кафедра, відділ, центр, науковий ступінь, учене звання, посада, кількість праць, індекс цитування. Високий адміністративний статус лише формалізує позиції та місце історика у професійному середовищі, проте не перетворює його автоматично на лідера школи або групи, формальної чи неформальної, всередині корпорації. Часто генераторами ідей можуть виступати неформальні лідери (В. Липинський, І. Лисяк-Рудницький). Кореляція адміністративного статусу, інтелектуального потенціалу, особистих якостей історика, його лідерських здібностей помітна на прикладі успішних академічних шкіл (М. Грушевського, Д. Багалія).

Соціальним статусом визначається ставлення до інновацій в науці. Зазвичай спостерігається зворотна залежність: чим вищий адміністративно-корпоративний статус історика, тим менше відкритості у нього до змін, до нового у професійній сфері. І навпаки, порівняно низький статус у професійній корпорації (початківець, аспірант, інтелектуальний маргінал, учений-«міждисциплінарій») зумовлює відкритість до незвичайного, навіть провокативного в науці, радикальних змін ролей, масок, навіть організаційних структур. Кількісний показник праць ученого при визначенні статусності поступається якісному рівню праць історика.

Індекс цитування визначає місце історика у мережі інтелектуальних комунікацій. Мережі цитування, як вважається, структурують інтелектуальне співтовариство і наукові дисципліни. Посилання у статті, вважає Р. Коллінз, є показником культурного капіталу (КК) її автора. Мотиви цитацій, характер яких визначає опозиція своє/чуже, бувають найрізноманітніші: «1. авторське цитування; 2. конструктивне цитування; 3. інформаційне цитування; 4. критичне цитування; 5. негативне цитування» (І. Беленький) [3, с. 26]. Розгалужені мережі цитувань засвідчують, з одного боку, формування статусної ідентичності історика, з іншого, усвідомлення науковим товариством корпоративної єдності.

Показником групової ідентичності історика є індекси зовнішнього життя історика: соціальне походження, родина, спосіб життя, матеріальний статок, зовнішній вигляд, модель поведінки, політична культура, громадянська позиція, етикет, коло читання, мовні стратегії, відпочинок, хобі, колекціонування.

Індексами інтелектуального життя історика слугують кар'єрний успіх, розмаїття його культурно-наукових світів та стиль мислення. Інтелектуальний успіх історика забезпечується рівнем освіти, приналежністю до певної історіографічної школи чи традиції, знанням мов, контактами та входженням до міжнародного інтелектуального середовища, формальним/неформальним лідерством, авторитетом серед колег, наявністю наукової репутації, зв'язками із ЗМІ, існуванням власних проєктів (груп, гуртків, видань, часописів, друкованих чи електронних), частотою закордонних відряджень, участю у спільних міжнародних проєктах, тощо.

Науковий світ історика розмаїтий і містить водночас декілька світів: історію як фах, інтерес до філософії, історичної публіцистики, літературні смаки та уподобання. Історик також часто «примірює» на себе роль політика, державного службовця, експерта, культурно-громадського діяча. Чим більше світів історика, тим ширше коло його інтересів та досліджень, тим гармонійнішою стає його особистість.

Стиль мислення історика зумовлює його мовну поведінку, теоретичні преференції, вибір практик історичного письма. Стиль мислення напрямцє корелюється з типами істориків. Існують різні класифікації типів істориків: історик-дослідник, генератор ідей, організатор науки, критик, історик-джерелознавець, історик-бібліограф, історик-археограф, історик-художник, історик-«рудокор», який усе життя видобуває руду нових фактів. До цього ряду можна додати: історик-іронік, історик-хронікер, історик-політик, історик-публіцист, історик-бізнесмен.

Складовою кар'єри історика є суперництво/конфлікт. Структурне суперництво існує у самих різних формах: партнерство, співпраця, співавторство, конфлікт (особистого, соціально-психологічного, інтелектуального, навіть побутового характеру). Партнерство передбачає дружні особистісні стосунки, ідейне порозуміння, постійний обмін між партнерами культурним капіталом (КК) та емоційною енергією (ЕЕ). Різновидом формального і неформального партнерства є спільна праця (розподіл ролей и функцій у групі), або співавторство як засіб роботи (епізодичне чи регулярне). Співавторство передбачає єдиний інформаційний простір, близькість ідейних позицій, єдиний інструментарій, дружні міжособистісні стосунки. Конфлікт у корпоративному середовищі істориків має форми: прихованої конфронтації, відкритого протистояння, скандалу. Конфлікт може бути формальним і неформальним: спір, дискусія, полеміка, плагіат-скандал тощо.

Конфлікт в університетському середовищі визначають як «конфлікт вчених-інтровертів» (А. Свешніков). Виникнення конфліктів пов'язують із психічними особливостями учених-інтровертів, зокрема академічний конфлікт кваліфікують як боротьбу людей, а не ідей. З огляду на це, мотиви конфлікту є здебільшого соціально-психологічні або матеріальні, побутові. Конфлікт в науці має свою структуру: предмет конфлікту – середовище – суб'єкт конфлікту. Конфлікт виконує певні функції та

має внутрішню динаміку. Існують різні типи конфліктів у науковому середовищі: міжпоколінний (традиційне протистояння батьків/синів), ідеологічний або світоглядний конфлікт, що виникає між прибічниками різних парадигм, шкіл, теорій (наприклад, між істориками-традиціоналістами та модерністами в сучасній історичній науці). Мотиви конфлікту, який може перетворитися на академічний скандал, на думку дослідників, – це боротьба за переподіл інституціонального, символічного та економічного капіталу.

Суб'єкт конфлікту – постать «скандаліста», який своєю поведінкою провокує конфронтацію (як П. Мілюков для школи В. Ключевського, С. Томашівський – для школи М. Грушевського). Інший тип суб'єкту конфлікту – це т.зв. «латентний скандаліст», той, хто приховує свої антипатії та злобу, хто не бажає конфліктувати «за правилами» і лише при нагоді, виникненні зручної ситуації чи відповідної політичної кон'юнктури, вступає у боротьбу/конфронтацію (гоніння на «стару» професуру за радянських часів наприклад, М. Рубач проти М. Грушевського). Втім, постать «скандаліста», тобто суб'єкта конфлікту – це не сукупність якостей особистості, а «результат сприйняття» його у корпоративній свідомості, «це ставлення до людини, її поведінки», скандал/конфлікт у професійному середовищі – «яскравий вияв порушень норм поведінки» (А. Антощенко, А. Свешніков) [2, с. 120, 121, 123, 126, 128-130].

Конфлікт у науковому середовищі часто реалізується у стратегіях «замовчуваності». Вони є контрверсійними власним PR-стратегіям самодостатнього інтелектуала (ефект Грушевського), або стратегіям репрезентації наукового продукту, завдяки підтримці певних корпоративних груп та утворенню корпоративних брендів. У корпоративному середовищі українських істориків блискучим PR-ман'ом залишається М. Грушевський, який через низку гучних PR-акцій, дослідницьких, інституціональних та видавничих проєктів зумів створити новий академічний образ української історичної науки із національною специфікою, відповідний європейським стандартам, вміло репрезентувати свої інституції та академічну школу в Україні й поза її межами. Усе це М. Грушевському вдалося переплавити в потужний символічний капітал, який і до сьогодні дає великі дивіденди. В цілому конфлікт, на думку Р. Коллінза, виступає енергетичним джерелом творчості.

Теоретична модель кар'єри історика містить такі аналітичні структури, як «професорська культура», «історіографічна культура», «корпоративна культура», «історіографічний побут». Поняття історіографічного побуту, запропоноване у середині 1990-х рр. Ю. Троїцьким, доволі швидко увійшло до наукового обігу істориків науки (Г. Мягков, В. Корзун, Н. Алеврас) [16; 17; 8; 1]. На наш погляд, «історіографічний побут», або «академічне повсякдення» репрезентує соціокультурне тло кар'єри історика, себто архетипи взаємодії та інтелектуальні ритуали, що є символами групового членства, входження історика до певного наукового середовища. Університетські ритуали – це лекції, семінари, іспити, захисти кандидатських та докторських дисертацій, засідання учених рад університету, організація наукових конференцій, студентських гуртків, товариств, груп по інтересам [4; 5; 6; 15]. Академічний сценарій радянської і пострадянської доби передбачає планову особисту та колективну наукову роботу, захисти дисертацій, вчені ради, конференції, зустрічі-дискусії науковців, спільні дослідницькі проєкти, міжнародні комісії істориків, періодичні й серійні видання, з нових форм – тимчасові мобільні дослідницькі групи для розв'язання конкретних проблем, закордонні відрядження, стажування, «грантову лихоманку». Сенсаційні інтелектуальні ритуали врешті зводяться, якщо пригадати Р. Коллінза, до обміну культурним капіталом та емоційною енергією. Ідеї, насичені емоційною енергією історика (творчим ентузіазмом, інтелектуальним піднесенням), перетворюються на ідеї-символи, які створюють інтелектуальну напругу у співтоваристві й передаються його учасникам. Символи та емоції, вважає Р. Коллінз генерують енергію індивідуального мислення. Університетське життя, академічне повсякдення ієрархічно структуровані: у центрі знаходиться інтелектуал як мікроядро, далі близькі і віддалені орбіти спілкування, які й утворюють інституціональні засади наукового життя (кафедри, колеги, учителі, покровителі, видавці, наукове чиновництво тощо).

Уявна модель кар'єри історика містить етичний вимір, тобто поведінка вченого формується як за правовими нормами, так і за неписаними правилами й традиціями певної корпорації, характер корпоративних відносин задається учасниками комунікаційної мережі. Етична площина кар'єрного зростання включає й такі явища, як плітки, чутки, інтриги, котрі доволі поширені у

професорському середовищі, заочне обговорювання книжкових новинок, дисертацій, хабарництва. Йдеться також про практики протегування, встановлення взаємин патрон/клієнт, родинність, на жаль, не в сенсі «продовженої геніальності», а швидше як засіб отримання посад, грантів, адміністративних преференцій, «дарового докторства», коли автор посередньої роботи навіть не в змозі перетворити її на дослідження кваліфікаційного статусу. Усі ці явища не нові, ще французькі інтелектуали ХІІ ст. переймалися проблемою синів та племінників, охочих до «дарових» докторських ступенів [10, с. 160-164]. У дореволюційних російських університетах не рідкими були випадки присудження «дарового докторства» через протегування, родинність, а також практики написання дисертацій «майстрами пера». До речі, такса за написання магістерської дисертації в російських університетах наприкінці 1860-х рр. становила від 50 до 100 рублів [11]. В українському академічному середовищі об'єктом звинувачень у хабарництві став М. Грушевський з боку учнів, представників його наукової школи у Львові.

Модель кар'єри жінки в науці

Кар'єра жінки в науці, бізнесі, мистецтвах має специфічні риси й зумовлена психофізичною природою жінки та гендерними відмінностями. Чоловік і жінка відрізняються фізіологічно, з огляду побудови мозку інформація чоловіком та жінкою обробляється по-різному. У жінок відбувається кращий обмін інформацією між правою та лівою півкулями, що забезпечує жінкам надзвичайну інтуїцію, яка сприймається як підсвідомий розум. Для жінок властиві розумові операції індукції: перевага особливого, одиничного над загальним, зосередженість на деталях та окремих ознаках за рахунок цілісності. Для чоловіків типові операції дедукції: від загального до одиничного. Мислення чоловіків більш абстрактне, символічне, у жінок – емоційне, чутливе, образне. У жінок більш розвинутий вербальний інтелект, у чоловіків – візуально-просторовий інтелект та технічні здібності. У жінок краще розвинута тонка моторика, пришвидшене сприйняття знакової інформації і зображень. Проте, говорять: «деяким жінкам дістався чоловічий розум, а деяким чоловікам – жіноча зовнішність». Дійсно, розум окремих жінок подібний до чоловічого. Дослідження жінок-вчених доводять, що вони інтелектуальні, мають незалежне мислення, автономні, емоційно

стійки. Прикметно, що жінки і чоловіки по-різному сприймають кар'єру. Жінки розуміють кар'єру як форму самореалізації, як особисте зростання, чоловіки ж пов'язують кар'єрний успіх з престижними та перспективними посадами.

Жіноча кар'єра в науці має певні фази. Початкова фаза – входження жінки в науку. Щоправда, вважається, наука – це справа чоловіків. Світ, в якому перебуває жінка і прагне самореалізації – чоловічий, маскулінний, який живе за чоловічими правилами. В руках чоловіків знаходяться усі важелі регулювання потоків інформації, кадровий ресурс, фінансові потоки, владні повноваження та преференції, керівні й престижні посади, саме чоловіки-керівники визначають розстановку сил та розподіл ролей у професійній сфері. На етапі входження у професійне середовище жінка зустрічає більше перешкод ніж її колега-чоловік. Ставлення до фаховості жінок більш прискіпливе, жінці-науковцю необхідно доводити свої компетентність, здатність займатися наукою, посідати якесь місце у професійній ієрархії. Вона повинна демонструвати більшу фаховість, компетентність для подолання упереджень проти себе, чи то статі, чи то своєї науково-освітньої підготовки. До речі, самі жінки мають певну упередженість щодо своєї спроможності, переоцінюючи при тому здобутки та позитивні якості чоловіків-колег. Мотивація кар'єрних змагань жінки в науці доволі різноманітна. Існують деякі стереотипи щодо жінок-вчених, жінок у науковому середовищі. Один з найпоширеніших стереотипів: в науку йдуть жінки самітні з метою професійного зростання, кар'єри, у яких не заладилося сімейне життя, чи є проблеми з зовнішністю. Наступний стереотип: жінка-вчений втрачає жіночність, набуває маскулінних рис, стає мужоподібною, жорсткою, з купою комплексів та складним характером. Через те, що є жінки соціально захищені, щасливі у шлюбі, які успішно займаються обраною справою, розрізняють кар'єру-«хотіння» та кар'єру-«потребу» (внаслідок соціальних, економічних, психологічних проблем).

Наступна фаза – просування по кар'єрних сходинках. Кар'єрне зростання не тільки жінок, а і чоловіків супроводжується посиленням конкурентної боротьби. На даному етапі професійного зростання особливо вразливі жінки, за всіх рівних умов перевага завжди надається чоловікові. Відомо, чим вище людина просувається по кар'єрних сходинках, тим більший рівень агресії довкола. Чим вище сходинка кар'єрної ієрархії, тим швидше жінка-

вчений натикається на «скляну стелю» (вислів жінки, нобелівської лауреатки), що означає, начебто все навколо прозоро, відкрито, проте подальший кар'єрний рух жінки у науковому середовищі неможливий. Справа в тім, що жінки більш залежні від зовнішніх впливів, вони чимало втрачають, коли їх витискують у сферу приватного життя. Професійне зростання жінки має складний, суперечливий характер. На відміну від чоловіка професійна сфера залишається не єдиною для самореалізації жінки. Сімейні обов'язки та високопрофесійні функції, які виконує жінка-вчений, утворює низку опозицій: між маскуліністю і фемінністю, раціоналізмом та емоційністю, автономністю і залежністю. Подолання цих суперечностей при збереженні наукової домінантності діяльності призводить до «синергічності» – настанови на поєднання несумісного. Саме наявність зовнішніх чинників та внутрішньої мотивації є джерелом творчості жінки-вченого, що вивільняє її духовно-психічний потенціал. Проте, інколи жінки свідомо саботують свої досягнення, щоб не втратити рівноваги між особистісно-сімейним та професійним у своєму житті, запитуючи себе: «а навіщо це мені потрібно?», саме тоді, коли починають дійсно відчувати успіх і віддачу у своїй кар'єрі.

Вирішальна фаза кар'єрного зростання жінки-вченого – досягнення результату. У такому контексті результатом вважається успіх. Якщо успіх чоловіка-вченого цілком передбачуваний і очікуваний, що зумовлено його здібностями та низкою стабільних чинників і передумов. Кар'єрний же успіх жінки в науці пояснюється швидше нестабільними причинами: вдалість, випадковість, влучний збіг обставин, допомога оточення, патерналізм родини, якщо це наукова династія. Саме з професорських родин прийшли в академічну науку перші українські жінки-історики Катерина Грушевська, Катерина Лазаревська, Ольга Багалій-Татарінова та ін. Щоправда, компетентність та успішність жінок не зустрічає особливої підтримки ані з боку жінок-колег, ані чоловіків.

Успіх у кар'єрній боротьбі ре-актуалізує моральні та етичні чинники. Жінки в науці не менш амбітні, ніж чоловіки. Разом з тим стиль лідерства у них різний. Взагалі лідерська роль вважається маскуліною, суто чоловічої прерогативою. Щоб досягти успіху жінка мусить демонструвати більш високу компетентність для подолання упереджень проти себе і своєї ролі у професійному середовищі. На відміну від чоловіків-колег стиль лідерства у жінок

не репресивний, тобто жінка може керувати без примусу. Жінки не пристосовуються до чоловічого стилю керівництва, а творчо використовують нетрадиційний спосіб управління (особиста привабливість, м'якість, прагнення симпатії, любові). Для жінок-лідерів властиві відхід від управлінського раціоналізму у бік більшої відкритості та гнучкості по відношенню до колег та обставин. З огляду на сильну залежність жінок їх професійна етика та принципи великою мірою зумовлюються моральними якостями. Соціальна відповідальність жінок у сфері науки вища ніж у чоловіків. Успіху в науці досягають ті жінки, які мають аналітичні здібності, адекватну самооцінку, помірковану амбіційність, здатність виступати консолідуючим фактором у корпоративному середовищі [12]. У цілому, порівняння етичних настанов жінок і чоловіків в науці засвідчує схильність жінок до корпоративних стратегій поведінки та творчості, спрямованих на об'єднання та консолідацію зусиль у колективі чи групі. Жінки більш толерантні, менш конфронтаційні і можуть запропонувати ефективні рішення та підходи у розв'язання етичних і наукових проблем. Емоційно жінка перевершує колег-чоловіків і запускає механізми міжособистісної додатковості, психологічної рівноваги та продуктивної співпраці.

Типова біографія історика: проблеми типології

За типами біографії та кар'єрного зростання істориків можна поділити на такі групи: 1. історики академічного кола; 2. історики – вузівські викладачі; 3. історики в експертному середовищі; 4. історики – політики, державні службовці, бізнесмени; 5. невеличка група істориків-«self-made». В академічному середовищі кар'єрні сценарії істориків розгортаються по-різному. Існує вищий ешелон – високостатусних посадовців, в руках яких знаходиться адміністративний ресурс та фінансові потоки. Вони всі мають учені ступені, наукові звання, одержують престижні премії, стають лауреатами, мають науковий імідж. Середня ланка істориків в академічних структурах представлена тими, хто окрім наукової роботи займаються викладацькою практикою, мають розгалужену мережу наукових зв'язків, стосунки з зарубіжними колегами, виборюють гранти, наукові проекти, мають достойний рівень статків, певний науковий статус та наукову репутацію. Ще одна група істориків, які працюють в структурах АН, – малоактивні, безініціативні, які використовують старий багаж знань, вони не

відкриті до нових ідей і технологій в науці, як правило, не задоволені своїм матеріальним становищем, проте мають якісь додаткові нестабільні прибутки.

Друга група істориків – працівників вишів – більш різноманітна та детальніше структурована [13, с. 115-119]. Виокремлюють «викладачів по життю», для яких викладання – основна професія, які мають учені ступені та наукові звання, по можливості займаються наукою, користуються повагою у студентів, мають середній рівень статків. Викладачі, які «включенні у чисельну зайнятість», це ті, які працюють водночас у кількох вузах, консультують, виступають, з політичними і популярними статтями в місцевих ЗМІ, на ТВ. Представники цього типу працюють багато, ні від чого не відмовляються, їх цінує керівництво, поважають студенти. Ще один розряд істориків-викладачів: «науковці-ентузіасты», які працюють в університетах і серйозно займаються наукою, весь час підвищують свій інтелектуальний рівень, прагнуть відповідати сучасним науковим стандартам, з задоволенням працюють із студентами. У власній системі цінностей цієї нечисленної групи вузівських викладачів заняття наукою домінують над викладанням, матеріальний статус їх незадовільний, через те що багату часу приділяють науковій праці. Невелика група істориків – «менеджерів, адміністраторів», які мають учені ступені, наукові звання, обіймають керівні посади, виступають організаторами освітньо-наукової роботи в своїх підрозділах, займаються публічною діяльністю, виступають у ЗМІ, співпрацюють з керівництвом та владними структурами. Через брак часу викладають невеличкі й нечисленні курси. Чимало з них мають наукові амбіції, смак до наукової роботи, задовільні статки, достойний спосіб життя. «Стара гвардія» – історики передпенсійного чи пенсійного віку, зазвичай, консервативних поглядів, які не сприймають новацій, викладають традиційні курси, мають ступені та звання, користуються повагою серед колег. Додатковими заробітками не займаються, надають перевагу заняттям з аспірантами, докторантами, їх матеріальний статус задовільний. «Професійно-сімейний тандем» – подружжя викладачів, які вже мають певний науковий статус, при тому перевага в отриманні наукових регалій надається чоловікові, на другому місці – кар'єрне зростання дружини. Такий «науково-освітній тандем» характеризується взаємною підтримкою, допомогою, вони доповнюють і замінюють один одного в

навчальному процесі, разом відвідують наукові конференції та інші заходи, часто подружжя виступає у співавторстві, у спільних проектах. Матеріальне становище родинного дуету викладачів-істориків нестабільне, вони передають естафету заробітків один одному, досягаючи середнього рівня статків.

Наступна група істориків, які зробили кар'єру в експертному середовищі. Більшість з них має базову історичну освіту, які згодом знайшли нішу у політичному консалтингу, стали PR-менеджерами, політтехнологами, керівниками соціологічних агенцій та центрів, як надають експертні послуги. Дана категорія істориків має високий рівень освіти, досвід практичної роботи, 2-3 додаткові освіти (юридична, соціологічна, психологи, політологи). Широко використовують ЗМІ, Web-ресурси, адмініструють аналітичні сайти, активні в соціальних мережах.

Категорія істориків за фахом, які зробили кар'єру в бізнесі, політиці адміністративній, суспільно-політичній сферах, стали успішними підприємцями, державними службовцями, політичними діячами, депутатами усіх рівнів. Вони зберігають повагу та інтерес до історії. Надають фінансову підтримку численним науковим, видавничим проектам, часописам. Виступають в ролі меценатів, благодійників, підтримують наукові інституції та організаційні заходи (конференції, виставки, музеї, флеш-моби, фестивалі, благодійницькі акції).

Є нечисленна група істориків, які зробили нетипову кар'єру, досягли виняткових успіхів у кар'єрному зростанні. Це історики «self-made», які зробили собі ім'я вдома і на Заході, інтегровані у західні наукові структури, мають високі статки, достойний спосіб життя. Вони автономні, незалежні і водночас запитані у науковому середовищі, мають високий індекс цитування, схвальні наукові репутації. Чимало часу проводять у закордонних відрядженнях, на стажуванні, працюють на гранти, беруть участь у престижних спільних проектах. Дехто займається викладацькою роботою. Їх наукова діяльність продуктивна, різноманітна, часто виконується на замовлення. Є проблеми з колегами та адміністративним істеблшментом. До цієї категорії можна віднести «незалежних дослідників», тих вітчизняних істориків, хто обіймає посади в західних інституціях та навчальних закладах.

У цілому, завжди існує зазор між різними моделями кар'єрного зростання істориків: реальною, типовою та ідеальною. Реальна або фактична завжди унікальна, типова потребує конструювання за

допомогою абстрагування та аналітичних процедур. Ідеальна модель кар'єри історика також змінна і відповідає викликам часу, культурним та етичним цінностям. «Кар'єра» як аналітична структура слугує інструментом вивчення інтелектуальної біографії історика, етосу та етики науки.

Література

1. *Алеврас Н. Н.* Что такое «историографический быт»: из опыта разработки и внедрения историографической дефиниции // Историческая наука сегодня: Теория, методы, перспективы / под ред. Л. П. Репиной. Москва, 2011.
2. *Антощенко А. В., Свешников А. В.* Конфликт без скандала в университетской среде. Internet chat on line или диалог в одном времени: переписка из двух очень далеких углов // Мир Клио. Сб. ст. в честь Лорины Петровны Репиной: В 2 т. Т. 2. М. 2007.
3. *Беленький И. Л.* Ученый историк в системе научных коммуникаций. Научно-аналитический обзор. М., 1983.
4. *Вишленкова Е.* Университетские ритуалы (на материалах Императорского Казанского университета) // Харківський історіографічний збірник. Х., 2004. Вип. 7.
5. *Вишленкова Е.* Корпоративність і етнічна ідентичність Казанського імператорського університету // Схід/Захід: Історико-культурологічний збірник. Вип. 7. Університети та нації в Російській імперії. Х., К., 2005.
6. *Вишленкова Е. А.* Публичная и частная жизнь человека Казани XIX века // Адам и Ева. Альманах гендерной истории / под ред. Л. П. Репиной. М., 2007. Вып. 7.
7. *Коллинз Рэндалл.* Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002.
8. *Корзун В. П.* Научная школа в интерьере «историографического быта» (В. О. Ключевский, П. Н. Миллюков С. Ф. Платонов, А. С. Лаппо-Данилевский) // Российская культура: модернизационные опыты и судьбы научных сообществ: материалы Второй всерос. науч. конф. Омск, 1995. Т. 2.
9. *Костина Т. В.* Карьера в университете, или сколько лет должно быть профессору? // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2007. Вып. 20.
10. *Ле Гофф Жак.* Интеллектуалы в средние века / пер. с фр. А. Руткевича. [Б. м.], 1997.

11. *[Майков А. А.]* Даровое докторство (Письмо из Москвы) // Отечественные записки. 1872. №2. Цит. за: Антощенко А. В., Свешников А. В. Указ. соч.
12. *Мифология* женской карьеры. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://job.ukr.net/news/2006/08/492/>. Доступ – 02.08.2006 г.
13. *Назарова И. Б.* Типология преподавателей высшей школы // Социс. 2006. № 11.
14. *Осіян О.* Наукова кар'єра американського історика: сучасні тенденції та перспективи // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. К., 2009. Вип. 4.
15. *Сальникова А. А.* Частная жизнь человека в Казани, 1920–1990-е гг. // Адам и Ева. Альманах гендерной истории / под ред. Л. П. Репиной. М., 2004. Вып. 8.
16. *Троицкий Ю. Л.* Историографический быт эпохи как проблема // Российская культура: модернизационные опыты и судьбы научных сообществ. Мат-лы Второй всерос. науч. конф. Омск, 1995. Т. 2.
17. *Умбрашко К. Б.* М. П. Погодин и «историографический быт» в России в середине XIX века // Российская культура: модернизационные опыты и судьбы научных сообществ. Мат-лы Второй всерос. науч. конф. Омск, 1995. Т. 2.

А. В. ЛУБСКИЙ

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ И ФАЛЬСИФИКАЦИОНИЗМ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ

Резюме: В статье рассматриваются виды, причины и способы фальсификации в условиях политизации и этнизации истории; фальсификационизм как принцип научности в историческом познании.

Ключевые слова: фальсификация, этнизация истории, конструктивизм, фальсификационизм, эмпирический фальсификационизм, методологический фальсификационизм.

Лубський А. В. Фальсифікація та фальсифікаціонізм в історичному пізнанні

Резюме: В статті розглядаються види, причини та способи фальсифікації в умовах політизації та етнізації історії; фальсифікаціонізм як принцип науковості в історичному пізнанні.

Ключові слова: фальсифікація, етнізація історії, конструктивізм, фальсифікаціонізм, емпіричний фальсифікаціонізм, методологічний фальсифікаціонізм.

Lubsky A. V. Falsification and falsificationism in historical cognition

Summary: The forms, causes and modes of falsification in the conditions of politicization and ethnization of history, falsificationism as a principle of scientific character in historical cognition are considered in the article.

Keywords: falsification, ethnization of history, constructivism, falsificationism, empirical falsificationism, methodological falsificationism.

Британский историк, теоретик национализма Э. Хобсбаум в 2005 г. опубликовал статью «В защиту истории», в которой отметил, что «последние тридцать лет стали золотым веком массового порождения эмоционально окрашенных исторических фальсификаций и мифов» [14]. Всплеск фальсификаций в историческом познании был обусловлен развернувшейся в эпоху глобализации интеграцией локальных сообществ, которая сопровождается поиском национальной идентичности и обострением интереса к истории как средству легитимации их культурной самодостаточности и исключительности. Важнейшим ресурсом такой легитимации выступает коллективная историческая

© Лубский А. В.

память, в которой по-своему осмысливается историческое прошлое и создается своя версия истории, строящаяся на основе доминирующей культурной традиции. В этой версии содержатся такие трактовки истории, которые имеют особое общественно-политическое и эмоционально-нравственное значение для конкретной страны или этнической общности.

В настоящее время культурную жизнь национальных сообществ захлестнула «мемориальная мания» [6, с. 138], в контексте которой формируются «институты памяти», складывается особая «историческая политика», происходит «национализация истории» [12, с. 286–297] создаются конкурирующие «воспоминания о прошлом», тесно связанные с ее политизацией и этнизацией, заинтересованностью различных политических и этнических сил в «переписывании истории» [8, с. 126–135].

Благоприятные условия для фальсификации истории открывает также культурный поворот в историческом познании, связанный со стремлением постигать историческое бытие не только как культуру, но и через культуру. Это стремление получило реализацию в русле когнитивного конструктивизма, который реализуется в теории исторического познания в двух формах – радикального конструктивизма и конструктивного реализма.

Радикальный конструктивизм, или исторический антиреализм, исходит из того, что историческая реальность является лишь продуктом аутопозитического сознания субъекта исторического познания, базирующегося на принципе «affirmo ergo est» («утверждаю, значит так есть») [5, с. 185–186].

Конструктивный реализм, или феноменологический конструктивизм, преодолевая оппозицию реализма и конструктивизма, исходит из того, что познающий субъект не столько отражает, сколько конструирует историческую реальность в рамках определенного культурно-эпистемологического контекста, но такую реальность, которая в определенной мере соответствует трансцендентальной исторической действительности. Разновидностью конструктивного реализма выступает конструктивный альтернативизм, согласно которому прошлое может интерпретироваться субъектами исторического познания разными способами на основе «конструктивных альтернатив», или моделей исторической реальности, позволяющих рассматривать исторические факты с различных точек зрения.

В связи с распространением в историческом познании конструктивистских идей «в современном научном мире, – как отмечают некоторые исследователи, – почти не осталось серьезных историков, которые бы с такой страстью, как еще совсем недавно, отстаивали тезис о возможности и необходимости единого подхода к истории, отражающего одну, единственно верную историческую теорию, способную охватить и передать весь широкий спектр многообразного и многослойного мира истории с его разнообразными особенностями, сложностями и противоречиями, не поддающимися никаким, даже самым основательным и тщательно продуманным, единым схемам и моделям развития» [2, с. 17]. В результате в современной исторической эпистемологии подвергается критике представление о том, что историк должен стремиться показать, «как было на самом деле» и тем самым передать нам «непосредственный» опыт прошлого [6, с. 6].

Под влиянием идей конструктивного реализма в исторической науке происходит становление нового типа методологического сознания, актуализирующего вопрос о субъективном «мире» научного исторического знания, в котором обнаруживает себя объективный «мир» исторической действительности. Этот тип методологического сознания основан на представлениях о том, что: 1) историческая реальность как внешний для исследователя «мир прошлого» сама по себе не дает никаких гарантий адекватности научного исторического знания; 2) об исторической реальности можно говорить на разных языках, в контексте различных теорий, с учетом различных перспектив; 3) в научном историческом познании методология определяет, что может (или должно) быть наблюдаемо в «мире прошлого»; 4) научное историческое познание, протекающее при определенных культурно-когнитивных условиях, обусловлено стилем мышления сообщества, к которому принадлежит ученый, и его методологическими ориентациями; 5) историк, веря в целесообразность (или смыслообразность) исторической реальности, создает «картину прошлого» в виде системы когерентных понятий и логически непротиворечивых умозаключений так, что, будучи поставленной на место исторической реальности, эта «картина» посылает такие же личные его «послания», как и сама реальность; 6) исторические знания как результат научного познания всегда контекстуальны и индексикальны, поскольку они обусловлены познавательным контекстом и отмечены индексом схематизма, на основе которого

они транслируются; 7) научные исторические знания как репрезентации «мира прошлого» не являются его «репродукциями», «отражениями», поскольку эти репрезентации несут на себе «почерк» познающего; 8) научные исторические знания, зависящие от контекста и перспективы, имеют статус познавательных конструкций, они концептуально относительны, их нельзя априори защитить от скептических возражений; 9) историк, создавший определенную «картину прошлого», может утверждать, не опасаясь фактических опровержений, что он в действительности познал некую сторону исторической реальности, хотя это утверждение не может быть никогда прямо доказано.

В рамках такого методологического сознания «мир прошлого» начинает встречать ученых в разных ипостасях, которые историки выбирают для конкретной научной «встречи». В нем преодолевается «жажда объективности» и формируется представление о том, что «мир прошлого» становится исторической реальностью в соответствии с познавательным контекстом. Множественность познавательных контекстов делает историческую реальность принципиально многозначной и превращает историю в «искусство памяти» [13, с. 25-26].

В условиях, когда становится бессмысленным игнорировать «чужую» историческую память, делая вид, что ее не существует вовсе и огульно объявляя ложными те факты и толкования, которые за ней стоят, историческое познание начинает рассматриваться как конструирование «мира прошлого», а историческое знание – как книга о «реальности прошлого», пишущаясь вновь и вновь различным образом на языках тех или иных культур и исторических эпох. В таких условиях научное историческое знание приобретает онтологическую «скромность»: оно утрачивает историческую реальность «саму по себе» в той мере, в какой эта реальность трансформируется в знаки, символические формы и тем самым в разные «картины прошлого», из которых ни одна не может быть признана единственно правильной.

Это создает дополнительные методологические трудности для научного изучения фальсификаций в историческом познании, поскольку споры на исторические темы, в том числе и в самом академическом сообществе, сегодня ведутся не столько вокруг исторических фактов, сколько по поводу различных их интерпретаций, обусловленных культурно-эпистемологическими предпочтениями. Все это делает достаточно актуальным вопрос о

фальсификации и фальсификационизме в историческом познании с позиций рефлексированного методологического сознания.

В научной литературе под фальсификацией в историческом познании обычно понимается сознательный отказ от поиска истины в историческом познании или сознательное искажение исторических фактов и их тенденциозная трактовка в целях, не имеющих отношения к исторической науке. При этом мотивы фальсификации могут быть самыми разнообразными: 1) политическими и идеологическими, связанными с легитимацией политических режимов или идеологических проектов; 2) личностно-психологическими, основой которых выступает желание самоутвердиться, получить общественное признание путем подготовки сенсационных «разоблачений» или «открытий» в исторической науке, способных перевернуть существующие представления об историческом прошлом; 3) коммерческими, обусловленные стремлением приобрести не только славу, но и деньги [1, с. 28-43].

Выделяют также различные виды фальсификации истории: 1) «добросовестные и недобросовестные заблуждения»; 2) дилетантские искания на уровне малоизвестных лженаучных гипотез и растрогированных, получивших общественное признание лженаучных проектов [7; 9]. В плане методологического анализа более перспективным выглядит, на наш взгляд, выделение осознанных фальсификаций, вызванных внеучными целями, так и неосознанных фальсификаций, обусловленных, во-первых, спецификой исторического познания и связанной с ней проблематичностью поиска объективной истины, во-вторых, низким уровнем профессионализма субъектов исторического познания.

Внешние причины осознанных фальсификаций истории, или когнитивных измышлений, заключаются в том обстоятельстве, что в условиях политизации и этнизации истории спрос на научную историю в локальных сообществах всегда значительно меньше, чем спрос на исторические мифы, выступающие средством национальной интеграции или этнической мобилизации. Фальсификации истории и связанные с ними разного рода сенсационные «открытия» в историческом познании, закрашивание «белых пятен» в истории привлекают обывателя своей доступностью и анти-академическим шармом. Кроме того, различные фальсификации истории очень часто становятся

политическим ресурсом: политики то и дело используют отдельно взятые исторические факты и их пристрастные интерпретации для обоснования своих популистских амбиций и политических действий.

Внутренние причины осознанных фальсификаций истории обусловлены такими негативными тенденциями в современном историческом познании, как ангажированность, антрепренерство и нашествие «околонаучного маргинала».

Ангажированность исторического познания проявляется в предвзятом отношении к историческому прошлому, обусловленному сознательно выбранной идеологической или политической позицией. Ангажированность исторического познания сопровождается производством исторических знаний, носящих идеологическую или политическую окраску. В результате чего история превращается в первом случае в проекцию идеального будущего, а во втором – в «политику, опрокинутую в прошлое».

Антрепренерство в историческом познании связано со стремлением некоторых историков братья за решение любых познавательных задач и искажать полученные результаты в угоду заказчику. Антрепренерство часто обусловлено «этосом» государственной или этнической сервильности, определяющим институциональные каноны познавательной деятельности историков. В этой деятельности на первый план выходит не стремление к научной истине, а удовлетворение запросов со стороны государства или этнических групп в ракурсе исторического «прозелитизма».

«Нашествие околонаучного маргинала» – это появление в сообществе историков дилетантов без специальной профессиональной подготовки, но жаждущих признания и претендующих на «переворот» в исторической науке. Типичным примером их продукции является «фолк-истори» – своего рода номинация для обозначения претендующих на научность литературно-публицистических трудов и идейно-теоретических концепций на исторические темы, созданных с позиций негационизма как разновидности исторического ревизионизма, при котором «новая» концепция строится на полном отрицании или игнорировании научных исторических фактов.

Внешние причины неосознанных фальсификаций, или когнитивных заблуждений, связаны с ослаблением или отсутствием методологического контроля со стороны академического

сообщества за производством исторических знаний. Внутренние причины неосознанных фальсификаций обусловлены отсутствием профессионализма у субъектов исторического познания, издержками их профессиональной культуры.

В настоящее время можно выделить различные способы фальсификации в историческом познании. Во-первых, это способы, имеющие отношение к работе с историческими источниками, направленной на получение эмпирической информации. Одним из таких способов является подделка исторических источников или получение эмпирической информации из недостоверных источников. Другой способ связан с нарушением процедур критики исторических источников и производства эмпирических знаний. В основе этих нарушений лежит, прежде всего, дилетантизм в источниковедении, связанный с отсутствием профессиональных компетенций в работе с историческими источниками, направленной на получение репрезентативной эмпирической информации [4]. Кроме того, это – выборочное знакомство с историческими источниками, отбор подходящих свидетельств, «игры в примеры».

Специалисты отмечают, что отличительной чертой псевдоисторических сочинений является пренебрежительное отношение ко всей совокупности исторических источников, тенденциозный отбор фактов и подтасовки, которые требуются для иллюстрации уже готового и сформулированного еще до начала «исследования» вывода. Поэтому главная цель работы с историческими источниками в таких сочинениях состоит в получении фактов, укладывающихся в предложенную концепцию. Искусство ниспровергателя устоявшихся истин требует жертв, и ими, как правило, становятся «неудобные» факты, свидетельства и документы [9].

Во-вторых, это способы фальсификации, имеющие отношение к интерпретации эмпирической информации и связанные с нарушением в историческом познании процедур понимания, объяснения и производства теоретических знаний. Процедуры понимания в историческом познании как «вживания в иную культуру» подменяются презентизмом – взглядом, с одной стороны, на прошлое как на источник исторического опыта, а с другой стороны, истолкованием истории на основе опыта современности. Вследствие чего историк выступает в роли «пророка, предсказывающего назад» [11, с. 63-88].

Очень часто в основе фальсификаций истории лежат неадекватные теоретические модели объяснения, разработанные на ином историческом или социокультурном материале. Некритическое заимствование и использование в историческом познании неадекватных объяснительных конструктов связано, как правило, с выдвиганием некоторых умозрительных гипотез, на основании которых происходит переинтерпретация всего эмпирического материала.

В процесс производства теоретического знания допускаются следующие методологические aberrации: 1) высказываются теоретические суждения, которые не учитывают всю совокупность эмпирических знаний; 2) теоретические суждения, полученных при интерпретации частных случаев экстраполируются на всю генеральную совокупность

Зачастую производство исторических знаний вообще не опирается на источники эмпирической информации и подменяется метафорическими суждениями или риторическими умозаключениями. Конечно, отдельные сведения из исторических источников или цитаты из исторических произведений могут быть избирательно привлечены для придания убедительности новым историческим версиям, но их роль будет носить исключительно иллюстративный характер. Как правило, авторы таких фальсификаций очень смутно представляют себе отличия исторических источников от исторических сочинений. Для них главное – это «ошарашивающая истина», вступающая в непримиримое противоречие с академической наукой и разрушающая привычные исторические представления. Такое разрушение исторических представлений, сложившихся в научном историческом познании, сопровождается активизацией мифологического мышления, стремящегося к абсолютной исторической «правде» и не допускающего иных толкований исторического прошлого.

Особую роль сегодня играют этнополитические мифы как продукты фальсификации в историческом познании. Такие мифы, обладая сильной компенсаторной функцией, особенно востребованы в критические моменты истории, когда этническим группам грозит утрата культуры и языка, когда в результате распада империи возникают новые государства, а титульный имперский народ испытывает дискомфорт от потери прежнего статуса, когда соседние народы претендуют на одну и ту же

территорию, когда единый некогда народ оказывается разделенным и образует диаспору. Этнополитические исторические мифы служат не только средством этнической идентификации, но и этнической мобилизации [15].

В отличие от исторических фальсификаций, порождающих «лженаучные модели прошлого», фальсификационизм является принципом научности в историческом познании, который выполняет функцию контроля адекватности научных исторических теорий. Этот принцип имеет большое значение в условиях, когда на основе одного набора эмпирических данных разрабатываются несколько самостоятельных логически непротиворечивых исторических теорий, каждая из которых обладает своим собственным понятийным аппаратом, определенным эвристическим потенциалом и претендует на охват большей предметной области.

Фальсификационизм как принцип научности в историческом познании связан с производством теоретического исторического знания, адекватного как исторической реальности, так и способам когнитивной деятельности, принятым в академическом сообществе. Поэтому следует различать эмпирический фальсификационизм и методологический фальсификационизм. Идея эмпирического фальсификационизма в науке принадлежит К. Попперу, согласно которому рост научного знания происходит следующим образом: наука открывает все новые и новые факты, теории призваны этим фактам давать наиболее подходящие объяснения. Однако динамика научного знания связана не с верификацией научных теорий эмпирическими фактами и достижением на этой основе истинного знания, а, наоборот, с критикой научных теорий путем их фальсификации новыми эмпирическими фактами. В соответствии с этой идеей задача ученого-историка состоит в обнаружении таких исторических фактов, которые не поддаются объяснению в рамках господствующих научных исторических теорий. Такого рода исторические факты обнаруживают гипотетический характер существующих исторических теорий и тем самым подвергают их фальсификации. В результате создаются новые исторические теории, которые, согласно К. Попперу, заменяют старые [10], или, как считал И. Лакатос, начинают сосуществовать наравне со старыми теориями, но устанавливая пределы их применимости [3].

Однако в историческом познании альтернативные теории бывает очень трудно фальсифицировать эмпирическим путем. В связи с

этим можно прибегнуть к внеэмпирической фальсификации исторических теорий на основе принципа методологического фальсификационизма, который связан с осуществлением методологического контроля за производством нового теоретического знания на основе атрибутивных признаков научности исторического познания. Методологический контроль за производством нового теоретического знания – это контроль за средствами и действиями в историческом познании. Это – методологический контроль за аутентичностью источников эмпирической информации; адекватностью парадигмальных оснований задачам исторического познания; когнитивными действиями, направленными на получение эмпирической информации и построения на ее основе системы эмпирических знаний, а также методологический контроль за действиями, направленными на получение теоретического знания и связанными с адекватностью объяснительных теорий (дедуктивный вариант), а также соответствием объяснительных теорий логике обобщения и классификации (индуктивный вариант).

Установление аномалий в когнитивной деятельности субъекта исторического познания, его несоответствия атрибутивным признакам научности приводит и к фальсификации исторической теории как его результата. Методологический фальсификационизм позволяет установить ненаучный характер тех или иных исторических теорий; или пределы, в рамках которых работают эти исторические теории, т.е. показать их ограниченный характер.

Литература

1. *Вяземский Е. Е.* Проблема фальсификации истории России и общее историческое образование: теоретические и практические аспекты // Проблемы современного образования. 2012. № 1.
2. *Искандеров А. А.* Два взгляда на историю // Вопросы истории. 2005. № 4.
3. *Лакатос И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М., 1995.
4. *Лобин А.* Пещерное источниковедение. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://polit.ru/article/2012/03/13/medinsky/>. Доступ – 25.01.2010 г.
5. *Лубский А. В.* Альтернативные модели исторического исследования. Saarbrücken, 2010.
6. *Мегилл А.* Историческая эпистемология / пер. с англ. М., 2007.

7. Неборский М. Иван Грозный был женщиной! Как рождаются исторические мифы // Родина. 1996. № 5.
8. Орлова И. Б. Этнозация исторического знания в постсоветских государствах // Социологические исследования. 2009. № 10.
9. Петров А. Е. Перевернутая история. Лженаучные модели прошлого // Новая и Новейшая история. 2004. № 3.
10. Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983.
11. Савельева И. М., Полетаев А. В. О пользе и вреде презентизма в историографии // «Цепь времен»: Проблемы исторического сознания. М., 2005.
12. Тренин Д. Post-imperium: евразийская история. М., 2012.
13. Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2003.
14. Hobsbawm Eric. In defence of history // The Guardian, Saturday 15 January 2005. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.guardian.co.uk/books/2005/jan/15/news.comment>. Доступ – 25.01.2010 г.
15. Шнирельман В. А. Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // Реальность этнических мифов. М., 2000.

С. И. МАЛОВИЧКО

ЭТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ИСТОРИИ

Резюме: В статье исследуется этическая проекция историографического исследования, заключающаяся в актуализации принципа признания чужой одушевленности. Повышение роли историографии происходит в ситуации, характеризующейся все большим размежеванием разных типов исторического знания: социально ориентированного и научно ориентированного. Делается вывод о своевременности формирования предметного поля источниковедения историографии и применимости принципа признания чужой одушевленности при проведении видовой классификации историографических источников, позволяющей современному историографу занимать более этически, чем ранее, позицию по отношению к «Другому» – автору изучаемой исторической работы.

Ключевые слова: этический поворот, история историографии, принцип признания чужой одушевленности, источниковедение историографии.

Маловічко С. І. Етичний поворот у вивченні історії історії

Резюме: У статті досліджується етична спрямованість історіографічної ситуації, яка полягає в актуалізації принципу визнання чужої натхненності. Підвищення ролі історіографії відбувається в ситуації, яка характеризується все більшим розмежування різних типів історичного знання: соціально орієнтованого та науково орієнтованого. Робиться висновок про своєчасності формування предметного поля джерелознавства історіографії та застосування принципу визнання чужої натхненності при здійсненні видової класифікації історичних джерел.

Ключові слова: етичний поворот, історія історіографії, принцип визнання чужої натхненності, джерелознавство історіографії.

Malovichko S. I. Ethical turn in the history of history

Summary: In a paper the author investigates the ethical orientation of a historiographic situation consisting in actualisation of a principle of acceptance a recognition the «Other». Increase of a role of a historiography happens in a situation characterised by the increasing delimitation of different types of historical knowledge: socially oriented and academically oriented. The conclusion about timeliness of formation of a subject field of a source study of a historiography and applicability of a principle of

© Маловичко С. И.

acceptance a recognition the «Other» becomes at carrying out of specific classification of historiographic sources.

Keywords: ethical turn, history of historiography, a principle of acceptance a recognition the «Other», source study of historiography.

Проблема взаимоотношения этики и науки не нова для гуманитарной сферы знания. Еще перед Первой мировой войной Ф. Ван Нэсс Майерс писал, что этика в научной сфере – это объективность и любовь к истине, без этого научный мир невозможен, интеллектуальная искренность ученого – достоинство, которое можно сравнить с наличием веры у священника [46, р. 335].

В последние десятилетия проблема этики в исторической науке все больше актуализируется. Историки задумались об этическом отношении исследователя к прошлому, а точнее к многоликим акторам исторического процесса. Предположение о том, что «исторический дискурс должен вступить в ландшафт этики» [50, р. 4], призывы к осуществлению «*этического поворота*» [34, р. 1-20], и выработке «толерантного отношения к «Другому» как основе современной этики» [28, с. 39], становятся вполне понятны после рефлексии о природе современного исторического знания. Само его появление как науки в эпоху Просвещения явилось гуманным, по своей сути, т.к. было связано с выбором «коллективного исключительного» – Человека как субъекта истории, заменившего в этой роли Бога.

История как наука за прошедшие столетия претерпевала не меньшие изменения, чем само человечество. Чутко отреагировал на них Ф. Бродель, когда заметил, что очень трудно переубедить историков, упорно желающих понимать под историей то, чем она была вчера, и потребует «немало времени и терпения, чтобы убедить их признать все те изменения и новшества, которые скрывает сегодня очень старый термин «история»» [3, с. 115-142].

Исторична не только сама история/историография, но историчен и «определенный вид» (по выражению К. Дженкинса [42, р. 43-60]) историка-профессионала, которому бросает вызов актуальная социокультурная ситуация, вынуждающая пересматривать ценности, присущие историописанию XIX–XX вв. По мнению Э. Д. Ермарт, ответом этому вызову становится *этика истории*. Поэтому историки должны осознать «культурную функцию» истории как одного из репрезентативных методов, характеризующих современность [35, р. 61-83].

Мне уже несколько раз приходилось обращаться к проблеме «история и этика» [13, с. 371-378; 16, с. 107-127]. Я акцентировал внимание на том, что рефлексия об этике в истории становится для многих одним из индикаторов парадигмального изменения в гуманитаристике; что этика в историческом исследовании не может быть универсальным принципом для всего сообщества историков, но она нужна как по отношению к «Другому» – человеку прошлого, так и для нашей продолжающейся современности.

Казалось бы, этика может «работать» или «не работать» и если она «работает», то в темноте, не освещенная никакой познавательной ратификацией, так как она относится к индивидуальному моральному выбору историка, тонко чувствующему актуальную социокультурную и научную ситуации или, напротив, совершенно о них не рефлексирующему. Но несомненным является то, что, как замечает К. Лоренц, научная история в XXI столетии должна научиться самостоятельно размышлять об этическом основании своего существования [43, р. 71]. Поэтому мне представляется, что замечание известного историка лишний раз подчеркивает актуальность выбранной харьковскими коллегами темы для обсуждения на очередных «Астаховских чтениях».

В этой статье я буду говорить об этической перспективе историографической ситуации, заключающейся в актуализации *принципа признания чужой одушевленности*. Поэтому под этическим поворотом, вынесенном в название статьи, я имею в виду принцип, признающий одушевленность «Другого», человека прошлого, автора того или иного документа или исторического труда. В таком случае мы можем говорить о допустимости разных способов объяснения реальности, а также признания равноправно-партнерских отношений с теми, кто мыслит ранее нас или с теми, кто мыслит независимо от нас сегодня.

В проблемном поле истории исторического знания мы уже наблюдаем реализацию этого принципа. Изучение иных представлений о прошлом позволяет исследователям увидеть, что стандартное для Европы понятие «история» является доминирующим, но, одновременно (что очень важно), и региональной культурной спецификой, а его традиционное понимание и использование не обязательно лучший инструмент для кросс-культурных исследований [40, р. 261-274].

Определенным выходом из заколдованного круга, созданного классической европейской историографией, является внимательное отношение как к самой европейской науке, так и к иным практикам понимания прошлого [11]. Сегодня исследователи изучают альтернативные формы исторической репрезентации, признавая множественность историчности [45, р. 345-365]. Этическая направленность теоретической основы новой историографической культуры позволяет историку делать выводы, которые ранее были совершенно не уместными, а именно: что не было и нет единой модели познания прошлого. А если, как замечает Ш. Поллок, какая-либо модель асимметрична европейской, то в этом нет ничего позорного для ее носителей [48, р. 366-383]. Напротив, продолжает Р. Мантена, распространение на Востоке традиции европейского историописания и архивной практики хранения информации привели к делегитимизации предколониальных способов хранения памяти о прошлом [44, р. 396-408]. Современные историки проявляют интерес к формам культурной памяти, которые предшествуют истории и существуют рядом с ней [33, р. 154-177; 6], тем самым обращая внимание на то, что ранее клеймилось наукой как «ошибочное» и «ненаучное».

Принцип признания чужой одушевленности не является новым для российской науки. Он был предложен еще русской версией неокантианства [29, с. 35-54] (с конца 30-х гг. имплицитно использовался в Научно-педагогической школе источниковедения Историко-архивного института) и оказался востребованным историографической ситуацией нашего времени.

В конце XX в., развивая феноменологическую концепцию источниковедения, О. М. Медушевская подчеркивала, что от исследователя потребовалось признать исторический источник не столько вмес­ти­ли­щем определенной информации, «сколько реализованным продуктом Другой человеческой психики», т.е. источник – «это продукт целенаправленной, осознанной деятельности человека». Историк писала, что признание «Другого» не есть просто признание его как иного (так называемая «инаковость»), «но прежде всего как равновеликого и самодостаточного индивида, а, следовательно, носителя социальной информации. Человек лучше всего выражен в своем сознательно целенаправленном творчестве. Он создает произведения, служащие, в свою очередь, основным источником гуманитарного познания. Следовательно, в центре внимания оказывается не отношение

субъект – объект, но триада: человек — произведение — человек» [18, с. 100-136].

Парадигмальные изменения не могли обойти стороной и историю историографии. Как отмечает Т. Н. Попова «историографический ландшафт» сегодня стремительно растет, что подтверждает тезис о неизбежном расширении предмета науки [23, с. 299]. Об этом уже подробно написала Л. П. Репина [25], а я, снова возвращаясь к разговору об историографии, хочу отметить, что в последние десятилетия мы наблюдаем отклонение от интерналистского подхода к истории науки (рациональный, прагматически направленный на иерархизацию знания), руководствуясь которым при освоении историографической проблематики трудно было обратиться к живому полю исторической мысли. Историки следовали давно предначертанным этапам, сменяющимся направлениям и школам. Долгое время историография, как отмечает И. И. Колесник, была обращена к понятиям процессуальности и линейности, рассматривала формы развития, эволюции и прогресса исторической науки [8, с. 169].

Кумулятивная модель истории науки ранее не предусматривала изучения процессов, которые происходили рядом с выбранной «генеральной» линией истории исторической науки. Начиная с последней четверти XIX в. историки стали предлагать разные пути изучения и структурирования историографического материала. В качестве примера я приведу лишь некоторые такие попытки.

Модель, представленная эволюцией исторического знания посредством цепочки авторитетных историков или «классических авторов», проявляет себя уже в «Лекциях по русской историографии» В. О. Ключевского [7, с. 185-233] (правда, следует учитывать, что это был специальный курс в университете). Другой историограф Э. Фютер отбирал, как он сам отмечал, только «настоящих первооткрывателей» («*eigentliche Bahnbrecher*») и важные направления науки представил «важными историками» («*wichtigeren Historiker*») [36, s. V-VI]. Данный подход был очень удобен для структурирования материала и позволил, в частности Г. П. Гучу, «суммировать» и «оценивать» достижения в области исторических исследований XIX столетия [37, р. V].

Эта модель совершенно не противоречила теоретическим положениям марксизма-ленинизма в историографической конструкции Н. Л. Рубинштейна, подчеркивавшего, что «действительный путь науки получает свое полное и отчетливое

выражение в ее наиболее ярких и типичных [так у Н. Л. Рубинштейна. – С. М.] представителях», а «изучение сменяющихся исторических направлений возможно лишь через научный анализ творчества основных, наиболее типичных представителей каждого периода, каждой школы» [26, с. 4].

Несмотря на стремление А. М. Сахарова структурировать материал (лекции) по классовому принципу (например: «дворянская, либерально-буржуазная, мелко-буржуазная историография после отмены крепостного права (вторая половина XIX в. »), внутри этих блоков мы все равно находим классиков русской историографии [31, с. 160-207].

С конца XIX в. исследователи попытались излагать развитие национальной историографии по иному принципу, поставив задачу выявить, например, русские (М. О. Коялович [9]) или американские (Дж. Ф. Джеймсон [41]) особенности в развитии историографии. Поэтому, в первом случае, историография (где были опять представлены классические авторы) оказалась подчинена не только научным идеям о России, во втором случае, оказалась зависима от изменений в политической (а не научной) жизни США. Историки даже пробовали совместить хрестоматийный принцип с принципом историографического обзора (А. Дж. Грант [38]) или пространного комментирования (Дж. Т. Шотвелл [49]), считая, что такая модель является наиболее оригинальной.

Другой пример расположения историографического материала предоставили нам работы М. А. Алпатова [2; 1]. Несмотря на то, что автор группировал материал в компаративной перспективе, сравнивая формы исторического письма на Западе и Востоке Европы, он все же больше внимания уделил историческим представлениям западноевропейских писателей о России и русских авторов (не только историков) о Западной Европе.

Такой подход оказал влияние и на последнюю работу (учебное пособие для историков) А. Л. Шапиро [32]. Однако в итоге лекции по развитию русской и западноевропейской историографии оказались собранными в книге механически, отдельно друг от друга. Кроме того, А. Л. Шапиро так же как и предшественники, вынужден был останавливать внимание на классиках русской историографии и публицистики, не оговаривая принципы, которые позволяют отличить научную работу историка от непрофессионального историописания.

Интересный вариант структурирования и изучения материала представил П. Н. Милуков. Он постарался изобразить широкую картину развития, а также смены теорий и взглядов на русскую историю, но обратил внимание на тех, кто, по его словам, «толкали эту мысль вперед, расширяя и углубляя ее главное русло» [20, с. 1]. Также широкую картину, составленную из этапов развития исторической мысли, исторического знания, общественной и политической мысли не так давно представили Г. Р. Наумова и А. Е. Шикло. Признавая оригинальность их труда, следует отметить отсутствие в работе четких границ между типами знания и общественной мысли, а также то, что из представленного в проблемных блоках материала авторами традиционно выделяется плеяда известных русских историков [21].

Политическая история, доминировавшая в XIX в., предложила историям национальных историографий XX в. структуру построения материала, состоящую, по словам М. Гривер, из цепи последовательно сменяющих друг друга «канонических историков», изучавших знаковые эпохи национального прошлого. Эта вертикальная структура позволяла маргинализировать голоса других историков [39, р. 49].

К словам Гривер стоит добавить, что традиционная модель историографии (правда, как мы увидели, у этой модели было немало вариантов) вынуждала не только выстраивать «классиков» в линейную цепь развития историографии, но и проводить определенный отбор как работ этих «классиков» (не всегда научного характера), так и признанных национальных мыслителей – не историков, высказывания которых о прошлом нередко (по совпадению) соответствовали актуальным взглядам авторов, власти или национальным «интересам». Такая модель не позволяет уделять внимание специфике профессионализации исторического знания, в частности, выявлению его научных и ненаучных форм.

В связи с этим, вопрос современного историка Г. Пасамара не может показаться странным: действительно ли можно говорить о «классических авторах» в мире историков и если это так, то, что является «классикой» для современной истории историографии? [47, р. 116] Я полагаю, что ответ на этот вопрос пока надо оставить открытым, так как важно обратить внимание на иные исследовательские задачи историографии. Сегодня наблюдается трансформация функций гуманитарного знания, ослабление его рационалистической составляющей. Поэтому вопрос о

познавательных возможностях исторической науки становится ключевым в эпоху постпостмодерна.

Мы уже привыкли говорить о возрастающей роли историографии (истории историографии) в системе исторического знания. Но стоит напомнить, что актуализация ее роли происходит в ситуации, которая характеризуется все большим размежеванием разных типов исторического знания: социально ориентированного и научно ориентированного. Размежевание связано с тем, что научно ориентированное историческое знание старается найти более строгие научные основания профессиональной деятельности историков. Неслучайно, М. Гривер обращает наше внимание на пересмотр параметров истории историографии [39, р. 46-47], а Л. П. Репина делает вывод о своевременности формирования *нового направления исторической критики*, «все дальше уходящего от описания и инвентаризации исторических концепций» и позволяющего исследовать не столько историографические направления и школы, а профессиональную культуру в целом [25, с. 409-410].

Научные основания истории историографии может предоставить лишь логический процесс верификации получаемых результатов исследования, базой которого служит *источниковедение историографии*. Её наиболее актуальной задачей является *классификация историографических источников* и такую работу историки проводят уже довольно давно, а предложенный жанровый подход [22, с. 10], а также классификация исторической литературы по принципам происхождения, авторства и вида [4, с. 126] до сих пор привлекают внимание исследователей. Однако научные принципы систематизации (кроме «классового» подхода) и выявления видового состава историографических источников так и не были определены, что особенно заметно по докторским диссертациям последних лет.

Мне представляется, что в современном историографическом исследовании применим тот же *принцип признания чужой одушевленности*, что и в источниковедении источников иных видов (конечно, в данном случае я имею в виду произведения историков, что наиболее полно соответствует базовому понятию *историографический источник*). Его применение, с одной стороны позволит заменить иерархическую структуру исторического знания культурными связями разных его типов, с другой стороны, – поможет преодолеть линейность историографического процесса, дополняя козкзистенциальными связями.

Научно-педагогическая школа источниковедения (сайт Источниковедение.ru) в последнее время начинает актуализировать процесс формирования *предметного поля источниковедения историографии* [15, с. 119-121; 14; 27]. *Феноменологическая концепция* Научно-педагогической школы источниковедения, восходящая к эпистемологической концепции А. С. Лаппо-Данилевского, как мне уже приходилось замечать, позволяет исследователю плодотворно работать с историографическими источниками [12, с. 24]. Тем более что, как отмечает М. Ф. Румянцева, сегодня происходит парадигмальное сближение историографии с источниковедением в рамках интеллектуальной истории [30, с. 227].

Принцип признания чужой одушевленности помогает учитывать, что произведения историков прошлого по отношению к наблюдателю-исследователю выступают эмпирической реальностью – вещью, которая, сама по себе, реализованный интеллектуальный продукт, результат целенаправленной человеческой деятельности, выступающей в процессе познания как особый феномен. Этот феномен, по мнению О. М. Медушевской, представляет собой «главный материальный объект, посредством которого возникает в автономной человеческой информационной среде феномен опосредованного информационного обмена» [19, с. 33]. Таким образом, источниковедческий подход может строиться на феноменологической концепции, которая, по меткому замечанию историка, уже является источниковедческой по своей ключевой позиции [17, с. 14].

Феноменологическая концепция позволяет рассматривать историю историографии (как и историю в целом) как науку, имеющую свой эмпирический объект, создававшийся в процессе целенаправленной деятельности историописателя. Созданный автором интеллектуальный продукт становится основным источником информации о человеке и исторической культуре его времени. При этом в качестве объекта источниковедческой операции выступает уже не отдельно взятое произведение, а система (*вид*) историографических источников, соответствующая определенному типу культуры.

О возможности создания классификационной схемы историографических источников по модели классификации исторических источников, выработанной советским источниковедением, говорил еще Л. Н. Пушкирев. Однако его

предложение предусматривало лишь активную позицию историографа и совершенно игнорировало «Другого» – историка прошлого. Л. Н. Пушкарев предположил, что конкретная процедура классификации исторических источников будет зависеть от целей, которые ставит исследователь [24, с. 103]. Напротив, *рефлексия о чужой одушевленности* позволила Научно-педагогической школе источниковедения основой процедуры выделения видовой структуры исторических источников принять принцип *целеполагания его автора* («Другого»).

При проведении такой процедуры «вертикальное» или «иерархическое» (по классическим авторам) измерение историографии теряет свою актуальность; это важно ввиду того, что сегодня историки изучают не только научную историографию, но и популярную историю и историческую память. Историк историографии, напоминает М. Гривер, должен больше внимания уделять «горизонтальным» пространствам существовавшего в то или иное время исторического знания [39, р. 49]. Горизонтальное пространство, о котором говорит Гривер, это коэкзистенциальное целое того или иного времени. Поэтому разделение в источниковедческой операции социально ориентированной и научно ориентированной историй как отличных друг от друга типов историописания позволяет собирать их в группы видов.

Выявление связи между произведениями историков, которые существовали в период функционирования живой информационной сети своего времени, помогает включить их в систему произведений. Каждый продукт человеческого интеллекта структурирован своей целью. Поэтому произведения историков функциональны, они несут в себе обозначение своей функции в системе исторического знания, т.к. цели, ставившиеся историками при написании диссертаций, монографий, статей, больших нарративов по национальной истории, а тем более курсов лекций, не могли быть одинаковыми. Однако в отличие от иерархической практики классической науки, феноменологическая концепция источниковедения, в основу которой заложен принцип признания чужой одушевленности, позволяет выделять виды и группы историографических источников по целеполаганию и структурировать работы историков не по значимости, а ставить рядом как *рядоположенные, но не одинаковые*. Например, выявление социально ориентированной практики историописания императрицы Екатерины II не позволит историографу, взявшему за

основу принцип признания чужой одушевленности, сделать следующий вывод о ее сочинении («Записки касательно российской истории»), что это – «фундаментальное научное сочинение», но «полностью уйти от современности Екатерине-историку не удалось» [10, с. 22]. Новая информация, которую предоставит историографу проведенная источниковедческая процедура, даст ему повод не согласиться с выводом коллеги и отметить, что сочинение Екатерины не было научно ориентированным, а поэтому автор «Записок» и не ставил целью «уход от современности».

Принцип признания чужой одушевленности помогает различать цели процесса историописания, а значит, дает возможность увидеть, например, в «Истории» М. М. Щербатова иную, чем в «Критических примечаниях» И. Н. Болтина видовую принадлежность произведений и позволяет получить дополнительную информацию об историографических операциях исследователей XVIII в. Он сделает необходимым иначе отнестись и понять разницу в диссертационном исследовании и многотомном национально-государственном нарративе С. М. Соловьева, заставит еще раз вернуться к критике современниками «Истории государства российского» М. Н. Карамзина или «скептической» школы, поможет выявить разные типы историописания в практике региональных и местных исторических исследований и т.д.

Таким образом, этика, по большому счету, оставаясь моральным выбором историка (учитывая, что единого типа историописания не существует) может «работать» и не в темноте, а освещаемая познавательным принципом – *признания чужой одушевленности*.

Литература

1. Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1985.
2. Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII–XVII вв. М., 1973.
3. Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории / под ред. И. С. Кона. М., 2000.
4. Ваништейн О. Л. Западноевропейская средневековая историография. М.; Л., 1964.
5. Зевелев А. И. Историографическое исследование: методологические аспекты. М., 1987.

6. История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л. П. Репиной. М., 2006.
7. Ключевский В. О. Лекции по русской историографии // Ключевский В. О. Сочинения. В IX т. Т. VII. М., 1989.
8. Колесник І. І. Інтелектуальне співтовариство як засіб легітимації культурної історії України. XIX століття // Український історичний журнал. 2008. № 1.
9. Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям [1884]. СПб., 1901.
10. Лосиевский И. С пером и скипетром // Екатерина II. Российская история. Записки великой императрицы. М., 2008.
11. Маловичко С. И. Горское северокавказское историописание в пространстве пересечения европейской имперской и традиционной моделей конструирования прошлого [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.newlocalhistory.com/content/malovichko-si-gorskoe-severokavkazskoe-istoriopisanie-v-prostranstve-peresecheniya/>. Доступ – 25.03.2012 г.
12. Маловичко С. И. Историописание: научно ориентированное vs социально ориентированное // Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин: материалы XXII междунар. науч. конф. М., 2010.
13. Маловичко С. И. История & этика: формирование новой историографической культуры // Ейдос: Альманах теорії та історії історичної науки. К., 2008. Вип. 3.
14. Маловичко С. И. Источниковедение историографии с точки зрения Научно-педагогической школы источниковедения // Историческая наука и образование в России и на Западе: судьба историков и научных школ: материалы междунар. науч. конф. М., 2012 (в печати).
15. Маловичко С. И. Феноменологическая парадигма источниковедения в изучении историографических практик // Imagines Mundi: Альманах исследований всеобщей истории XVI-XX вв.: Историк, текст, эпоха: IV междунар. науч. конф. Уральского отд. Российского общества интеллектуальной истории. Екатеринбург, 2012.
16. Маловичко С. И. Этическое отношение к средневековому автору и библейские примеры в Повести временных лет // Когнитивная история: концепции – методы – исследовательские практики: Чтения памяти профессора Ольги Михайловны Медушевской: [ст. и материалы]. М., 2011.
17. Медушевская О. М. История в общей системе познания смена парадигм // Единство гуманитарного знания: новый синтез: материалы XIX междунар. науч. конф. Москва, 25-27 янв. 2007 г. М., 2007.

18. Медушевская О. М. Феноменология культуры: концепция А. С. Лаппо-Данилевского в гуманитарном познании новейшего времени // Исторические записки. М., 1999. № 2 (120).
19. Медушевская О. М. Эмпирическая реальность исторического мира // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX междунар. науч. конф. Москва, 31 янв. – 2 февр. 2008 г.: в 2 ч. М., 2008.
20. Милоков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. Т. 1. М., 1897.
21. Наумова Г. Р., Шикло А. Е. Историография истории России. М., 2008.
22. Нечкина М. В. История истории (Некоторые методологические вопросы истории исторической науки) // История и историки: Историография истории СССР. М., 1965.
23. Попова Т. Н. Можно ли утверждать, что историография как научная дисциплина сегодня пребывает в кризисе? (или: в чем Вы видите перспективы историографии как научной дисциплины?): [Интервью] // Харківський історіографічний збірник. Х., 2010. Вип. 10.
24. Пушкарев Л. Н. Определение, оптимизация и использование историографических источников // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. Калинин, 1980.
25. Ретина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011.
26. Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941.
27. Румянцева М. Ф. Лекционные курсы А. С. Лаппо-Данилевского и В. М. Хвостова по методологии истории: опыт сопоставительного исследования // Историческая наука и образование в России и на Западе: судьба историков и научных школ: материалы междунар. науч. конф. М., 2012 (в печати).
28. Румянцева М. Ф. Источниковедение: опыт энциклопедической статьи // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX междунар. науч. конф. Москва. В 2 ч. Ч. 1. М., 2008.
29. Румянцева М. Ф. Концепт «признание чужой одушевленности» в русской версии неокантианства // Cogito: Альманах истории идей / редкол.: А. В. Корневский (отв. ред.) и др.; О-во интеллектуал. ист., Ростов. регионон. отд-ние; Юж. федер. ун-т, ист. фак. Ростов н/Д., 2007. Вып. 2.
30. Румянцева М. Ф. Феноменологическая парадигма источниковедения в актуальном историографическом пространстве // Будущее нашего прошлого: материалы всеросс. науч. конф. М., 2011.

31. Сахаров А. М. Историография истории СССР. Досоветский период: Учеб. пособие. М., 1978.
32. Шапиро А. Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 года. М., 1993.
33. Assmann J. Cultural Memory: Script, Recollection, and Political Identity in Early Civilizations // *Historiography East and West*. 2003. Vol. 1. No. 2.
34. Dintenfuss M. Truth's Other: Ethics, the History of the Holocaust, and Historiographical Theory after the Linguistic Turn // *History and Theory: Studies in the Philosophy of History*. 2000. Vol. 39. No. 1.
35. Ermarth E. D. Ethics and Method // *History and Theory*. 2004. Vol. 43. No. 4.
36. Fueter E. *Geschichte der Neueren Historiographie*. München; Berlin, 1911.
37. Gooch G. P. *History and Historians in the Nineteenth Century*. – 2-th ed.L., 1913.
38. Grant A. J. *English Historians*. L., 1906.
39. Grever M. Fear of Plurality: Historical Culture and Historiographical Canonization in Western Europe // *Gendering Historiography: Beyond National Canons*. Frankfurt; N. Y., 2009.
40. Hirsch E. S. Ch. Introduction: Ethnographies of Historicity // *History and Anthropology*. 2005. Vol. 16. No. 3.
41. Jameson J. F. *The History of Historical Writing in America*. Boston; N. Y., 1891.
42. Jenkins K. Ethical Responsibility and the Historian: On the Possible End of a History «of a Certain Kind» // *History and Theory*. 2004. Vol. 43. No. 4.
43. Lorenz C. *Unstuck in Time. Or: the Sudden Presence of the Past // Performing the Past: Memory, History, and Identity in Modern Europe*. Amsterdam, 2010.
44. Mantena R. The Question of History in Precolonial India // *History and Theory*. 2007. Vol. 46. No. 3.
45. Murphy A. History in the Sikh Past // *History and Theory*. 2007. Vol. 46. No. 3.
46. Ness Myers van, Ph. *History as Past Ethics: An Introduction to the History of Morals*. Boston, 1913.
47. Pasamar G. Leopold von Ranke, The Theory and Practice of History. L.; N. Y., 2011. Ed. by Georg G. Iggers. lii + 158 pages // *Historiografias, revista de historia y teoría*. 2011. Núm. 2 (julio-diciembre).
48. Pollock S. Pretextures of Time // *History and Theory*. 2007. Vol. 46. No. 3.
49. Shotwell J. T. *An Introduction to the History of History*. N. Y., 1922.
50. Wyschogrod E. *An Ethics of Remembering: History, Heterology, and the Nameless Others (Religion and Postmodernism Series)*. Chicago, 1998.

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

ПАРАДИГМАЛЬНЫЙ ВЫБОР ИСТОРИКА КАК ЭТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Резюме: В статье на трех уровнях – эпистемологии – исторической науки – источниковедения – прослеживаются переходы от классического типа рациональности к неклассическому и постнеклассическому. Выявляются взаимосвязанные с этими переходами модификации такой этической категории как ответственность. Показано возрастание степени ответственности историка-исследователя в неклассической и постнеклассической науке за продуцируемое и позиционируемое в социуме знание.

Ключевые слова: этический выбор, парадигмальность знания, классический, неклассический, постнеклассический типы рациональности, ответственность историка.

Рум'янцева М. Ф. Парадигмальний вибір історика як етична проблема

Резюме: В статті на трьох рівнях – епістемології – історичної науки – джерелознавства – простежуються переходи від класичного типу раціональності до некласичного та постнекласичного. Виявляються пов'язані з цими переходами модифікації такої етичної категорії як відповідальність. Продемонстровано зростання ступеню відповідальності історика-дослідника в некласичній та постнекласичній науці за знання, що продукується та позиціонується в соціумі.

Ключові слова: етичний вибір, парадигмальність знання, класичний, некласичний, постнекласичний типи раціональності, відповідальність історика.

Roumiantseva Marina F. Paradigm as a reason of the ethic choice of historian

Summary: The subject of this article is the correlation of the philosophy, the historical science and the studies of historical sources in connection with the classic, nonclassic and postnonclassic knowledge. The main problem is the modification of the responsibility of the historian depending on his paradigm choice.

Keywords: the classic, nonclassic and postnonclassic knowledge, the responsibility of the historian, the paradigm choice.

Этический выбор и социальная ответственность ученого – имманентные составляющие актуального научного познания в целом и исторического в особенности. Хорошо известно, что этика и гносеология как компоненты философии тесно взаимосвязаны. Но каков механизм этой связи? В чем ее специфика в современной социокультурной и теоретико-познавательной ситуации. В данной работе мы сосредоточим основное внимание на *ответственности* как этической категории, актуализация которой тесно связана с тем, что, по-видимому, текущую социокультурную ситуацию можно охарактеризовать, используя понятийный аппарат синергетики, как точку бифуркации.

Начнем размышления с двух предуведомлений.

Первое. В настоящей работе речь по преимуществу идет о соотношении этического выбора с типом рациональности, а не о парадигмальной зависимости в строгом смысле слова. Собственно парадигмальный аспект рассматривается только применительно к феноменологической источниковедческой парадигме исторического познания.

Второе. Мне уже доводилось предвирать свои работы подобным замечанием, но в данном контексте оно имеет принципиальное значение: я строго различаю понятия *современного* знания / познания и *актуального* знания / познания. *Современное* – существующее здесь и сейчас, естественно, содержащее в той или иной мере элементы нового, но и сохраняющее в своей структуре, часто неотрефлексированно, остатки явно устаревших парадигм. *Актуальное* – это та часть современного знания, которая адекватно соответствует потребностям современного социума.

Из этого различения вытекает исследовательская гипотеза: степень осознания историком (и вообще ученым) своей социальной ответственности находится в жесткой корреляции со степенью осознанности своей парадигмальной принадлежности вообще и парадигмальным пониманием цели познания, природы научной истины и главное – субъектно-объектных отношений в процессе познания. Специально подчеркнем: *степень осознания ответственности*, а не *степень* самой *ответственности*, поскольку здесь мы имеем дело с тем случаем, когда в науке вполне применима правовая норма, известная еще со времен римского права, – незнание закона не освобождает от ответственности.

Рассмотрим проблему на трех уровнях: общефилософском – исторического познания – источниковедения. При всей

вынужденной схематичности рассмотрения, обусловленной тесными рамками статьи, от уровня к уровню конкретность анализа будет нарастать: *общефилософский уровень* задает рамку исследования. *Уровень исторического познания* позволяет выстроить гипотезу о соотношении исторического познания с общим процессом трансформаций научного знания, что крайне необходимо, если учесть устойчивое стремление историков настаивать, вслед за В. Дильтеем [3] и баденскими неокантианцами В. Виндельбандом и Г. Риккертом [14], на специфичности исторического познания. Этот уровень задает необходимый контекст для следующего – *уровня источниковедения*, точнее источниковедческой парадигмы методологии истории, восходящей в своих основах к русской версии неокантианства (А. И. Введенский, А. С. Лаппо-Данилевский, В. М. Хвостов, И. И. Лапшин) и теоретически оформленной А. С. Лаппо-Данилевским [8]. С конца 1930-х гг. эту концепцию разрабатывает Научно-педагогическая школа источниковедения, которая с 1939 по 2011 г. институционально базировалась на кафедре вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института (с 1991 г. – в составе РГГУ; с 1994 г. – кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин) [подробнее см.: 5], а после ликвидации кафедры интегрирована на основе сайта Источниковедение.ру [20].

Историческое познание в соотношении с типами рациональности

Возьмем за основу схему В. С. Степина [17, с. 619-636]. Эту же схему воспроизводит Л. А. Микешина [12, с. 212-213]. В. С. Степин выделяет четыре научные революции, но только три из них влекут за собой изменение типа рациональности. По этой причине, а также потому, что философы науки строят схему на основании истории естествознания, слабо учитывая, или не учитывая вовсе, интересы историков, мы позволили себе несколько скорректировать исходную конструкцию, при этом, надеюсь, не нарушив ее общей логики.

В. С. Степин и Л. А. Микешина связывают классический тип рациональности с двумя научными революциями: XVII – первой половины XVIII в. – «становление классического естествознания» и конца XVII – первой половины XIX века – «переход естествознания в дисциплинарно организованную науку» [12, с. 212]. На мой взгляд, с первой научной революцией можно, без большой натяжки,

соотнести историческую науку, нацеленную на описание нравоучительных исторических примеров на основании, так называемой «критики» исторических источников, т.е. отделения в них «субъективных фантазий» автора от фактов, понимаемых как часть объективной реальности. Классический образец – «Письма о пользе и изучении истории» лорда Болингброка. Со второй научной революцией можно соотнести становление исторического нарратива и формирование инструментария исторической науки.

Необходимо все же оговорить, что в схеме В. С. Степина не выделен специально позитивизм, а, на мой взгляд, становление позитивизма – существенная парадигмальная трансформация. При этом, соотнесение того, что принято называть позитивистской исторической наукой, с философским позитивизмом – специальная проблема, рассмотреть которую здесь нет возможности. Отметим лишь, что позитивизм, при своей принципиальной принадлежности по критерию целеполагания к иному типу познания, нежели наука предшествующего периода, по-видимому, не меняет типа рациональности. И главное – не меняет субъектно-объектных отношений (мы оставляем за рамками рассмотрения размышления О. Конта об относительности познания – [7, с. 17-18]), а, следовательно, и не трансформирует основания этического выбора исследователя.

Таким образом, для классической рациональности свойственно рассматривать реальность как таковую, условием чего является элиминирование субъекта познания из его результата. На уровне аксиоматики понятно, что в этом случае исследователь не несет моральной ответственности за результат, если он получен добросовестно. Ведь результат принадлежит как бы «объективной реальности», которая внеположена человеку-исследователю. Идеал исторического познания в этом случае фиксирует известная формула Леопольд фон Ранке: описывать факты прошлого так, «как это было на самом деле» (*wie es eigentlich gewesen*). Любопытны в этом контексте и размышления Н. И. Кареева об истории как чистой науке, в отличие от наук прикладных: «Задача истории не в том, чтобы открывать какие-либо законы (на то есть социология), или давать практические наставления (это – дело политики), а в том, чтобы изучать конкретное прошлое без какого бы то ни было попользования предсказывать будущее, как бы изучение прошлого и ни помогало в иных случаях предвидению того, что может случиться или наступить. Если данными и выводами истории

воспользуются социолог, политик, публицист, тем лучше, но основной мотив интереса к прошлому в истории, понимаемой исключительно в качестве чистой науки, имеет совершенно самостоятельный характер: его источник в том, что мы называем любознательностью, на разных ее ступенях – от простого и часто поверхностного любопытства до настоящей и очень глубокой жажды знания» [6, с. 29].

Третья научная революция конца XIX – середины XX века связана, по мнению В. С. Степина и Л. А. Микешинной, со становлением неклассического естествознания. Среди многих характеристик этого этапа акцентируем внимание на двух – «соотнесенность объекта со средствами и операциями деятельности» и «новое понимание субъекта как находящегося внутри, в не вне наблюдаемого мира – необходимость фиксации условий и средств наблюдения, учет способа постановки вопросов и методов познания» [12, с. 212-213].

В исторической науке этот переход маркируется очень четко – возникновением истории истории / истории исторической науки. П. Нора обратил внимание на то, что еще в конце XIX в. история «вступила в свой историографический возраст» [13, с. 23]. По сути, это означает кардинальное изменение понимания исторического знания: оно уже не принадлежит «объективной реальности» прошлого, а является конструкцией исследователя. И хотя эта конструкция не произвольна, а определена социокультурно и парадигмально, степень ответственности историка за свою конструкцию неизмеримо возрастает.

Наконец, четвертая революция конца XX – начала XXI века – «рождение новой постнеклассической науки». И здесь отметим лишь два аспекта – нарастание междисциплинарности / метадисциплинарности и то, что «научное знание с необходимостью рассматривается в контексте социального бытия, культуры, истории как нераздельное с ценностями и мировоззренческими установками, что в целом сближает науки о природе и науки о культуре» [12, с. 213]. Я бы только уточнила хронологические рамки и предложила бы в качестве границы 1962 год – год публикации знаковой книги Т. Куна «Структура научных революций». А также обратим внимание на то, что уже в 1930-х гг. Э. Гуссерль писал: «... рассматривать природу окружающего мира как нечто в себе чуждое духу и поэтому подстраивать под науки о духе, желая сделать их якобы точными, естественнонаучный

фундамент – абсурдно.... Естествознание (как и всякая наука вообще) представляет собой духовную деятельность... как таковое оно наряду с прочими духовными явлениями относится к кругу фактов, подлежащих духовно научному объяснению. Не бессмыслица ли это и не логический круг, когда историческое явление “естествознание” хотят объяснить естественнонаучным образом, привлекая для этого естественные науки и открытие ими законы, которые сами – часть проблемы, ибо представляют собой духовный продукт?» [2, с. 105].

В историческом познании с этим типом знания могут быть соотнесены антропологический и культурный повороты, в результате которых внимание исторического познания переносится на коэкзистенциальное пространство культуры, осваиваемое на основе полидисциплинарности.

Но знаковой для постнеклассической исторической науки конца XX века становится проблематика социальной / исторической памяти, истории как памяти [см., напр.: 19], что также выводит историческое познание на полидисциплинарный / метадисциплинарный уровень и включает в максимально широкие и разнообразные социокультурные контексты.

Постнеклассическую науку отличает признание парадигмального конструирования знания, что логически должно вести к осознанию ученым меры своей ответственности не только за конструирование научной картины мира (в случае исторического познания – социальной реальности), но и за позиционирование знания в общественном сознании. И в этом плане, еще одной характерной чертой постнеклассического состояния исторического познания является разрыв социально ориентированной и научно ориентированной истории.

Два типа определения исторического источника: этический выбор.

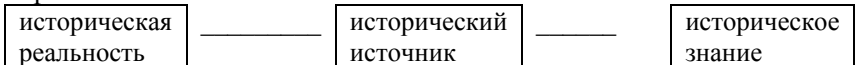
В источниковедческой литературе существует масса определений базового понятий источниковедения – *исторический источник*. Рискнем свести все разнообразие к двум типам определений с тем, чтобы показать, что самоопределение в этой дихотомии выявляет не только эпистемологические установки и философско-мировоззренческие основания историка, но и его этический выбор.

Первый тип определения: исторический источник – это все, откуда можно почерпнуть информацию о прошлом. Варианты этого

определения: исторический источник – всякий объект..., всякий памятник прошлого и т.п. Сторонники подобных определений исторического источника для защиты своей позиции обычно выдвигают следующий аргумент: подобное определение исторического источника расширяет источниковую базу исследования за счет тех объектов (в том числе и природных), которые обычно выпадают из поля зрения историка. Подробно опровергать аргументацию такого рода нет нужды, поскольку это было сделано нашими предшественниками более ста лет тому назад как раз в русской версии неокантианства [1, 8]. Кстати, разрабатываемый А. И. Введенским в общеполитическом плане, а затем А. С. Лаппо-Данилевским в контексте методологии истории принцип «признания чужой одушевленности» выступает одновременно и как эпистемологический, и как этический. Исследуя кантовскую этику, А. И. Введенский формулирует четвертый постулат практического разума – убеждение в существовании «чужих Я» [см.: 9, с. 191]. А. С. Лаппо-Данилевский пишет, что принцип «признания чужой одушевленности» принимается им «в качестве научной гипотезы, нужной для объяснения некоторой части действительности, но можно принять его и в качестве нравственного постулата, без которого нельзя представить себе “другого” как самоцель, в отношении к которой наше поведение и должно получить нравственный характер» [8, Т. 1. с. 340].

Определение второго типа, в основе которого понимание исторического источника как объективированного результата целенаправленной деятельности человека, восходит к формулировке, предложенной в начале XX в. А. С. Лаппо-Данилевским: «... исторический источник есть реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением» [8, Т. 2. с. 38].

Попытаемся выявить этический смысл выбора историком того или иного варианта определения, для чего сначала обратимся к простой схеме:

Взаимосвязи в этой системе вполне понятны. Цель историка – добыть историческое знание, т.е. знание об исторической реальности, через посредство исторического источника. А. С. Лаппо-Данилевский отмечал: «... в области эмпирических наук, а, значит, и истории, предлагаемое определение

[исторического источника – М. Р.] включает понятие о реальности данного объекта и понятие о его пригодности для познания другого объекта», – и далее: «... данный объект становится источником лишь в той мере, в какой он может служить пригодным средством для познания другого объекта» [8, Т. 2. с. 30].

Исторический источник – инвариантен, т.е. он остается неизменным и доступным все в том же виде для внимания все новых поколений исследователей. Историческое знание вполне очевидно поливариантно, поскольку вся историографическая практика опровергает по-прежнему чаемую значительной частью социума возможность получить окончательное «правильное» историческое знание.

А инвариантна или поливариантна сама историческая реальность? Мы не возьмемся ответить на этот вопрос, отнеся его к сугубо философским, т.е. не имеющим однозначного ответа. Но беремся утверждать, что от укорененного в глубинах сознания / подсознания исследователя варианта ответа на этот вопрос зависит не только исследовательская стратегия, но и этическая позиция историка.

Историк, по-прежнему пребывающий в убеждении об инвариантности прошлого, свою задачу видит в том, чтобы установить, «как было на самом деле». Он накапливает «достоверные исторические факты» путем так называемой «критики» исторических источников.

О явной устарелости подобных представлений мы здесь говорить не будем. Приведем лишь некоторые контраргументы.

Первый. Современный историк, даже будучи убежден в инвариантности исторической реальности, по-видимому, все же (если, конечно, это не клинический случай) согласится с возможностью множественности равноценных объяснительных моделей, что демонстрирует неклассическая наука, не замечая возникающего при этом вполне очевидное логического противоречия.

Второй. Проблема верификации полученного знания: такой историк обычно считает достоверным то знание, которое соответствует объективной реальности, не замечая при этом, что рассуждая об объективной реальности исторического прошлого он фактически размышляет о своих представлениях о ней, которые он почему-то считает соответствующими «объективной реальности», то есть тому, что «было на самом деле». То есть в этой простой схеме

постоянно существует опасность подмены исторической реальности ранее полученным и уже устоявшимся историческим знанием.

Третий, собственно «исторический» контраргумент. Если мы примем позицию инвариантности исторической реальности и представим себе, что нам удалось реализовать идеальную задачу исторического познания – наиболее полно и объективно описать эту реальность, то мы вынуждены будем признать, что воспроизведенная нами «историческая реальность» принципиально не исторична. Ведь история изучает жизнь людей прошлого, протекавшую отнюдь не в созданной нами для них «объективной реальности», а в их жизненном мире – в их субъективной / интересубъективной реальности.

Четвертый. Инвариантность исторического прошлого предполагает возможность, хотя бы теоретическую и хотя бы в отдельных фрагментах, его окончательного, соответствующего реальности описания, возможность чего, как уже отмечалось, опровергает вся практика исторической науки.

Если мы соотнесем эти размышления с определением исторического источника, то увидим, что они вполне корреспондируют с первым типом определения, поскольку это определение нацеливает историка именно на воссоздание «объективной исторической реальности» с помощью любых подручных средств.

Если же за аксиоматику наших рассуждений о природе и целях исторического познания мы примем жизненный мир человека прошлого, его субъективную реальность, то вполне логично рассматривать исторический источник как результат творческой активности человека в определенном социокультурном контексте. В этом случае мы вынуждены признать, что первая наша задача – понять человека прошлого, что заставляет нас отказаться даже теоретически от возможности получить знание о прошлом раз и навсегда, хотя бы потому, что в процессе понимания всегда две стороны, одна из которых постоянно меняется.

На мой взгляд, вполне очевидно, что второй подход гораздо лучше согласуется с историографической практикой, да и со здравым смыслом, чем первый. С философской точки зрения, определение первого типа отсылает нас к классической рациональности – эпистемологической позиции, исчерпавшей себя полтора века тому назад. И, скажем предельно резко, никаких иных разумных оснований, кроме осознанного или неосознанного

этического выбора – нежелания нести ответственность за результат своих интеллектуальных усилий – не имеет.

Явно сопряженную с этой позицией прагматическую нацеленность историка на извлечение из источника новой информации и придание ей некоей самооценности также можно отнести к сфере этики. Не развивая здесь эту мысль, обращусь лишь к очень точному высказыванию А. Тойнби, который в середине XX в., размышляя над наследием эпохи индустриализма в историческом знании, заметил: «Индустриализация исторического мышления зашла столь далеко, что в некоторых своих проявлениях стала достигать патологических форм гипертрофии индустриального духа. Широко известно, что те индивиды и коллективы, усилия которых полностью сосредоточены на превращение сырья в свет, тепло, движение и различные предметы потребления, склонны думать, что открытие и эксплуатация природных ресурсов – деятельность, ценная сама по себе, независимо от того, насколько ценны для человечества результаты этих процессов» [18, с. 16].

Понимание исторического источника как объективированного результата целенаправленной человеческой деятельности / продукта культуры, изучаемого на основе принципа «признания чужой одушевленности» снимает субъектно-объектную оппозицию и тем самым вводит исследователя в пространство неклассической науки, одновременно определяя необходимость занять по отношению к изучаемому Другому определенную этическую позицию.

Определение исторического источника в контексте неклассической и постнеклассической рациональности: от индивидуального этического выбора к социальной ответственности историка.

Но понимание исторического источника в концепции Научно-педагогической школы источниковедения за прошедшие сто лет не могло не претерпеть изменений. Одно из последних предложенных нами определений следующее: «исторический источник – объективированный результат творческой активности человека / продукт культуры, используемый для изучения / понимания человека, общества, культуры как в коэкзистенциальной, так и исторической составляющей» [15, с. 38].

Очевидно, что первая, субстанциональная, часть определения модифицирована за счет понимания исторического источника не

только как объективированного результата творческой активности человека, но и как продукта культуры, а вторая, функциональная, часть – за счет отказа от имплицитно присутствующей в определении А. С. Лаппо-Данилевского линейности исторического процесса.

Но главная трансформация произошла в понимании объекта исторического познания, под которым понимается уже не отдельный исторический источник, а система видов исторических источников, системно-структурно презентующая определенную культуру, что вполне соответствует культурному повороту в исторической науке.

При таком подходе сфера ответственности источниковедения расширяется: оно не только поставляет историку добротный материал для конструирования исторического процесса, но и выступает в качестве самостоятельного метода моделирования исторической реальности, а также метода компаративного исследования разных культур и социокультурных ситуаций [концепция компаративного источниковедения – см. 16].

Этот этап завершился на рубеже XX–XXI вв. изданием двух учебных пособий [4, 16].

В первое десятилетие XXI в. О. М. Медушевская (1922–2007), признанный лидер направления, сформулировала концепцию когнитивной истории, в основе которой понятие эмпирической реальности исторического мира [11, 10]. Это введенное О. М. Медушевской понятие, по сути, носит онтологический характер, тем самым выводя сферу ответственности работающего на этой парадигмальной основе исследователя за пределы не только собственно исторической науки, но и гуманитаристики в целом, поскольку фиксирует общенаучные основания данной концепции. Чувство ответственности необходимо усиливается при понимании ее феноменологического характера, придающего основополагающее значение конструирующей деятельности познающего субъекта.

Литература

1. Введенский А. И. О пределах и признаках одушевления: Новый психо-физиологический закон в связи с вопросом о возможности метафизики. СПб., 1892.
2. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994.
3. Дильтей В. Описательная психология. СПб., 1996.

4. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособ. / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М., 1998. (Повтор. изд. 2000, 2004).
5. Казаков Р. Б., Румянцева М. Ф. Научно-педагогическая школа источниковедения в актуальной социокультурной ситуации // История [Электронный ресурс]: электрон. науч.-образ. журн. [М.: Интеграция: Образование и Наука, 2010. 1: Историческая наука в современной России. Режим доступа: http://www.mes.igh.ru/magazine/content/pedagogicheskaya_shkola_istchnikovedeniya.html
6. Кареев Н. И. Историка: (Теория исторического знания). Пг., 1916.
7. Конт О. Дух позитивной философии // Западно-европейская социология XIX века: Тексты / Под ред. В. И. Добренькова. М., 1996.
8. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории: [В 2 т.]. М., 2010.
9. Лосский Н. О. История русской философии. М., 1991.
10. Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008.
11. Медушевская О. М. Эмпирическая реальность исторического мира // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX междунар. науч. конф. Москва, 31 янв. – 2 февр. 2008 г.: В 2 ч. М., 2008.
12. Микешина Л. А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учеб. пособ. М., 2005.
13. Нора П. Между памятью и историей: Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб., 1999.
14. Риккерт Г. Философия истории // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998.
15. Румянцева М. Ф. Источниковедение: опыт энциклопедической статьи // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX междунар. науч. конф. Москва, 31 янв. – 2 февр. 2008 г.: В 2 ч. М., 2008.
16. Румянцева М. Ф. Теория истории: учеб. пособ. М., 2002.
17. Степин В. С. Теоретическое знание: Структура, историческая эволюция. М., 2003.
18. Тойнби А. Постигание истории. М., 1991.
19. Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2003.
20. Источниковедение.ru – Электрон. дан. М., сор 2010-2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ivid.ucoz.ru>.

Розділ II

Історія історії

О. М. БОГДАШИНА

ЖИТТЄВІ СТРАТЕГІЇ ІСТОРИКІВ РАДЯНСЬКОЇ УКРАЇНИ 1920 – 1930-х рр.

Резюме: Розглядається вплив суспільно-політичних факторів на формування, еволюцію та реалізацію життєвих планів наукової інтелігенції; виділено три варіанти життєвих стратегій істориків.

Ключові слова: життєві стратегії інтелігенції, історики радянської України 1920–30-х рр.

Богдашина Е. Н. Жизненные стратегии историков советской Украины 1920-х–1930-х гг.

Резюме: Рассматривается влияние общественно-политических факторов на формирование, эволюцию и реализацию жизненных планов научной интеллигенции; выделено три варианта жизненных стратегий историков.

Ключевые слова: жизненные стратегии интеллигенции, историки советской Украины 1920–30-х гг. XX ст.

Bogdashina O. «Strategies of life of historians of the soviet Ukraine 1920s–1930s»

Summary: In the article are examined influence on constructing, evolution and realization of vital plans of scientist intelligence; pick out three variants of vital strategies of historians.

Keywords: vital strategies of intelligence, historians of the soviet Ukraine in 1920s–1930s.

Постановка проблеми. Сучасний стан української історичної науки сягає своїм корінням кінця 1920-х років, коли тоталітарний режим під гаслом боротьби з буржуазним націоналізмом знищив очолювані академіками М. С. Грушевським, Д. І. Багалієм, М. І. Яворським історичні установи і частину науковців. Соціокультурні трансформації 1920-х – 1930-х рр. суттєво вплинули на формування, еволюцію та реалізацію життєвих планів наукової інтелігенції.

Аналіз актуальних досліджень. Перші дослідження, в яких аналізується поведінка істориків радянської України 1920-х – 1930-х рр., належать тим історикам української діаспори, які вижили під час сталінських репресій 1930-х рр. Тексти розвідок
© Богдашина О. М.

О. П. Оглоблина [23-25] та Н. Д. Полонської-Василенко [27-28] містять чимало сторінок спогадів. Про знищення очолюваних М. С. Грушевським науково-дослідної кафедри історії України та комісій історико-філологічного відділу Всеукраїнської Академії наук докладно йдеться у працях В. М. Заруби [14], Р. Я. Пирого [26] і О. В. Юркової [37]. Ліквідації інституту історії української культури імені академіка Д. І. Багалія присвячено окремий розділ нашої монографії [4]. В окремих розділах книг та ряді статей В. М. Заруби [15], В. В. Левченка [18], О. В. Ляпіної [20], І. Б. Матяш [21-22], О. Л. Рябенко [33] та інших дослідників [32 та ін.] висвітлюються доля окремих установ чи науковців, що постраждали під час сталінських репресій. Проте ряд питань, пов'язаних з життєвими стратегіями¹ радянських істориків² означеного періоду, вивчені недостатньо.

Основні тези. У 1920-х–1930-х роках в СРСР різко змінилася соціально-групова структура суспільства, сформувалися нові державно-політичні інститути. Поступово протягом досліджуваного часу у країні відбулося повне одержавлення не лише соціально-економічних відносин, політичної сфери, але також наукових, культурних, міжособових, шлюбно-родинних, побутових і всіх інших стосунків. Влада наприкінці 1920-х рр. встановила жорсткий контроль над наукою, літературою і мистецтвом, насаджувала в суспільстві нову мораль. Більшовикам у 1930-х рр. вдалося створити особливу, притаманну для тоталітарних суспільств, масову свідомість, створити атмосферу загальної підозрілості і доносителства. У суспільній свідомості поширювалися уявлення про нібито загрози для країни від чисельних зовнішніх і внутрішніх ворогів. Одним з внутрішніх, «добре замаскованих» ворогів для частини населення була дореволюційна інтелігенція дворянсько-буржуазного походження. В тому числі у радянському суспільстві 1920-х – на початку 1930-х рр. було поширене нігілістичне, часом образливе ставлення до університетської професури як до «ворожого елементу», позбавленого моральних якостей [29, с. 155 та наст.].

¹Під ними ми розуміємо життєві плани людини у поєднанні зі способами їх досягнення, сукупність характерних для даної особистості способів вирішення життєвих проблем.

²Під цим терміном ми розуміємо всіх фахівців-істориків, які працювали в Україні у цей час.

Стабільний у дореволюційний час життєвий простір наукової інтелігенції став невизначеним, оскільки для неї нові політичні гасла, правові і етичні норми, стандарти поведінки були значною мірою неприйнятними. Однією з головних цінностей для науковця була і залишається свобода творчості. Опозиційність (часто конструктивна) до будь-якого політичного режиму притаманна значній частині наукової інтелігенції, яка є найбільш освіченою та гуманістично налаштованою частиною суспільства. Вона дотримувалась у дореволюційний час неписаного кодексу моралі, який корегував її поведінку. Повною мірою це стосувалося й наукової інтелігенції. Така автономність академічно-університетської корпорації не влаштувала радянське керівництво.

Вже у 1920-х рр. радянська влада почала втручатися у роботу істориків. О. П. Оглоблин називає такі форми адміністративного втручання: «надоїдлива, дріб'язкова опіка й суровий партійний контроль, брутальне втручання офіційних комуністичних істориків, цензурні заборони, переслідування окремих українських вчених, мізерні кошти тощо» [24, с. 86]. З середини 1920-х років поступово обмежується кількість і достовірність не лише суспільно-політичної, а й суто наукової інформації. Так, майже не проводилися суто наукові конференції. З 1924 р. обмежувався доступ непартійних дослідників до архівних матеріалів, особливо з історії більшовицької партії [20, с. 38]. Листування через можливість перлюстрації перестало бути важливим каналом обміну наукової інформації. Крім того, було обмежено спілкування з закордонними колегами, в тому числі з науковцями; а з 1929 р. отримання книг з-за кордону.

Головною теорією історичного процесу був проголошений марксизм, у тому варіанті, у якому його виробили радянські суспільствознавці. З кінця 1920-х років вивчення немарксистських теорій мало на меті довести помилковість підходів їх послідовників у поясненні різних суспільних проблем та істинну науковість лише теорії історичного матеріалізму. Не дозволялося (принаймні публічно) висловлюватися на користь відмінних від марксистського підходу інтерпретацій минулого. Вибіркове використання джерел та заідеологізований аналіз окремих історичних фактів, відмова від інших, окрім т. зв. «марксизму-ленінізму», теорій збіднювали історичні праці радянського часу.

Науковці у таких складних умовах обирали один з трьох варіантів поведінки.

Зокрема, першої лінії поведінки дотримувалися академіки С. О. Єфремов та частково М. С. Грушевський: ніякої реальної підтримки існуючому більшовицькому режиму. Як відзначає Р. Я. Пиріг, М. С. Грушевський не сприймав радянську владу «ні розумом, ні душею», але «намагався пристосуватися, жити і творити, використати вимушену прихильність властей для відвоювання життєвого простору, в тому числі й за рахунок інших» [26, с. 84]. Н. Д. Полонська-Василенко наголошує на підкреслено незалежній поведінці М. С. Грушевського. Так, в його виступі на ювілейному, присвяченому 60-річчю історика, засіданні у приміщенні колишнього Київського університету, 3 жовтня 1926 р. «жодного кадіння урядові, жодного прославлення благодійності партії не почули присутні» від ювіляра [28, с. 48]. Між тим у боротьбі за свої інтереси М. С. Грушевський неодноразово звертався до урядовців за допомогою, намагаючись зокрема відсторонити від керівництва ВУАН А. Ю. Кримського та С. О. Єфремова [12, с. 43 та ін.].

Михайло Сергійович давав загальну настанову співробітникам очолюваних ним кафедри історії України та комісії ВУАН на вивчення та популяризацію європейських новітніх соціологічних ідей (головним чином Е. Дюркгейма та інших представників французької соціологічної школи) [5, с. 205-207].

Скептично ставилася до марксизму і його донька. У листі до кузена С. В. Шамрая 26 квітня 1923 р. К. М. Грушевська відверто писала з Відня: «Взагалі найслабша сторона марксизму, як політичної теорії, се те, що він претендує на науковість, а ся науковість зовсім перестаріла і фальшива. Я, звичайно, не хочу суватись з своїми „поглядами“, але опираюсь на те, що знаю з новітнього соціологічного досвіду. За останніх яких 20 літ наука розгорнула такий складний образ соціального процесу, що перед тим марксизм робить враження якогось грубого і наївного мітингового кличу... А марксисты і зараз опирають своє розуміння минулого на такий наївний роботі, як „Розвій людини“ Енгельса. Взагалі утікати від складного і розгалуженого деталізованого образу соціального життя, який виростає з науки і політичної практики останніх літ і ховатись в „марксизм“, се в певній мірі уникати потреби думати» [36, ф. 1235, спр. 1453, арк. 5; опубл.: 22, с. 193–196].

На відміну від історико-партійних науково-дослідних установ, які досліджували історію революційного руху і у першу чергу історію більшовицької партії, тематика праць очолюваних М. С. Грушевським науково-дослідних установ зосереджена на періоді до середини XIX ст. (тобто до початку поширення марксизму та виникнення соціалістичних партій).

Іншого варіанту поведінки дотримувався Д. І. Багалій, який активно підтримував всі заходи нової влади, в тому числі ті, які не могли йому сподобатися. На відміну від С. О. Єфремова та М. С. Грушевського заляканий та обережний Д. І. Багалій йшов на будь-які поступки радянській владі. Зокрема він підтримав ідею ліквідації університетської системи в УСРР, чим погіршив стосунки з академіком В. І. Вернадським¹. На початку 1920-х років Дмитро Іванович брав участь у спеціальній комісії при Наркоматі освіти УСРР, яка розробляла документацію реформи вищої школи [8, ф. 37, спр. 95]. Як співробітник Особливої тимчасової архівної комісії при Всеукраїнському революційному комітеті він брав участь в утилізації багатьох тон архівних документів в якості макулатури (лютий 1920–1923 рр.) [35, ф. 14, оп. 1, спр. 12, арк. 1 та ін.]².

Така «мазепинська» тактика дозволила Д. І. Багалію очолити численні наукові установи, зокрема відібрані наприкінці 1920-х років у М. С. Грушевського кафедру та ряд комісій ВУАН. Вузько зрозумілі власні та групові інтереси, бажання отримати від влади найбільше пільг, радість від перемоги наукового конкурента – невідомо, який з мотивів був для Д. І. Багалія основним. У будь-

¹ Останній на початку 1927 року відмовився брати участь у ювілейному збірнику, присвяченому Д. І. Багалієві. Свою відмову В. І. Вернадський в особистому листі до А. Ю. Кримського аргументував так: «...Але старий гріховодник грішен і достатньо сильно у руйнуванні вищої освіти на Україні... Господи Боже мій, що він говорить і що він пише, як вів відверто спалює те, чому так палко та відкрито недавно поклонявся! Я цілком розумію, що в складній обстановці Академії цей збірник може бути потрібним – але Д. І. вийшов у своїй апології руйнування вищої школи та у своїй побудові [пропаганді цього] наукової роботи методами, які до науки ніякого відношення не мають, але життєво насущними із середи чисто академічної роботи» [13, ф. 1, од. сх. 22772].

² Сам академік ніколи не знімав з себе вини за загибель архівних матеріалів, підкреслюючи у спогадах неможливість у тих конкретних умовах зберегти повністю архівні фонди [1, с. 138].

якому випадку інтереси Д. І. Багалія і керівництва республіки, яке вдало використало протистояння між окремими групами істориків¹, тимчасово збіглися.

На відміну від працівників очолюваних М. С. Грушевським установ переважна більшість співробітників Харківської науково-дослідної кафедри історії української культури (в основному у 1927–1929 роках) проголосила себе марксистами [4, с. 26–27, 91–95, 106–107 та ін.].

Частина з них оголошувала себе марксистами не з політичної кон'юктури. О. П. Оглоблин, М. Є. Слабченко зі своїми учнями активно використовували в дослідженнях нову термінологію. В еміграції О. П. Оглоблин в одному з листів 1982 року писав про погляди М. Є. Слабченка: «Підкреслення „марксизму“...це, з одного боку, „данина часу“, а з другого боку, глибоке переконання самого Слабченка (і не тільки його), що він творить *нову* [курсив авт. – О. Б.] марксистську школу в українській історіографії... школу революційну» [7, с. 25].

Ще більше звинувачень було на адресу академіка Д. І. Багалія наприкінці 1920-х років. Дмитро Іванович активно підтримав обрання академіками Всеукраїнської Академії наук партійних та радянських діячів – М. О. Скрипника, В. П. Затонського, О. Г. Шліхтера, які не мали безпосереднього відношення до науки [30]. Він публічно – на багатьох зборах і у пресі – засудив (прекрасно розуміючи, мабуть, всю фальшивість доказів слідства) засуджених за контрреволюційну діяльність членів «Спілки визволення України», в тому числі особистих друзів (С. О. Єфремов) та співробітників своєї кафедри (М. Є. та Т. М. Слабченки, В. О. Щепотьєв) [9].

На нашу думку, поведінку Д. І. Багалія, особливо в останні три роки його життя, можна пояснити страхом за себе², родину, учнів.

Під тиском зовнішніх обставин Д. І. Багалій у 1929 р. публічно відмовився «від своєї старої буржуазної історичної ідеології» та визнав марксизм-ленізм єдиною науковою методологією [2, с. 169]. Більш того – Д. І. Багалій погодився на проведення в

¹ Лише самогубство Д. М. Щербаківського у червні 1927 р. об'єднало 79 представників різних академічних угруповань для підписання колективного листа-протесту.

² Як згадує Н. Д. Полонська-Василенко, оточенню і самому Дмитру Івановичу було відомо з чуток, що «в НКВД вже була підготовлена „справа“» [27, с. 41].

Харківському науково-дослідному інституті історії української культури кампанії критики та самокритики співробітників інституту [детальніше: 4, с. 91–96].

Д. І. Багалій не завжди витримував такого морального напруження. У грудні 1931 р. на засіданні інституту історії української культури була заслухана доповідь А. І. Козаченка. В ній критикувалась творчість В. Б. Антоновича і водночас визнавалось, що «марксівська історіографія може використати величезний документальний матеріал, що зібрав Антонович, очистивши його від буржуазно-націоналістичної концепції і давши йому класову аналіз» [13, ф. 1, од. сх. 45278, арк. 84 зв.]. Після доповіді, за свідченням К. І. Кушнірчука, «Багалій після його [А. І. Козаченка – О. Б.] характеристики просто зірвався з місця мало не з кулаками. А характеристика була м'яка¹» [35, ф. 3561, од. сх. 331, арк. 96–97].

За домовленістю з керівництвом Наркомпроса УСРР Д. І. Багалій повинен був виступити з покайною промовою на нараді українських істориків у Харкові у лютому 1932 р. У доповіді, текст якої після його смерті донькою О. Д. Багалій та А. І. Козаченко був надрукований під назвою «Самокритичні нариси» в часописі «Архів Радянської України» [3]², вчений визнає свої колишні погляди як шкідливі, антимарксистські та буржуазні, обіцяє рішуче боротися з ворожими пролетаріатові історичними концепціями, знову засуджує істориків, заарештованих по справі «СВУ». Визволителька-смерть врятувала академіка від цього ганебного виступу³.

¹ Викладені А. І. Козаченко [13, ф. 1, од. сх. 45278, арк. 84–85] оцінки поглядів та наукової спадщини дореволюційних істориків відзначалися ідеологічною заангажованістю та необ'єктивністю, проте дійсно не містили типових на той час брутальних виразів.

² Зроблено було це, очевидно, не для померлого, а для живих співробітників інституту, над яким нависла загроза закриття.

³ О. П. Оглоблин згадував: «Смерть завжди передчасна, але в цих божевільних умовах вона була символічно своєчасна. Роль Багалія була скінчена. Він зробив усе, що міг, більш того – те, що тільки він – з його вдачею і тактом міг зробити. У 1932 році було вже зовсім ясно, що ніхто, навіть Багалій, не спроможний врятувати українську історичну науку від большевицького погрому» [23, с. 104]. Як згадує Н. Д. Полонська-Василенко, про смерть Д. І. Багалія 9 лютого 1932 р. говорили тоді так: «помер своєчасно» [27, с. 41]. За сімейним переказом так сказав один з чекістів, який здійснював обшук у будинку Д. І. Багалія у ніч з 9 на 10 лютого 1932 р.

О. П. Оглоблин, який сам у травні 1931 р. пройшов триденне «обговорення» своїх праць, детально згадував, як проходили подібні «наукові диспути». «Підсудний» «повинен був бути особисто присутній й покірливо вислухувати зливу прилюдної лайки та знущання на свою адресу і мусив неодмінно виступити потім з гострим засудженням своїх „помилочок” і урочистою обіцянкою працювати далі „в дусі марксизму-ленізму та настанов комуністичної партії”» [25, с. 31].

І далі: «Якщо виступи співробітників „жертви” визнавалися організаторами...недостатньо критичними (або самокритичними), занадто „гнило-ліберальними”, „примиренськими”, „опортуністичними”, а то й просто „ідеологічно ворожими вилазками” „избиение” починалося знову...і „головного винуватця”,...і його злополучних „оборонців” (хоч, по суті, це були не оборонці, а тільки більш порядні люди, яким звичайне людське сумління не дозволяло говорити неправду чи пошана до старого вченого, свого вчителя або старшого товариша, перешкоджала вживати надто гострих і лайливих слів)» [25, с. 31–32].

Обговорення наукових доповідей з будь-якої тематики перетворювалось на політичні вистави. Відвідування таких зборів було обов'язковим для усіх співробітників даної наукової установи¹. Окрім самобичування винуватця, передбачалися співдоповіді з критикою наукової продукції та виступи «бажаючих»², обов'язково серед останніх мали бути учні [25, с. 30–33].

Після публічного морального приниження винуватці ставали як правило безробітними. Після того, як «наукові твори О. П. Оглоблина визнано фашистськими, шкідливими, ненауковими, національно-буржуазними», учений «втратив всі катедри», що, як зазначає близька до історика Н. Д. Полонська-Василенко, «було тяжкою життєвою катастрофою для Оглоблина» [27, с. 25].

¹ Н. Д. Полонська-Василенко згадувала, що актовий зал Київського університету, де у травні 1931 три вечори проходив «диспут» щодо праць О. П. Оглоблина, був повністю заповнений [27, с. 25].

² Під час обговорення концепції історії України проф. О. П. Оглоблина виступаючі звинувачували його в недооцінці ролі класової боротьби, використанні «марксівської фразеології» для «прикриття своєї буржуазної суті» [35, ф. 3561, оп. 1, стр. 303, арк. 4].

Політичні звинувачення загрожували не лише звільненням з роботи, а й у подальшому часто арештом здебільшого за статтею 54 Карного кодексу УРСР. Це прекрасно розуміли і самі історики, що ставали об'єктом різних звинувачень. Вони обирали різні лінії поведінки.

Більшість людей намагалася обмежити спілкування. На процесі «СВУ», між іншим, Л. М. Старицька-Черняхівська характеризувала свої приватні розмови «в тісному колі близьких людей» як «обмін думок, а не заходи проти революції», пояснюючи: «Людина лояльна може залишити за собою право не погоджуватись з тими чи іншими шляхами влади» [цит. по кн.: 32, с. 95].

Типова для інтелігенції дореволюційного часу звичка вести щоденникові записи¹ та детально описувати у листах події неодноразово використовувалися чекістами. Так, в якості доказів контрреволюційної діяльності на відкритому процесі СВУ були представлені щоденники С. О. Єфремова та М. Є. Слабченка. Незадовго до свого арешту С. О. Єфремов занотував у щоденнику 20 травня 1929 р.: «З причини останніх арештів виникла справжня паніка – знищенням документів, листів і т. д.» [12, с. 51]. На прохання О. Д. Багалій Н. Д. Полонська-Василенко знищила її листи до неї [19].

Третю лінію поведінки представляли в основному молоді історики, які фанатично боролися, не гребуючи ніякими засобами, проти «старої», «буржуазно-націоналістичної» історіографії. Після арешту М. Є. та Т. М. Слабченків за справою «СВУ» аспіранти одеської філії Харківської науково-дослідної кафедри історії української культури імені академіка Д. І. Багалія 16 березня

¹ І. А. Линниченко також свої негативні оцінки радянської дійсності записував, але не друкував. Революціонерів у рукописних замітках він порівнював зі служителями церкви. На думку професора Таврійського університету, за нової влади (як і в церкві) «народослужіння точно також складають з сценічних дій: маніфестації та молитви-промов, а останні складаються зі славослів'я, нового богу – революції і вимог замість прохань» [11, ф. 538, спр. 21, арк. 1]. Іван Андрійович підкреслював особливий характер поведінки революціонерів: «У народослужінні, як у богослужінні, лєвова доля жертв дістається жерцям-лідерам панівних партій. В особливо урочистих випадках, в епоху народних бідувань, від віруючих вимагають жертви» [11, ф. 538, спр. 21, арк. 1]. Його папери «контрреволюційного змісту», як зазначено в архівному описі фонду 538, стали відомі чекістам після його смерті у 1926 р.

1930 р. звернулася до Бюро кафедри і Уповноваженого Головнауки з проханням «про негайне виключення зі складу катедри М. Слабченка та Т. Слабченка, що виявили себе як націонал-фашисти та використовували наукову роботу з контрреволюційною метою» [13, ф. 1, од. сх. 45278, арк. 109]. У листопаді 1930 р. історична секція Українського інституту марксизму-ленінізму надіслала листи до ВУЦВК та наркомату освіти України з проханням закрити багаліївський інститут як осередок «українського буржуазного націоналізму» [35, ф. 3561, од. сх. 331, арк. 45].

Своє життєве кредо один з найактивніших комуністів К. І. Кушнірчук висловив наступним чином: «Ніяких „пошан предкам“. Ми живемо в іншу добу, служимо іншим класам, належимо до інших людей» [35, ф. 3561, од. сх. 331, арк. 97].

В листі від 10 грудня 1930 р. він сповіщав О. П. Оглоблїна про настрої в урядових колах республіки: «Питання стоїть про закриття інституту історії української культури. І справді, чи потрібен він? (про себе). За весь час свого існування він не дав жодного робітника, а коли й виготовував, то лише ворогів лєнінської науки, що ж продовжували далі цю систему? Можна було б партизувати цю інституцію, але партійців-істориків одиниці і дублювати секцій інституту марксизму-ленінізму немає потреби» [35, ф. 3561, од. сх. 331, арк. 48].

В обмін на збереження інституту Д. І. Багалій легко погоджується на призначення завідуючими відділами інституту комуністів та зарахування до аспірантури лише членів більшовицької партії. Добре знаючи мстивий та заздрісний характер свого колишнього аспіранта М. Є. Редіна, Д. І. Багалій погоджується на призначення його заступником директора. Саме М. Є. Редін у січні 1931 р. очолив дискусію щодо десятого збірника НДК історії української культури. Д. І. Багалій та інші автори збірника повністю визнали політичні звинувачення, які містилися у доповіді М. Є. Редіна. Сам Д. І. Багалій у спеціальному листі до газети «Комуніст» повністю визнав свої помилки по редагуванню збірника [17].

При публічній підтримці Д. І. Багалія М. Є. Редін організував ряд самокритичних виступів співробітників інституту. М. Є. Редіна в організації кампанії боротьби з «троцькістсько-бухаріновськими фальсифікаторами» активно підтримали К. І. Кушнірчук та інші історики-більшовики. До них приєдналися такі авторитетні

науковці інституту як Н. Ю. Мірза-Авак'янц та М. О. Максимейко [35, ф. 3561, од. сх. 331, арк. 96, 129 зв., 147 зв.].

Проте той же К. І. Кушнірчук у листі до О. П. Оглоблина від 21 листопада 1931 р. наголошував, що за два роки перебування у Харкові ніколи не довіряв Д. І. Багалію, М. В. Горбаню та іншим провідним співробітникам кафедри: «Смішно було б думати, що вони порвали з буржуазною наукою» [35, ф. 3561, од. сх. 331, арк. 91]. Він у листі до О. П. Оглоблина (березень 1931 р.), підкреслюючи псевдомарксизм Д. І. Багалія, писав про нього у такому тоні: «Ти недооцінюєш, що за „старческим лепетом” висуває голову ціла свора погані, і він їх прикриває (Горбань, Гніп, Водолажченкова та іже з ними)... Не можна одірвати Багалія від цієї свори – він де підтримує їх до зубів, а про Горбаня і лише про нього говорить як про свого наукового спадкоємця... Для того, щоб витверезити Багалія й перемогти оту свору слобожанського хуторянства, треба і самого діда посоромити, а потім посадити на почесне місце до інституту марксизму» [35, ф. 3561, од. сх. 331, арк. 55–55 зв.].

Молоді «попи марксистського приходу» у боротьбі з т.зв. «багалівською чорносотенною сменовеховщиною» [35, ф. 3561, од. сх. 331, арк. 96] вдалися до непорядних заходів, зокрема до написання закритих листів (прямо кажучи – доносів) до відділу культури і пропаганди ЦК КП(б)У та до Укрнауки [35, ф. 3561, од. сх. 331, арк. 36 зв., 96–97]. Д. І. Багалій, зрозуміло, здогадувався про доноси і вів себе дуже обережно з потенційними авторами таких листів [35, ф. 3561, од. сх. 331, арк. 36 зв., 96–97].

Саме історики-партійці були активними учасниками різноманітних чисток (керуючими та членами бригад по обслідуванню відділів інституту), диспутів (головуючими, співдоповідачами) тощо. Під час перевірок намагалися знайти у наукових працях працівників інституту історії української культури «буржуазно-фашистські та націонал-демократичні й націонал-опортуністичні ухили» [35, ф. 3561, од. сх. 331, арк. 36]. У висновках перевірки, наприклад, роботи Комісії соціально-економічної історії при ВУАН (19 липня 1930 р.) пропонувалося її співробітникам (Д. І. Багалію, О. П. Оглоблину, Н. Д. Полонській-Василенко та ін.) «взяти найактивнішу участь» «в тій боротьбі, що ведеться на історичному фронті проти всіх ворожих марксизмові і ленінізмові історичних концепцій» [35, ф. 3561, од. сх. спр. 246, арк. 36].

Після публікації листа Й. В. Сталіна у часописі №6 за 1931 р. «Пролетарская революция» посилювалися негативні тенденції у роботі наукових та вищих навчальних установ. Наукова робота організовувалася за бригадним методом з розгортанням соціалістичного змагання та ударництва, перевірки та взаємоперевірками бригад [8, ф. 37, од. сх. 477, 485]. Нові форми знецінювали внесок окремих науковців у дослідження обраної теми, робили неможливим обрати тему, далеку від політичного замовлення. Крім того, у бригадах легше було слідкувати за «чистотою» методології. Учений кінця 1920-х – 1930-х рр. не міг відійти у «внутрішню наукову ізоляцію», як це зробили деякі науковці 1960-х – 1980-х рр. У таких умовах бездарі і політичні кон'юктурники з партійним квитком були краще захищені, ніж творчі люди, до того ж часом з не більшовицьким партійним минулим. Наступив «зірковий час» молодих комуністів-аспірантів. Авторитетні науковці практично втратили свій вплив на роботу наукових і навчальних установ, в яких вони працювали.

Подібні ситуації спостерігалися і в вищих навчальних закладах. Так, викладачі та студентський актив (представники КСМ, студентської профспілки, СНР) Харківського педагогічного інституту профосвіти поміж іншого «виявили» «класово ворожі теорії, гнилий лібералізм у літературній продукції... та викладанні» у багатьох викладачів, тому числі у сокерівників аспірантури інституту історії української культури Н. Ю. Мірза-Авак'янц і М. Є. Редіна [31].

Від арешту не врятовували жодні посади та регалії, боротьба з «буржуазними націоналістами». Н. Ю. Мірза-Авак'янц активно критикувала свої колег, в тому числі свого вчителя та благодійника Д. І. Багалія, за що отримала від останнього прізвисько «Мерзавк'янц» [23, с. 103]. За декілька днів до арешту вона в групі найкращих представників «червоної професури» з Києва була на прийомі у Кремлі [6, с. 571]. Від арешту, як видно на прикладі М. Є. Редіна¹ [10, спр. 032258], не врятовували і доноси до ЦК КП(б)У і НКВС УСРР.

¹ Під час допитів, і пізніше при відбуванні покарання на Колими М. Є. Редін не визнавав себе винним [10, спр. 032258, арк. 16, 116–121, 124–125]. Він вважав помилкою, що заарештували його – активного учасника боротьби «з реакційними колами буржуазної професури» «за радянізацію вищої школи, за корінну її перебудову, за «перебудову всієї

Приводами для репресій ставали минула приналежність до політичних партій (наприклад, В. О. Романовського – до партії російських кадетів, М. В. Горбаня, Я. О. Риженка – до української партії соціалістів-революціонерів, О. Г. Водолажченко, Н. Ю. Мірза-Авак'янц, М. Є. Слабченка – до українських соціал-демократів, збереження українофільських чи немарксистських (за термінологією того часу «буржуазно-націоналістичних», «контрреволюційних», «троцькістських») поглядів у наукових працях, звичайні, часом невмотивовані, доноси. По-різному вели себе заарештовані на допитах. Найбільш порядною, на наше переконання, була поведінка В. О. Романовського, якого у 1930-х роках заарештовували тричі. Він визнав «контрреволюційними» розмови лише після очних ставок з іншими заарештованими чи пред'явлення компрометуючих паперів [10, спр. 64454 фп, 66855 фп]. Але найчастіше свідчення інших, зломлених на допитах заарештованих ставали основою нових звинувачень [10; 34].

Атмосфера публічних політичних звинувачень, доносів, відсутність хоча би примарної свободи наукової творчості, руйнація старих моральних норм, ліквідація дореволюційної системи підготовки наукових кадрів – все це справило вкрай негативний вплив на розвиток радянської науки. Жодна з трьох життєвих стратегій не надавала гарантії уникнення критики, звільнення з роботи та/чи арешту. Заарештовувалися навіть агенти ОДПУ-НКВС. Аналіз життєвих сценаріїв окремих радянських науковців досліджуваного часу може стати у перспективі темами подальших досліджень.

Література

1. Багалій Д. І. Автобіографія: п'ятдесят літ на сторожі укр. науки та культури. К., 1927.
2. Багалій Д. І. Критика критики (відповідь Ф. Ястребову на його рецензію мого "Нарису історії України на соціально-економічному ґрунті") // Науковий збірник Харківської науково-дослідної кафедри історії української культури. 1930. Т. 10.
3. Багалій Д. І. З посмертних праць акад. Д. І. Багалія (Самокритичний огляд наук. продукції) // Архів Рад. України. 1932. №4-5.

системи старих музеїв», в тому числі «проти троцькізму» [10, спр. 032258, арк. 8-9].

4. Богдашина О. М. Діяльність Харківської науково-дослідної кафедри історії української культури ім. акад. Д. І. Багалія (1921–1934 рр.). Х., 1994.
5. Богдашина О. М. Позитивізм в історичній науці в Україні (60-ті рр. XIX – 20-ті рр. XX ст.). Х., 2010.
6. Верба І. Історик Н. Ю. Мірза-Авак'янц / І. Верба // Архівознавство. Археографія. Джерелознавство. 2001. Вип. 4.
7. Винар Б. Академік Михайло Слабченко: (Матеріали до біографії та бібліографії) // Український історик. 1982 / 83. № 3-4 [1982], 1 [1983].
8. Відділ рукописних фондів і текстології Інституту літератури ім. Т. Г. Шевченка.
9. Вісті ВУАН. 1929. №11-12.
10. Галузевий державний архів Служби безпеки України.
11. Державний архів Автономної Республіки Крим.
12. Єфремов С. О. Лицар духу. Фрагменти з щоденника / передмова та публікація // Київська старовина. 1992. № 1.
13. Інститут рукопису Національної бібліотеки ім. В. І. Вернадського Національної академії наук України.
14. Заруба В. Історик держави і права України академік М. Є. Слабченко (1882–1952). Дніпропетровськ, 2004.
15. Заруба В. Розгром і знищення київської школи історії Михайла Грушевського // Український історик. 1991–1992. Ч. 3-4, 1-4.
16. Зневажена Кліо: зб. ст. / гол. ред. Ю. З. Данилюк. К, 2005.
17. Комуніст. 1931. 18 січня.
18. Левченко В. В. Історія Одеського інституту народної освіти 1920 – 1930 рр.: позитивний досвід невдалого експерименту. Одеса, 2010.
19. Листи Н. Д. Полонської-Василенко до О. Д. Багалія / упор. О. Богдашина, І. Верба // Схід-Захід. Х., 1998. Вип. 1.
20. Ляпіна О. В. Політизація історичної науки та освіти в Україні в 20-х – 30-х рр. XX ст. (на прикладі Київського інституту народної освіти) // Історія та історіографія в Європі. 2003. Вип. 1-2.
21. Матяш І. Б. Особа в українській архівістиці: Біографічні нариси. К., 2001.
22. Матяш І. Б. Катерина Грушевська. Життя і діяльність. К., 2004.
23. Оглоблин О. П. Пам'яті Дмитра Багалія // Укр. історик. 1988. № 1-4.
24. Оглоблин О. Українська історична наука в 1920-х роках // Український історик. 2000. №1-3.
25. Оглоблин О. Як большевики руйнували українську історичну науку // Український історик. 2000. №1-3.
26. Пиріг Р. Я. Життя Михайла Грушевського: останнє десятиліття (1924–1934). К., 1993.

27. Полонська-Василенко Н. Д. Історична наука в Україні за советської доби та доля істориків // Записки наукового товариства ім. Шевченка. Праці історично-філософської секції. Париж; Чикаго, 1962. Т. CLXXIII: Збірник на пошану українських вчених, знищених більшовицькою Москвою.
28. Полонська-Василенко Н. Д. Українська Академія наук: (нарис історії). К., 1993.
29. Посохов С. І. Образи університетів Російської імперії другої половини XIX – початку XX століття в публіцистиці та історіографії. Х., 2006.
30. Пролетарська правда. 1929. 12 травня.
31. Рашиль А. ХППЮ в боях за чистоту ленінської науки // Студент революції. 1932. №5-6.
32. Репресоване «відродження». К., 1993.
33. Рябченко О. Л. Харківський інститут народної освіти ім. О. О. Потебні (1921–1930 рр.). Х, 2000.
34. «Спілка визволення України»: стеногр. звіт судового процесу. Х., 1931.
35. Центральний державний архів вищих органів влади та управління України.
36. Центральний державний історичний архів України, м. Київ
37. Юркова О. Діяльність науково-дослідної кафедри історії України М. С. Грушевського (1924-1930 гг.). К., 1999.

Т. А. БУЛЫГИНА

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА И «ЖИЗНЕННЫЙ ЭТОС» В СУДЬБЕ ИСТОРИКА: ПО СТРАНИЦАМ ДНЕВНИКОВ С. С. ДМИТРИЕВА

Резюме: Статья содержит представления об этике историка-профессионала. На примере жизнедеятельности конкретного профессора Московского университета второй половины XX века показаны разные стороны этоса ученого в контексте конкретного исторического времени и выявлена их динамика.

Ключевые слова: этос историка, советская историография, Московский университет.

Булыгина Т. О. Професійна етика і «життєвий етос» у долі історика: По сторінках щоденників С. С. Дмитрієва

Резюме: Стаття містить уявлення про етику історика-професіонала. На прикладі життєдіяльності конкретного професора Московського університету другої половини XX століття показані різні боки етосу вченого в контексті конкретного історичного часу і виявлена їх динаміка.

Ключові слова: етос історика, радянська історіографія, Московський університет.

Bulygina T. Professional ethics and "life ethos" in the destiny of a historian

Summary: In the specific example of life the professor at Moscow University in the second half of the XX century the different sides of the scientist's ethos into special historical time are shown and their dynamic is revealed.

Keywords: ethos of historian, soviet historiography, Moscow University.

Разговор об этике историка может вестись в разных плоскостях. Поскольку ученый любого статуса не перестает быть членом социума и гражданином своей страны, то одна плоскость этой проблемы включает социальные этические нормы и степень следования им, причины их нарушения или попытки их изменения. Другая плоскость включает область профессиональной этики. В этой плоскости находятся и отношение историка к предмету исследования, и принципы, на которых строится его деятельность, и взаимоотношения внутри научного сообщества. Наконец, третья плоскость, внутри которой определяется этос историка, это взаимоотношения науки и © Булыгина Т. А.

власти, ученого и общества в целом, научного сообщества и властных структур. Надо заметить, что эти разные смыслы этоса историка при всей своей автономности тесно взаимосвязаны, и упомянутые выше плоскости могут в ряде случаев совпадать и даже сливаться.

Этические границы поведения историка в любом из указанных ракурсов не существуют вне времени. Дело не только в отличии общепринятых этических норм конкретной эпохи, хотя и это обстоятельство весьма значимо при рассмотрении вопросов этики. Однако главное состоит в том, каким образом историк воспринимает свое время. Речь идет не только о социокультурных и политических оценках историка современного ему общества, но, в первую очередь, об определении своего места в кругу профессионалов, в отношении к современному уровню науки, в выборе позиции в спорных вопросах науки.

Вопросы профессиональной этики историка включают в себя и отношение его к источникам и методологическим принципам исследовательских практик, и отношение к историографическому наследию, и отношения с учениками и коллегами не столько в обыденном понимании, сколько в контексте творчества, и мотивы научной деятельности. В отношении ко всем этим вопросам проявляется профессиональная ответственность историка, которая, однако, не противоречит социальной ответственности. По мнению Дж. Тоша, необходимость оправдывать ожидания общества не накладывает никаких ограничений на профессиональные занятия историка [14, с. 54-55].

Этика историка предполагает искренность ученого, подвижного поиском исторической истины, в выборе объекта и методов исследования, т.е. то, что П. Рикёр назвал моралью «убеждения». Однако речь не идет о башне из слоновой кости, в которой ученый уединяется от остального мира. Историк вступает в сложные отношения с властью, социумом, с сообществом коллег и собственной личностью. Поэтому мораль «убеждения» непременно переплетается с моралью «ответственности» [13, с. 348]. В частности, Ф. Анкерсмит говорил о «культурной ответственности» историка перед своей аудиторией и сравнивал его с посредником между прошлым и настоящим. Так что историческое сознание современного общества в немалой степени зависит от того, какое объяснение исторического прошлого представляет современная научная корпорация историков [1, с. 120-121]. Ежи Топольски поиск научной истины рассматривает как категорию морали. Он считает, что для историков «это означает

призыв быть честными и служить тем людям, которые не могут оставаться удовлетворенными ложью или подменой истины». Ведь истина – одна из точек опоры не только ученого, но и всей человеческой жизни [1, с. 196].

Одним из важных вопросов профессиональной этики ученого является его толкование соотношения субъекта и объекта. Именно осознание и признание субъективности историка формирует его профессиональную ответственность. П. Рикёр по этому поводу писал, что субъективность, т.е. сознание историка, напоминает ему, «что оправданием его деятельности является человек и его ценности, которые он открывает или сам разрабатывает в условиях цивилизации. Это напоминание звучит как набат, когда историк забывает о своем главном предназначении, поддаваясь *гипнозу ложно понятой объективности*, т.е. истории, где действуют одни лишь структуры, силы, институты и где нет людей и человеческих ценностей [13, с. 57]. Именно субъективность исследователя позволяет ему учитывать этический ограничитель при исторической реконструкции, каким является напоминание о том, как заметил Ханс Кёллер, что «прошлое автономно и не нуждается в том, чтобы мы придавали ему значения». Скорее прошлое для нас сегодняшних имеет значение, и мы его создаем «здесь и сейчас» [1, с. 64].

Вместе с тем, одним из принципов профессиональной этики историка, на наш взгляд, является независимость суждений историка о моделях прошлого от распространенных социальных мифов. Эта модель основана не на привлекательности ее для господствующих идеологических конструкций, а на новейших исследовательских практиках. К примеру, к таким мифам можно отнести конструкции, связанные с пониманием традиции и прогресса. Вопрос о традиции представляется одним из ключевых в представлениях об историческом процессе. Традиция задает человеческой истории непрерывность и создает условия для возможности временных коммуникаций, для так называемой переключки поколений. В то же время преклонение перед традицией затемняет сущность механизма исторического движения или как писал Джон Тош, «некритическое уважение к традициям становится контрпродуктивным. Оно замалчивает исторические перемены, происходившие в переходный период» [14, с. 22].

С другой стороны, понятие «прогресс», как выяснили современные исследователи, также является относительной категорией, далекой от смысловой устойчивости. Эта категория

скорее носит оценочный, а значит, пристрастный характер, т.к., по мнению Тоша, предполагает превосходство настоящего над прошлым и поэтому «неизбежно берет на вооружение любые преобладающие в данный момент ценности». Дело в том, что в большинстве случаев перемены во времени, составляющие исторический процесс, наделяются «положительным знаком и моральным содержанием» [14, с. 27-28]. В этом случае движение к истине подменяется интерпретацией устоявшегося общественного мифа, что является нарушением профессиональной этики. По этому поводу в рассматриваемом дневнике С. С. Дмитриева есть одно характерное замечание 1954 г. относительно позиции советского писателя, но примененного и к историкам: «...поняли возможность для писателя не занимать отчетливо выраженной прогрессивной позиции и в то же время правдиво изображать действительность» [5, с. 121]. В записи 1956 г. ученый аргументирует свое предпочтение понятию «изменение», а не термину «прогресс». Он считал, что изменения в истории многофакторны, и не стоит сводить их к оценочным суждениям [7, с. 146].

Личные записки профессора МГУ, специалиста в области истории русской культуры Сергея Сергеевича Дмитриева, не предназначенные при его жизни к публикации, дают достаточно материала для понимания этоса ученого. Они демонстрируют разные стороны его этической позиции в контексте развития советской исторической науки и советского общества в период с конца 1940-х – до начала 1990-х годов, позволяют увидеть как неизменные принципы его профессиональной этики и жизненного этоса, так и изменения некоторых профессиональных представлений ученого, повлиявшие на его нравственные установки.

Симптоматично, что очередная попытка историка в феврале 1949 г. вести дневник начинается со слов: «Времена такие, что искренность и откровенность не помогают существовать» [2, с. 144]. Так автор дневника определяет историческое время, которое влияет на этику гражданина и ученого. Этическая сторона жизнедеятельности историка в значительной степени связана с историческим временем, в котором она протекала. Этим можно объяснить туманность и условность ряда высказываний историка. Он начал вести дневник в условиях нарастания идеологической кампании борьбы с космополитами. Выступления Х. Г. Аджемьяна и В. Т. Крутя на сессии Института истории АН СССР о космополитизме и антипатриотизме таких представителей

советской исторической науки, как И. И. Минц, Н. Л. Рубинштейн и др., Сергей Сергеевич назвал дикими по тону и заметил «Собравшиеся восприняли речи Аджемьяна и Крутя отрицательно» [2, с. 145]. Несмотря на отсутствие развернутой характеристики этого события, моральная позиция профессионального сообщества историков очевидна.

Оценка своего времени и своей корпорации у С. С. Дмитриева откровенно критична. При этом себя он не исключает из этого круга, чем придает своим записям самокритичный оттенок, хотя прямо нигде лично себя не осуждает. По поводу конкретного факта избрания ректора МГУ историк иронично замечает об отсутствии самостоятельности и чувства собственного достоинства у современных ученых, которые не могут сказать, кого хотят иметь ректором. По сравнению с ними М. П. Погодин как автор писем периода Крымской войны и Н. Г. Чернышевский с его гражданской публицистикой представляются античными героями [3, с. 114]. Подводя итоги прожитого, в 1991 г. он восклицал: «Так и профукали, пробалаганили свое, российское XX столетие. Сто лет ухнуло! Без малого столетнее советское Смутное время... А Смутному времени конца не видно... Карфаген царизма разрушили, коммунистический Марий посвистывает да подбочивается на развалинах. Карфагена, верно, нет. Развалин много, куда девать – не знаем. Кто же их возьмет? Видно, самим придется развалинами кормиться, слезы свои закусывать» [12, с. 164].

С позиций профессиональной этики суждение С. С. Дмитриева о характере воспоминаний современников в 1930-е – 1950-е годы является очень важным для современных исследователей XX в. при их работе с источниками и одновременно само становится свидетельством советской эпохи. Он отмечал вынужденное беспамятство советского общества в это время, а также надуманность и несостоятельность разрешенных мемуаров: «То, что писалось и выходило под именем воспоминаний... – подделки, публицистика дешевая. Читаешь и думаешь: да стоило ли жить столько, чтобы *такое* вспоминать?» [4, с. 142]. В записях исторического 1956 г. встречается его оценка своего времени в контексте традиций. Так, автор по поводу возрождения краеведения восклицал: «Создаем, разрушаем, снова воссоздаем. Нет никакой прочной традиции, устойчивой преемственности в любом деле» [7, с. 145].

Отношение С. С. Дмитриева к качеству профессиональных занятий повышено критично. Для него серьезность и глубина

исследовательского процесса определяется степенью критичности к известным положениям. Критическое обсуждение самых замечательных научных результатов ученых считал профессиональным долгом. Такое качество профессиональной этики С. С. Дмитриева имеет свои корни в историческом академическом сообществе дореволюционной России и проходит сквозь все записи. К примеру, обсуждение докладов на совместной сессии институтов истории и философии АН СССР в феврале 1949 г. автор дневников считал серьезным, т.к. оно было критическим. Он и сам показывал такой пример. С. С. Дмитриев подверг критике периодизацию отечественной истории в докладе Н. М. Дружинина, которую который оценивал как «наиболее глубокий и умный из всех трех докладов» [2, с. 144-145]. Не изменил себе историк в своей критичности как принципе и этике профессионализма и на пороге своего ухода из жизни. По поводу чтений памяти Н. Я. Эйдельмана, проходивших 18 апреля 1991 г., С. С. Дмитриев замечает, что стремление закрепить память об Эйдельмане как талантливым и оригинальным исследователем очень похвально, но предупреждает от превращения покойного историка в «некоронованного короля современного исторического сознания» [12, с. 163].

Одна из сторон профессионального этоса С. С. Дмитриева, как ученика русской исторической школы – неприятие модернизации исторических эпох. Такой точке зрения ученый остался верен до конца своих дней. Он всегда (и в советское, и в перестроечное время) выступал против расширительного толкования явлений исторического прошлого. С. С. Дмитриев был одним из немногих специалистов по истории славянофильства. Проблема этого направления стала темой его кандидатской диссертации, защищенной в 1940 году. Позже он выступал против расширительного толкования западничества и славянофильства, т.к. эти течения общественной жизни имели конкретное время возникновения и конкретные причины рождения. Что касается почвеннических и прозападных настроений, обозначившихся в советское и перестроечное время, то, по мнению ученого, они имели иную природу и конкретно-историческое выражение. Такая позиция автора дневников высказывалась им неоднократно. В 1958 г. в дискуссии по вопросам общественного движения XIX в. С. С. Дмитриев призывал к необходимости признавать действительность историческую, не осовременивая ее [8, с. 163]. По поводу доклада Б. С. Итенберга в Институте истории СССР АН,

который он приветствовал в целом, С. С. Дмитриев написал в мае 1990 г., что «пользоваться термином славянофильство «вообще» я считаю невозможным. Равно и западничеством. История – наука конкретная». За идеями славянофильства стоят реальные люди и реальное время. Можно говорить о предыстории этого явления или о воздействии этих идей на следующие поколения, т.е. о *постистории* славянофильства [12, с. 165].

Строгое отношение к истории как к науке и творчеству характерно частности, он всегда выступал против гигантских замыслов о многотомных изданиях, считая, во-первых, это делом многотрудным и многолетним. Для издания 5 томов понадобится минимально 3-4 года, а за это время изменится состояние науки и политическая конъюнктура. В результате одни изданные книги устареют, прежде чем последующие будут изданы. Целый институт «топчется на месте» [4, с. 136; 9, с. 157]. Кроме того, историк старой школы, вынужденный работать в предложенных условиях и «соавторствовать» при создании учебных изданий, высоко ценит индивидуальное творчество, которое обеспечивает, по его мнению, цельность концепции труда. «Самое малое *свое* дело – так, делишко какое, бесконечно важнее *чуждой* великой мысли», – писал он в 1959 году [10, с. 161].

Обращает на себя внимание позиция автора в отношении своих коллег по цеху. Он оценивает их человеческие и профессиональные качества и соответственно строит свои отношения в научном сообществе. К примеру, С. С. Дмитриев высоко ценил человеческие и организационные качества академика А. М. Панкратовой, хотя и отмечал отсутствие у нее творческой плодовитости [4, с. 136; 6, с. 168; 7, с. 145; 8, с. 153]. Несмотря на признание тяжелого характера М. В. Нечкиной, наличия в ее мировоззрении элементов «покровщины» [4, с. 135; 5, с. 132], С. С. Дмитриев высоко ценил ее литературный и исследовательский талант и возмущался поведению академического сообщества, которое в силу своей посредственности долго, до 1958 г. «не пушало» способного историка в академики. Вообще о зависти и недоброжелательности в профессиональной среде ученый писал не раз. Он, например, отмечал талант и эрудицию М. Н. Тихомирова, одновременно замечая, что не только «идеологическая порка» 1949 г., но и зависть и недоброжелательство коллег отравили его изнутри «обидой» и повлияли на характер 60-летнего историка [4, с. 150].

Его коробила демагогия «партийных» историков по вопросам российской истории XVIII века, в частности, он писал о конъюнктурном подходе к личности Радищева [4, с. 137]. Историк не раз в конце 1940-х – начале 1950-х гг. становился жертвой партийной демагогии. Так, их с профессором М. Тихомировым не раз обвиняли в «субъективистско-идеалистических» ошибках, присущих российской «буржуазной» историографии. В ответ на один из многочисленных упреков в журнале «Коммунист» в начале 1953 г. историк раскрыл истинную природу этой критики в своем дневнике: «Два беспартийных историка написали учебник для вузов. Да как же это можно допустить?! Ну и будут стараться не допустить» [4, с. 141]. Человеческое лицемерие ученых не терпел ни в жизни, ни в науке. С возмущением писал он о том, что при защите одной диссертации в дискуссии ученых мужей звучали похвалы, а при тайном голосовании результаты оказались провальными для соискателя. Автор иронично восклицает: «Так члены Ученого совета... понимают положение, гласящее, что наука не может двигаться вперед без борьбы мнений, без свободного обсуждения» [4, с. 136]. Позже он отмечал: «Мы не привыкли еще к критике, и лезть вполне заменяет нам критику» [5, с. 120].

Знакомство с публикацией части дневников С. С. Дмитриева приводит к мысли о пропорциях неизменного и динамичного во взглядах ученого, т.к. это соотношение есть также органическая часть его этики. Неизменным на протяжении его долгой профессиональной жизни, как уже отмечалось, оставалась строгая критичность взгляда, негативное восприятие влияния на развитие исторической науки политической конъюнктуры и моноидеологии. В середине 1950-х гг. он писал в дневнике: «Наука, литература, искусство, философия – все пошло на службу политике». И далее: «Признанием марксизма наукой мы упразднили всю науку» [5, с. 118, 120]. С позиций этоса ученого символично звучит «мы». Автор не отрекается от эпохи и берет на себя всю тяжесть ответственности, как истинный христианин, не изменивший великому предназначению религии. По мнению Сергея Сергеевича, уничтожение религии есть уничтожение морали. Более того, ученый убежден, что несовместимость религии и науки – миф, опровергнутый жизнью. Однако он признает, что и ему приходится идти на компромисс с нормами и установками власть предержащих [5, с. 120, 129].

Одновременно по сравнению с 1950-и – 1960-и годами мы находим новые подходы к пониманию науки вообще и исторической науки, в

частности. Он до конца жизни признавал вершиной профессионального исторического мышления историописание С. М. Соловьева, у которого «такие «факты» и столько их собрано, что из них проступает Слово-Логос», как записано в первых числах 1989 года [12, с. 154]. В то же время «факты» впервые взяты автором дневника в кавычки, что свидетельствует об изменении его точки зрения на историческую реконструкцию. Не случайно позже в августе 1990 г. он запишет: «*Наука не выше человека... Что есть наука? Сумма представлений, которые в данное время признаются научными...*» в данном определенном месте, пространстве на земном шаре... Наука – это не только сумма представлений, в данное время считавшихся наукой, но и определенная величина, *сумма опыта [курсив автора]*, опытов, которые подтверждали в глазах людей данного времени...» [12, с. 161].

Литература

1. Даманска Э. Философия истории после постмодернизма. М., 2010.
2. Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева // Отечественная история. 1999. № 3.
3. Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева // Отечественная история. 1999. № 4.
4. Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева // Отечественная история. 1999. № 5.
5. Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева // Отечественная история. 1999. № 6.
6. Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева // Отечественная история. 2000. № 1.
7. Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева // Отечественная история. 2000. № 2.
8. Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева // Отечественная история. 2000. № 3.
9. Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева // Отечественная история. 2000. № 4.
10. Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева // Отечественная история. 2000. № 5.
11. Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева // Отечественная история. 2000. № 6.
12. Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева // Отечественная история. 2001. № 1.
13. Рикёр П. История и истина. М., 2002.
14. Тош Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М., 2000.

Ю. А. КИСЕЛЁВА

ИСТОРИОГРАФИЯ И ЭТИКА (ХАРЬКОВСКИЕ СЮЖЕТЫ)

Резюме: В статье делается попытка проанализировать взаимосвязь историографии и этики на примере историографической рефлексии в Харьковском университете XIX – начала XX вв. Автор рассматривает роль рефлексивного знания в процессе самоидентификации исследователя, профессионально-этического выбора теоретико-методологических и мировоззренческих ориентиров.

Ключевые слова: историография, этика, рефлексия, научное сообщество, Харьковский университет.

Кісельова Ю. А. Історіографія та етика

Резюме: Дослідження є спробою проаналізувати взаємозв'язок історіографії та етики на прикладі історіографічної рефлексії в Харківському університеті XIX – початку XX ст. Автор розглядає роль рефлексивного знання в процесі самоідентифікації дослідника, професійно-етичного вибору теоретико-методологічних та світоглядних орієнтирів.

Ключові слова: історіографія, етика, рефлексія, наукове співтовариство, Харківський університет.

Kiseljova Ju. A. Historiography and ethics

Summary: This article analyses the relationship between ethics and historiographical reflection, using as a case study the historiographical thought at Kharkov University in the nineteenth – early twentieth century. The author examines role of reflexive knowledge. Specifically, she focuses on the process of a researcher's self-identification and on choosing methodological and ideological orientations.

Keywords: historiographical reflection, ethics, scholarly community, Kharkov University

Взаимосвязь историографии и этики имеет глубокие корни. Этические соображения, среди прочего, обуславливали первые рефлексивные опыты историков, подталкивая их к соотношению результатов своего исследования с выводами предшественников, определению собственного вклада в разработку проблемы, постулированию преемственности научных традиций и т.д. И позже, по мере концептуализации рефлексивного знания, этика сохраняла

© Киселёва Ю. А.

свое значение как фактор развития историографии. Данное утверждение, на первый взгляд, не нуждается в доказательствах. Однако долгое время науку принципиально отделяли от «ценностного знания». К тому же вопрос о природе взаимоотношений этики и историографии является явно недостаточно изученным. Широко распространен взгляд, отводящий этике инструментальную, вспомогательную роль в процессе развития историографического знания, в этом случае идет речь о неких этических регулятивах, корректирующих процедуры историографического анализа и стандартизирующих рефлексивную деятельность. На наш же взгляд, взаимоотношения этики и историографии и глубже, и сложнее. Историографическая рефлексия по своей сущности имеет ярко выраженный этический характер. Об этом, на наш взгляд, в частности, свидетельствует процесс осознания российскими учеными XIX в. профессионально-этического характера историографического знания, который сопровождал развитие историографии как отдельной области знания.

Целью данного исследования является попытка провести такой анализ на примере историографической рефлексии, имевшей место в Харьковском университете, длительность формирования и развития академической культуры в котором позволяет глубже рассмотреть исследуемую проблему.

Истоки взаимоотношения этики и историографии стоит искать уже в первоначальных представлениях о сущности профессиональной деятельности университетского ученого. В начальный период становления российской системы университетского образования и науки способность к рефлексии стала восприниматься как основное качество профессиональной пригодности университетского преподавателя. Такой ее статус формально был закреплён в научно-аттестационных документах первой половины XIX в. Постепенно в среде российских ученых сформировалось убеждение о широких познавательных возможностях рефлексивного знания. Подобные мнения высказывали в том числе и ведущие ученые Харьковского университета [16, с. 258]. В известном смысле подытожил такие мнения академик К. М. Бер в публичной речи «Взгляд на развитие наук». Признавая, что «изменения в способе мышления» являются мощным стимулом развития наук, он провозгласил «критику» главным достижением всех наук того времени. При этом под «критикой» он подразумевал рефлексии, предметом которой

являлись вопросы об основах научного познания и критериях истинности [3, с. 203]. По мнению К. М. Бера, «критика» свидетельствовала о «способности к научной работе», и, не случайно, что при выборе нового академика, он считал, было важно не столько определить «много ли вмещает он в уме своем познаний, а, прежде всего, сделал ли он сам какое-либо основательное критическое разыскание» [3, с. 215].

С другой стороны, формирование профессиональной культуры российских ученых опиралось на уже разработанные западной наукой представления об этической составляющей ученой деятельности. Такие представления распространялись в российском интеллектуальном пространстве как посредством знакомства с философскими произведениями западных ученых, так и благодаря приглашенным иностранным профессорам, которые воплощали известные им профессионально-этические идеалы в своей научно-преподавательской деятельности, а также стремились ознакомить с ними широкую местную общественность в ходе своих публичных выступлений.

Действительно, осознание тесного переплетения профессиональных и нравственных качеств ученого было характерно для мировоззрения интеллектуалов того времени. Основой этим убеждениям служили идеи, выработанные немецким идеализмом. Так, И. Г. Фихте в своем цикле лекций «О назначении ученых» указывал, что именно высокое нравственное чувство давало право ученому быть воспитателем и учителем человечества [21, с. 54-56]. Не случайно, харьковский профессор И. Е. Шад, которого называют учеником Фихте, считал стремление к «истине и добродетели» проявлением человеческой духовной природы, которое обеспечивало достижение «верховой цели человека» и его счастья [24, с. 41, 46]. В речи на открытии Киевского университета Св. Владимира воспитанник и профессор Харьковского университета В. Ф. Цых высказал убеждение, что нравственное влияние на общество истинного ученого, для которого научный труд является «призванием свыше», является даже более важным, чем практические результаты его научной деятельности [23, с. 94].

Рефлексивное знание также соотносилось с нравственными качествами ученого. Например, харьковский профессор Л. Умляуф рассматривал отказ от изучения «предшествующих открытий» в науке как проявление высокомерия [25, с. 16] и считал нужным посвятить критике этого порока, замедляющего прогрессивное

движение наук и препятствующего творческой реализации ученого, специальную актовую речь.

Однако качественно новый уровень осознания харьковскими учеными взаимосвязи рефлексии и этики можно зафиксировать в 1830-40-х гг. Дело в том, что в данное время рефлексия начинает тесно переплетаться с задачами самоидентификации. Этические соображения подталкивают ученого соотносить принципы и результаты своей деятельности с методологическими ценностями определенного научного сообщества, постулировать свою исследовательскую позицию в соответствии с позицией данного сообщества. Иногда это сообщество имело «идеальный» характер и речь шла не о заимствовании теоретико-методологических принципов, а скорее о выработке «идеальных» оценочных критериев историографических исследований.

Уже упомянутый преподаватель кафедры всеобщей истории Харьковского университета В. Ф. Цых в своей теоретико-историографической диссертации попытался обозначить черты подобного «идеального» научного сообщества, представителей которого, по его мнению, должно объединять осознание нового образа исторической науки и соответствующего ему нового способа преподавания исторических дисциплин [22, с. 106]. При этом В. Ф. Цых, несмотря на то, что главное задание его диссертации было сосредоточено на проблеме методики преподавания, считал необходимым предоставить собственное понимание новой стадии развития науки, пытаясь очертить предметное поле, исследовательские задачи исторической науки, намечая пути развития исторического знания и выделяя моменты и причины его качественного роста [11, с. 278-279]. Таким образом, он фактически подводил к мысли о том, что только путем осуществления рефлексии исследователь сможет войти в новое научное сообщество. Осознание задач и методологических принципов современных исторических исследований давали возможность В. Ф. Цыху занять независимую позицию как по отношению к российскому интеллектуальному сообществу, замечая, что «у нас в России едва имеются только понятия о преобразовании истории, едва только носят слухи о новом развитии науки» [22, с. 105], так по отношению к признанным авторитетам западной исторической науки. Однако при этом ученый обладал ясным представлением об этической стороне историографических воззрений, о чем свидетельствует одно из его писем к М. П. Погодину, написанное

еще во время работы В. Ф. Цыха в Харькове. В письме к коллеге и другу он позволил себе уничижительную критику классиков зарубежной науки. Сравнивая их сочинения с идеалом исторического произведения – «общим философско-историческим творением, которое бы обнимало всеобщую внутреннюю жизнь народов и было бы расположено по одной общей идее» [2, с. 194], автор письма находил недостатки у всех без исключения современных ему историков. Одним историкам он вменял в вину отсутствие системы и философского взгляда (Ф. Гизо, А. Геерен, В. Робертсон) [2, с. 194], других обвинял в отсутствии общей идеи или системы (Г. Галлам, И. Гердер) [2, с. 195], третьих уличал в плагиате (Ж. Мишле) [2, с. 195]. При этом В. Ф. Цых не сдерживается в определениях. Например, «Историю Европейских государств» А. Герена и Ф. Укерта называл «отвратительной и несносной». Однако в конце письма автор, понимая всю резкость оценок, посчитал нужным просить прощения у адресата, если тот в его письме *«обнаружил невежество в дерзком суждении об историках»* и просил никому не показывать это письмо, замечая, что «в публику не выехал бы столь смело» [2, с. 195-196]. Таким образом, осознание этического характера рефлексии препятствовало возможности играть ей деструктивную роль. Этические представления заставляли соотносить «идеальные» представления с реальным научным сообществом и его задачами. Тем более, что сама переписка возникла по поводу вполне конкретной идеи М. П. Погодина об издании переводов иностранных исторических книг.

Осознание тесной взаимосвязи профессиональных и этических качеств университетского профессора было присуще и приемнику В. Ф. Цыха по кафедре всемирной истории М. М. Лунину. Из всех профессоров-историков Харьковского университета первой половины XIX века он оказал наибольшее влияние на становление профессиональной составляющей профессорской культуры в данном университете. Благодаря этому он вошел в историю университета как деятель, воплотивший в себе идеал профессора и ученого [5, с. 321]. М. М. Лунин, воспитанник Дерптского университета, прошедший обучение в Профессорском институте и заграничную стажировку, приехал в Харьковский университет уже сложившимся ученым, который в своей деятельности пытался руководствоваться системой профессиональных убеждений, опирающейся на строгие профессиональные требования и высокие моральные стандарты

поведения. Современники называли его «ученым-немцем» [6, с. 286], осознавая, что профессор в своей деятельности воплощал идеалы того научного сообщества, которое оказало на него воздействие в период его профессионального становления.

Воспоминания свидетельствуют, что М. М. Лунин влиял своими высокими нравственными качествами на студентов, которые отвечали ему взаимностью в искренней любви к науке¹. При этом именно критический способ преподавания профессор считал лучшим способом обучения [17, л. 13], а способность к рефлексии главным качеством профессионального историка. Однако, приучая студентов к мысли о том, что «правовереие в умственном мире есть самая пагубная вещь», преподаватель одновременно старался основать рефлексии на идее этического самоконтроля, призывая студентов относиться критически, прежде всего, к его собственным идеям [17, л. 13]².

М. М. Лунин стремился «подтянуть» также и академическую среду Харьковского университета, «зараженную язвой пансионерства», до высоты собственного сознания профессионального назначения университетского преподавателя. Будучи человеком прямолинейным, он часто вступал в конфликт со своими коллегами. Особенно доставалось П. П. Гулаку-Артемовскому [13, с. 191], профессору кафедры российской истории, который покровительствовал такого рода недостойным явлениям университетской жизни, даже занимая пост ректора университета. Сохранились интересные воспоминания М. Ф. Де-Пуле, свидетеля одной стычки, между М. М. Луниным и П. П. Гулаком-Артемовским, которая имела историографическую подоснову. Вот, что он пишет:

¹ По признанию Н. И. Костомарова он стал историком благодаря влиянию М. М. Лунина. – См. Костомаров Н. И. Студенчество и юность. Первая литературная деятельность // Харківський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців. – Т. 1. – Х., 2008. – С. 180.

² Подобный метод преподавания использовал и И. И. Срезневский, работавший одновременно с М. М. Луниным на историко-филологическом факультете Харьковского университета. На своих лекциях он призывал студентов в интересах выработки навыка научной работы «судить его строго», поясняя: «пусть каждый из нас будет возвышать ученую требовательность в себе и вокруг себя для пользы общей». См.: Срезневский, В. И. Краткий очерк жизни и деятельности И. И. Срезневского // Памяти И. И. Срезневского. – Кн. 1. – Пг. 1916. – С. 34.

««Я бы вам, г. Артемовский – не стеснясь, говаривал Лунин в совете, – рекомендовал серьезнее заняться своим предметом: обратиться к летописям, изучать Карамзина и самого Полевого, которого вы только браните»... – «Нет уж, г. Лунин, – восклицал выведенный из себя маститый магистр, – Полевого возьмите себе, отдаю его вам обеими руками!»... – «Помилуйте, – продолжал беспощадный Лунин, – разве это наука, все ваши лекции!...»» [6, с. 287]. К слову заметим, что П. П. Гулак-Артемовский как преподаватель уделял много внимания источниковедческо-историографическому введению в курсе российской истории [10, с. 115-122]. Однако, некоторые историографические явления современной ему науки, а особенно попытки пошатнуть авторитет Н. М. Карамзина вызывали у него резко отрицательные, переходящие в разряд ненаучных, оценки. Например, Н. А. Полевого он даже на лекциях называл «купцом и пошлецом» [6, с. 280].

Этот чрезвычайно колоритный эпизод из жизни университета наглядно демонстрирует, что рефлексия обладала этическим потенциалом как в глазах М. М. Лунина, так и его окружения. Осознание своей принадлежности к более развитому в профессиональном отношении научному сообществу заставляло профессора пытаться поднять профессиональный и нравственный уровень сообщества, в котором ему пришлось работать. Вопрос о том, насколько ему это удалось, остается открытым. Хотя можно говорить с некоторой долей уверенности, что он оказал определенное влияние на становление молодого поколения университетских ученых (Н. И. Костомаров, И. И. Срезневский, А. П. Рославский-Петровский), которые сформировали под влиянием М. М. Лунина собственные представления о значении историографического знания.

Если в первой половине XIX в. осознание профессионально-этического характера рефлексивного знания было присуще лишь отдельным представителям Харьковского университета, то уже во второй половине XIX в. можно говорить о том, что данное убеждение стало характерным для всего университетского сообщества гуманитариев.

Наглядно это положение может проиллюстрировать полемика вокруг диссертации Г. Карпова «Критический обзор разработки главных русских источников, до истории Малороссии относящихся за время: 8-е января 1654 – 30-го мая 1672 года», которую он написал, будучи профессором российской истории Харьковского

университета. Несмотря на задекларированный в названии источниковедческий характер работы, по сути, наряду с описанием материалов по истории Малороссии, хранившихся в центральных архивах, Карпов ставил цель проанализировать использование источников и их интерпретации в работах Д. Н. Бантыша-Каменского, Н. А. Маркевича и Н. И. Костомарова. Сам исследователь, уже в ходе полемики, которая завязалась с Н. И. Костомаровым после издания его монографии, более четко обозначил главную цель своей диссертации «не только говорить про источники, но осознать характер целого направления, которое существует в нашей исторической литературе» [9, с. 4].

Перепроверяя ссылки на источники, рассматривая источниковую базу исследований своих предшественников, Г. Ф. Карпову удалось сделать много справедливых замечаний своим коллегам по цеху. Например, он отметил, что Н. А. Маркевич зачастую указывал в работе источники, которые не видел лично, а заимствовал их из сочинения Д. Н. Бантыша-Каменского [8, с. 34]. Обратил внимание он и на избирательность использования и издания источников Н. И. Костомаровым. При этом Г. Ф. Карпов считал указываемые недостатки грубыми нарушениями профессиональных норм исследования, замечая, что Н. А. Маркевич не использовал материалы архивов «при полном сознании обязанностей историка, при всех воплях о правде и истине» [8, с. 34], работу издателей Архива Южной и Западной Руси Карпов оценивал, сравнивая ее с уже устоявшимися правилами проведения археографической работы [8, с. 142].

Несмотря на справедливые замечания, историографический анализ Г. Ф. Карпова, хотя и был новаторским по своим задачам и формам, не привел к плодотворной дискуссии, но вызвал нежелательную для автора реакцию со стороны научного сообщества. Причиной этому была неумеренность критики, резкие нападки на сочинения исследователей истории Украины, а особенно на сочинения Н. И. Костомарова (например, Г. Ф. Карпов считал, что избирательное отношение Костомарова к источникам свидетельствовало о том, что в своих исторических сочинениях он «мог писать все что угодно... одним словом сочинять историю так же как и автор «Истории Русов»» [8, с. 128]). По мнению К. Н. Бестужева-Рюмина, автора рецензии на сочинения Г. Ф. Карпова, подобные оценки поражали неприятною резкостью тона «даже лиц привыкших к приемам современной полемики» и «не

должны были иметь место в отношении ученого столь известного как Костомаров». Выводы же автора диссертации относительно издания источников по истории Украины и вовсе «кидали тень на целое учреждение – Археографическую комиссию» [4, с. 323].

В результате Н. И. Костомаров расценил выводы своего критика как «причіпки» [12, с. 9], а К. Н. Бестужев-Рюмин считал, что историографические взгляды Карпова, отличающиеся «резкостью своих выражений и страстностью своей полемики», выводили дискуссию «из сферы науки в жгучую среду, не всегда научной полемики» [4, с. 321]. Несмотря на успешную защиту диссертации в Москве, ученая коллегия Харьковского университета не считала возможным продолжение работы Г. Ф. Карпова в университете. В 1871 г. Совет историко-филологического факультета, а затем и Совет Харьковского университета забаллотировал его кандидатуру на должность профессора кафедры российской истории [19, с. 286, 20]. Да и сам Г. Ф. Карпов объяснял свое «изгнание» из Харьковского университета полемикой с Н. И. Костомаровым [18, Л. 1]¹.

Таким образом, позиция Г. Ф. Карпова, которой он придерживался в диссертации, была осуждена коллегами по цеху. Такой результат, на наш взгляд, был обусловлен не неприкосновенностью авторитета Н. И. Костомарова или его приверженностью к другой (национальной) точке зрения, но решающим здесь оказалось осознанное игнорирование автором этической составляющей рефлексивного знания. Г. Ф. Карпов, будучи воспитанником научной школы С. М. Соловьева и осуществив историографический анализ с позиций данной школы (современный исследователь В. В. Кравченко называет эти позиции «великодержавными» [15, с. 107]), в то же время своими непримиримыми выводами продемонстрировал пренебрежительное

¹ Позиция автора диссертации была подвергнута критике и современными исследователями. Так, В. В. Кравченко, высоко оценивая значение работы Г. Ф. Карпова, которая вывела украинскую историографию на монографический уровень, и, подчеркивая обоснованность его выводов относительно такого историографического явления, как «История Русів», в то же время замечает, что выводы и наблюдения автора в значительной мере обесценивались тенденциозностью его позиции, которая выводила его исследование за границы научной объективности. – См. Кравченко В. В. Нариси з української історіографії епохи національного відродження (друга половина XVIII – середина XIX ст.). – Х. . 1996. – С. 103, 107.

отношение к научному сообществу, в том числе и научному сообществу историков Харьковского университета. Подобная установка привела к тому, что результатом рефлексии стало не указание пути к усовершенствованию, а скорее навешивание ярлыков и вынесение приговоров, поэтому историографический анализ, проведенный Г. Ф. Карповым воспринимался как не имеющий «научного характера».

Осознание профессионально-этической роли историографического знания дало возможность в конце XIX в. появиться целой плеяде ученых, для которых историография стала устойчивой областью научного интереса с их первых шагов на научном поприще. Если еще в 1850-х гг. И. Е. Забелину пришлось посвятить специальную статью защите молодых ученых от обвинений журнальных рецензентов, усматривающих в их критических опытах «неэтические мотивы» (желание ниспровергнуть авторитеты для возвышения значения собственных работ) [7, с. 460], то, уже в 1880-х гг. для молодых историков Харьковского университета Д. И. Багалея и В. П. Бузескула написание рецензий на классиков исторической науки стало не только приемлемым, но и престижным¹.

Обращение к этической составляющей историографического знания со всей остротой было актуализировано в эпоху коренных перемен теоретико-методологических принципов исторического исследования в 1920-х гг. Причем в эту эпоху речь шла не о методологическом «перевороте», но скорее о коренной ломке социально-когнитивной системы науки, резком отказе от старых

¹ Например, В. П. Бузескул спустя несколько лет после окончания университета «позволил себе» выступить с рецензиями на труды корифеев немецкой исторической науки Л. Ранке, Ф. К. Вегеле, а в рецензии на работу своего университетского учителя В. К. Надлера указать, что принятая им точка зрения (провиденциализм) не может быть допущена в строго-историческом научном труде. См. – Бузескул В. П. Всемирная история Ранке // ЖМНП. – 1885. – № 8. – С. 232-246. – Рец. на кн.: Ranke L. Weltgeschichte. – Leipzig. – 1883–1884. Bd.1-5.; Бузескул В. П. Немецкая историография // ЖМНП. – 1886. – № 5. – С. 150-153. – Рец. на кн.: Wegele F. X. Geschichte der deutschen Historiographie seit dem Auftreten des Humanismus. – Munchen und Leipzig, 1885. – Bd. 1-5. – 1081 s.; Бузескул В. П. Леопольд Ранке (1795–1886) // ЖМНП. – 1886. – № 7. – С. 50-61; Бузескул В. П. [Рецензия] // ЖМНП. – 1887. – № 5. – С. 162-168. – Рец. на кн.: Надлер В. К. Император Александр I и идея Священного союза. – Х., 1886–1888.

традиций и отмежевании от «старых» научных сообществ. В данном случае интересной представляется дискуссия между Д. И. Багалеем и ведущим историком-марксистом 1920-х гг. М. И. Яворским [1]. В полемике, которая началась по поводу написания новейшей истории Украины с позиций марксистской методологии, объявивший себя марксистом Д. И. Багалея пытался защитить свое право выражать собственное видение истории Украины, основанное не только на идеологических постулатах, но и на достижениях дореволюционной науки [14, с. 37]. При этом этические соображения заставляли Д. И. Багалея постулировать себя представителем и защитником «старого» дореволюционного научного сообщества исследователей истории Украины, а убеждение в этическом характере историографического знания, позволяло рассматривать его как инструмент для восстановления преемственности между «старым» и «новым» сообществом историков-марксистов, и как средство для их сближения на почве идеи методологического взаимообогащения. Д. И. Багалея шаг за шагом показывал на какие результаты дореволюционной науки опирался в своих выводах М. И. Яворский, доказывая научную необходимость уважительного отношения к украинской историографии предшествующей эпохи и дифференцированного подхода к ее отдельным представителям. Хотя полемика, по всей видимости, была неприятна ученому, однако он считал важным ее продолжать, ставя цель добиться от своего оппонента признания важности этического характера историографического знания. При этом Д. И. Багалея обратил внимание и на стиль ведения дискуссии. В способе критики нового поколения историков он видел «великую небезопасность для научной sprawy» и подверг сомнению возможность вульгарной по форме критики стать основой для усовершенствования методологии [1 (1924. №6), с. 150].

Таким образом, вектор развития отношений историографии и этики на протяжении всего существования дореволюционной университетской науки вел к осознанному признанию этической природы историографического знания. Данное осознание проявилось не сразу и стало возможно только в период обретения историографией определенной степени зрелости. Именно в условиях выхода рефлексии на теоретический уровень, этические соображения стали ориентировать исследователей соединять рефлексии с процедурами самоидентификации с определенным научным сообществом. При этом, с одной стороны, рефлексия обуславливала процессы

идентификации, а с другой стороны, идентификация поднимала саму рефлексию на принципиально новый уровень, предоставляя критерии для оценки историографических явлений и задавая цели историографического анализа.

Как правило, ученые старались соотносить свою деятельность с нормами более профессиональных, по их мнению, научных сообществ. Образовавшийся часто «зазор» между «идеальными» и «реальными» научными сообществами регулировался также с помощью этических представлений, которые давали возможность «оправдать» или «объяснить» (реже «не принять») то или иное положение дел. Фактически рефлексия стала механизмом «оценивания», она актуализировала момент выбора исследователя, причем выбора не только теоретико-методологических, но и мировоззренческих ориентиров. Осознание этического характера историографического знания, приобретая значение общеобязательного фундаментального убеждения, стало играть важную функцию организационного принципа сообщества историографов, а также определять вектор развития научных сообществ в целом.

Литература

1. Багалій Д. Перша спроба начерку історії України на тлі історичного матеріалізму // Червоний шлях. 1923. № 9; Яворський М. Деяко про «критичну» критику, про «об'єктивну» історію та ще й про бабусину спідницю // Червоний шлях. 1924. № 3; Багалій Д. З приводу антикритики проф. М. І. Яворського // Червоний шлях. 1924. № 6.
2. Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 4. СПб, 1891.
3. Бер К. М. Взгляд на развитие наук // ЖМНП. 1836. № 5.
4. Бестужев-Рюмин К. Н. [Рецензия] // ЖМНП. 1874. № 12. Рец. на кн.: Карпов Г. Ф. Критический обзор разработки главных русских источников, до истории Малороссии относящихся за время: 8-е января 1654 – 30-го мая 1672 года. – Х., 1870.
5. Бузескул В. П. Профессор М. М. Луин (1806–1844) – «Харьковский Грановский» // ЖМНП. 1905. № 2.
6. Де-Пуле М. Ф. Харьковский университет и Д. И. Каченовский: культурный очерк и воспоминания из [18]40-х годов // Харківський університет ХІХ – початку ХХ століття у спогадах його професорів та вихованців. Т. 1. Х., 2008.
7. Забелин И. Е. Фельетонизм в критике // Опыты изучения русских древностей и историй: исследования, описания и критические статьи. Т. 1. М., 1872.

8. *Карпов Г. Ф.* Критический обзор разработки главных русских источников, до истории Малороссии относящихся за время: 8-е января 1654 – 30-го мая 1672 года. Х., 1870.
9. *Карпов Г. Ф.* Костомаров как историк Малороссии. М., 1871.
10. *Киселева Ю. А.* Новации П. П. Гулака-Артемовского в ходе преподавания курса российской истории в Харьковском университете // Проблемы славяноведения. Брянск, 2011. Вып. 13.
11. *Кісельова Ю. А.* Історіографічна проблематика у наукових працях В. Ф. Циха // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. Х., 2009. Вип. 12.
12. *Костомаров Н. И.* Ответ г. Карпову // Беседа. 1871. № 1.
13. *Костомаров Н. И.* Студенчество и юность. Первая литературная деятельность // Харківський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців. Т. 1. Х., 2008.
14. *Кравченко В. В.* Д. І. Багалій в світлі й тіні своєї «Автобіографії». Передмова // Д. І. Багалій. Вибрані праці. Т. 1. Х., 1999.
15. *Кравченко В. В.* Нариси з української історіографії епохи національного Відродження (друга половина XVIII – середина XIX ст.). Х. 1996.
16. *Кронеберг И. Я.* О изучении словесности // ЖМНП. 1835. Ч. VIII.
17. Отдел дореволюционной литературы Новочеркасской библиотеки им. А. С. Пушкина. Ед. хр. 15442. История. 1835-1839. (материалы предоставлены А. С. Куликовой).
18. Отдел рукописей РНБ Ф. 568. Пекарський П. П. Оп. 1. Ед. хрн. 248. Г. Ф. Карпов. Письмо к П. П. Пекарському. 18.04.1871. Л. 1 об.
19. Протоколы заседаний Совета императорского Харьковского университета. Х., 1871. № 1.
20. *Рославский-Петровский А.* Известия о кончине проф. Лунина // Москвитин. 1844. № 11-12.
21. *Фихте И. Г.* О назначении ученых // Телескоп. 1835. Ч. 29.
22. *Цых В. Ф.* Решение вопроса: по причине беспрестанного умножения массы исторических сведений и распространения объема истории, не оказывается ли нужным изменить обыкновенный способ преподавания сей науки и какой он должен быть именно, как вообще, так и особенно в университетах? Х., 1833.
23. *Цых В. Ф.* О цели и пользе высших учебных заведений // Записки и речи, читанные при открытии Императорского университета Св. Владимира. К., 1840.
24. *Шад И.* О верховной цели человечества // Речи, говоренные в торжественном собрании имп. Харьковского университета. Х., 1806.
25. *Umlauf L.* De arrogantia in literis // Речи, говоренные в торжественном собрании имп. Харьковского университета. Х., 1806.

И. Б. ОРЛОВ

ИСТОРИК СТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ НА «ФРОНТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ»

*«Итак, я – историк. И, следовательно, нахожусь сегодня не в самом комфортном положении. Ибо в наши дни любят историю и не жалуют историков»
(В. Б. Кобрин)*

Резюме: В статье поднимается актуальная и сегодня проблема профессионализма и этики историка в условиях авторитарного режима, крайним («тоталитарным») вариантом которого стал период сталинизма. Эпоха становления культа личности и массовых репрессий не могла не отразиться на положении исторической науки и состоянии профессионального сообщества историков. Конец 1920-х – 1930-е годы демонстрируют столкновение интересов различных групп историков, инициируемое и поощряемое властью. Результатом перманентных погромных кампаний и чисток, в которые вовлекались представители разных научных школ и политических группировок, стала утрата историческим цехом своей научной самостоятельности и традиций высокой профессиональной этики.

Ключевые слова: «старая школа», научность, марксистская историография, идеология, репрессии

Орлов И. Б. Историк сталінської епохи на «фронті історичної науки»

Резюме: У статті піднімається актуальна й сьогодні проблема професіоналізму та етики історика в умовах авторитарного режиму, крайнім («тоталітарним») варіантом якого став період сталінізму. Епоха становлення культу особи та масових репресій не могла не позначитися на становищі історичної науки і стані професійної спільноти істориків. Кінець 1920-х – 1930-ті роки демонструють зіткнення інтересів різних груп істориків, що ініціювалося та заохочувалося владою. Результатом перманентних погромних кампаній і чисток, до яких залучалися представники різних наукових шкіл і політичних угруповань, стала втрата історичним цехом своєї наукової самостійності та традицій високої професійної етики.

Ключові слова: «стара школа», науковість, марксистська історіографія, ідеологія, репресії

© Орлов И. Б.

Orlov I. The historian of the Stalin era to the "front of historical science".

Summary: The article raises an important and today the problem of professionalism and ethics of the historian in the conditions of the authoritarian regime, the extreme («totalitarian») option which was the period of stalinism. Epoch of formation of the personality cult and mass repressions could not but affect the situation of the historical science and the state of the professional community of historians. The end of the 1920-ies – 1930-ies demonstrate a clash of interests of various groups of historians, initiated and encouraged by the authorities. The price of permanent pogrom campaigns and purges, in which involved representatives of different scientific schools and political groups, was the loss of the historical Department of their scientific independence, and the highest professional ethics, and the disappearance of the concept of «school of history».

Key words: the «old school», scientific, marxist historiography, ideology, repression

Профессионалом быть трудно во все времена. Это требует не только усилий мысли, но и затрат душевных сил. Но особенно трудно быть профессионалом в эпоху тиранов, когда высшим критерием профессионализма становится способность «понять, принять и воплотить в жизнь» (И. В. Сталин) исходящие сверху директивы. Загнанные в прокрустово ложе политической конъюнктуры и идеологической догматики, ученые (особенно гуманитарии), вынуждены делать непростой выбор между «работой в стол» и приспособлением к «генеральной линии». Конечно, остается еще возможность твердого отстаивания своей позиции («все-таки она вертится»), но на это способны единицы. Далеко не каждому дано и умение излагать свои идеи «эзоповым языком», на расшифровке которого при диктаторских режимах тоже можно сделать карьеру. И, наконец, можно проявить «рептильную гибкость» в отношении критериев профессионализма.

Этика ученого, несомненно, зависит от исторической эпохи (к примеру, был период, когда нравственным считалось все, что способствовало революционному преобразованию мира) и властного режима, задающего принципы этичности и критерии профессионализма. Безусловно, следует упомянуть и правила самого научного сообщества. Все эти факторы находятся в неразрывном единстве, можно сказать, что этика придает профессионализму общественное звучание.

Не секрет, что советская историография представляла собой «тщательно отутюженную» множеством редакторов и бдящих

инстанций коллективную, выверенную и взвешенную мысль цеха о себе самом». При этом ее развитие отражало формирование канона, в котором «профессиональные постулаты и принципы были прочно сплавлены с набором руководящих и при этом весьма переменчивых идеологических догм» [7]. Правящая компартия не только формировала организационные структуры исторической науки и определяла ее кадровый состав, но и, самое главное, оценивала содержание исследовательских программ. В научную жизнь прочно вошла практика издания тезисов Агитпропа ЦК ВКП (б), в которых содержались обязательные для научной общественности оценки узловых исторических событий и процессов. Сюда же можно добавить «программные» выступления того или иного партийного лидера.

Эпоха раннего сталинизма стала временем, когда этика и профессионализм историка определялись, в первую очередь, задачами классовой борьбы, как внутри страны, так и за ее пределами. Соответственно, концепция борьбы классов, как движущей силы истории, проецировалась на интерпретацию русского исторического процесса. Книга М. Н. Покровского «Русская история в самом сжатом очерке», одобренная в свое время В. И. Лениным, до середины 1930-х гг. оставалась главным официальным пособием по русской истории.

Но в сталинском «политическом театре» разыгрывались разные сценарии формирования исторической памяти, подчас демонстрируя резкие (даже на 180 градусов) повороты властной политики в отношении исторической науки и ее отдельных представителей.

Сценарий первый: классовый подход против научности

*«В нашей науке специалисту – немарксисту грош цена»
(М. Н. Покровский)*

Именно «профессор с пикой» (по определению А. А. Чернобаева) возглавил «крестовый поход» против остатков дореволюционной исторической школы. Лозунгом этого «похода» могут служить слова самого Покровского, что «другой исторической науки, как науки вне марксизма, не существует» [15, с. 330]. Коммунистическому режиму требовались историки, для которых «политическая целесообразность» была критерием более значимым, нежели «историческая правда». Это вело к

формированию определенного типа историка («бойца партии»), воспринимавшего партийное руководство как нечто естественное.

У истоков этой традиции стоял Покровский, немало сделавший для того, чтобы из исторической науки и из страны были удалены все те, для которых интересы науки оказывались ценнее очередных партийных установок. Еще в 1927 г. он написал не подлежавшую тогда оглашению записку, обосновывавшую необходимость реорганизовать систему руководства Академии наук, лишив ее автономии. Руководитель советской исторической науки рассматривал идеологию как «кривое зеркало», в котором отражаются классовые интересы историков, а историю – как «политику, опрокинутую в прошлое» [16, с. 5-6]. «Школа Покровского»,¹ имевшая скорее общественно-политическое, нежели научное содержание, обладала характерными для советской исторической науки чертами: претензией на обладание истиной, идейной монополией и линейным пониманием общественного прогресса. Именно Покровский – в большей степени популяризатор и интерпретатор, нежели исследователь, оказался в нужное время в нужном месте – официальным лидером советской исторической науки [12].

Формирование режима «культа личности» требовало от историков почти религиозного догматизма («верую, ибо нелепо»), а ощущение «вражеского окружения» – стойкости в отстаивании «идеологической чистоты» исторических построений. Но слуга идеологии неизбежно перестает быть ученым, а объектом его нападок становятся историки, «не дозревшие» для понимания «марксистских истин» и обслуживавшие до революции «практические потребности буржуазии» [18, с. 216]. Одним из методов дискредитации историков «старой школы» становится

¹ Понятие «школа Покровского» впервые и сразу в негативном ключе появилось в постановлении Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) 26 января 1936 г. «Об учебниках по истории», где осуждались ошибочные исторические взгляды, свойственные «так называемой исторической школе Покровского» [19]. Это, конечно, была не научная дефиниция, а броский ярлык, удобный для очередной политической кампании [см., например, 8]. В более широком смысле слова под «школой Покровского» после Сталина подразумевали большую группу историков-марксистов, занимавших в середине 1930-х гг. руководящее положение в советской исторической науке.

навешивание ярлыков на наиболее ярких ее представителей¹. Из ощущения собственной исторической правоты вырастала уверенность «красных профессоров» в необходимости применения к историкам-немарксистам методов, «более сильных, чем разъяснение и убеждение» [4, с. 21]. За словом, последовало и дело. Марксизм в историческую среду стали внедрять принудительно, в том числе с помощью ОГПУ.

Ключевым для отечественной историографии стал конец двадцатых годов, когда курс на монополизацию исторической науки марксистским направлением вступил в стадию практического осуществления. 1928 год стал последним «выездным» для историков «старой школы», а в апреле 1929 г. на пленуме Коммунистической академии Покровский призвал «положить конец ... мирному сотрудничеству марксистов с учеными, далекими от марксизма или даже вредными марксизму», и «начать решительное наступление на всех фронтах научной работы, создавая свою собственную марксистскую науку» [цит. по: 13, с. 193].

Диспут о книге Д. М. Петрушевского² «Очерки из экономической истории средневековой Европы» (1928 г.), критика научного творчества Е. В. Тарле, торжественное чествование в связи с юбилеем М. Н. Покровского, Всесоюзная конференция историков-марксистов стали прологом «академического дела» и «перетряхивания» научных кадров, «вождизма» в науке и догматизации ее теоретико-методологических основ. Летом 1929 г. была развернута кадровая «чистка» Академии наук, сопровождавшаяся массовыми увольнениями ее сотрудников, а осенью начались аресты ученых в рамках сфабрикованного ОГПУ «академического дела», по которому проходило 115 чел. [1; 11, с. 39].

Несмотря на относительно «мягкие» итоги репрессивной кампании³, основная часть «старой» профессуры была психологически, морально и физически надломлена. Многим так и не удалось вернуться к активной научной и педагогической деятельности.

¹ См.: например, обвинения С. А. Пионтковским В. О. Ключевского в великорусском шовинизме [14, с. 160]. В свою очередь, Покровский, подводя итоги I Всесоюзной конференции историков-марксистов, говорил о «запахе тлена», идущем от остатков школы Ключевского.

² В 1930-е гг. Петрушевский стал «изгоем от науки», но репрессирован не был.

³ Непосредственные руководители и организаторы «заговора» (С. Ф. Платонов, Ю. В. Готье, Е. В. Тарле, М. К. Любавский и др.) решением коллегии ОГПУ от 8 августа 1931 г. были отправлены в ссылку.

Волна арестов сопровождалась инсценированной травлей репрессируемых историков, в которой ведущую роль играла «красная профессура», составлявшая костяк Общества историков-марксистов. Именно ее силами в конце 1930 г. – начале 1931 г. в Москве и Ленинграде были организованы несколько собраний «исторической общественности», подвергших публичному ostracism опальных историков. В своих выступлениях участники заседаний ставили себе целью «разоблачение целого ряда буржуазно-исторических концепций, особенно концепций тех историков, которые оказались связанными с контрреволюционными и вредительскими организациями» [см. 3;9].

Погром среди «буржуазных историков», пополнивших тюремные камеры и лагеря или просто отлученных от любимого дела, с ликованием принимали историки-марксисты, призывавшие рассматривать каждого немарксиста «антимарксистом» и, в силу этого, «потенциальным вредителем» [21, с. 165]. Были среди нового пополнения историков-марксистов и те, кто каялся в недостаточном рвении в разоблачении представителей «старой школы». В частности, медиовист Н. Н. Розенталь по итогам знаменитого погромного собрания в Институте истории ленинградского отделения Комакадемии в январе 1931 г. сетовал, что недостаточно обличал академика Тарле, так как «еще не до конца изжил в себе старого интеллигента, я еще не коммунист *de facto*, но, думаю, скоро стану им» [цит. по: 6, с. 91].

Причем, если в Ленинграде изобличали, в основном, арестованных академиков Платонова и Тарле, то в Москве «разоблачению», наряду с Тарле, подверглись представители «русской школы» истории Запада (Н. И. Кареев, В. П. Бузескул, Р. Ю. Виппер и Д. М. Петрушевский), против которых репрессивные органы никаких обвинений не выдвигали [см.: 24, с. 199-250]. Избежал ареста и С. Б. Веселовский, бывший в натянутых отношениях с С. Ф. Платоновым. Хотя и он лишился постоянной работы, а книги его не печатались в первой половине тридцатых годов.

Арест большинства представителей «старой исторической науки» привел к подавлению остатков научной свободы в учреждениях Академии наук и захвату основных позиций представителями историко-партийного направления. Исчез сам принцип существования «школ» в историческом сообществе в прежнем их понимании. Историкам оставалось только распределиться по проблемно-хронологическому принципу и

сгруппироваться вокруг наиболее влиятельных фигур в исторической науке. Теперь, когда «внешний враг» на историческом фронте был повержен, наступила очередь «врага внутреннего», зараженного народнической идеологией и не до конца проникшегося марксизмом.

Сценарий второй: битва за «марксичность»

«Цитаты ... были верным защитным оружием» (А. А. Зимин)

М. Н. Покровский откровенно раскрыл смысл многочисленных дискуссий в среде историков-марксистов необходимостью нанесения ударов по «нейтральным» историкам, пытавшимся остаться в стороне от развернувшейся «битвы» за «марксичность» советской исторической науки [17, с. 18-19]. Среди «очевидных» признаков «марксичности» наибольшее значение приобретали специфическая терминология и соответствие цитатам классиков («власть слов», по определению А. И. Неусыхина). В частности, выступая с критикой некоторых положений книги Д. М. Петрушевского, ряд историков-марксистов отмечали их несоответствие высказываниям Маркса и Энгельса. Параллельно развернулся спор по поводу наиболее точного цитирования слов Энгельса между Е. А. Косминским и П. И. Кушнером. Важным критерием определения соответствия марксизму исторических исследований стало использование понятий «класс» и «классовая борьба». К примеру, один из ближайших молодых сотрудников Покровского Г. С. Фридлянд (Ц. Фридлянд) для доказательства «немарксичности» работы Петрушевского попытался подсчитать число использованных автором этих понятий.

Верность тех или иных суждений марксизму проверялась не только соотношением с цитатами классиков, но и сравнением со взглядами выявленных «врагов» марксизма. Именно такой подход в отношении Ю. М. Стеклова проявился в дискуссии 1928 г. о Н. Г. Чернышевском, тон которой задавал Покровский. В тезисах Отдела культуры и пропаганды ЦК ВКП(б), посвященных дискуссии 1929 г. о «Народной воле»¹ народоволючество характеризовалось как революционно-демократическое течение, а

¹ Автором тезисов был ответственный секретарь Общества историков-марксистов и журнала «Историк-марксист», ученик Покровского И. Л. Татаров (Каган).

все другие мнения причислялись к «правому уклону». Политика и идеология все больше брали верх над научностью.

В конце мая 1929 г. по поручению коммунистической фракции Общества историков-марксистов секретарь фракции П. О. Горин направил в Секретариат ЦК партии и лично Л. М. Кагановичу письмо (больше напоминавшее донос) в связи с кандидатурой украинского историка М. И. Яворского в члены Комакадемии. Историческая концепция Яворского расценивалась Гориным как попытка «приспособления к ленинской схеме национально-демократической революции схемы Винниченко». Если «зависимость» концепции историка от украинских националистов Горин был склонен квалифицировать как «односторонность» и «ошибку», то изображение революции 1905 г. на Украине Горин считал «прямой фальсификацией истории». Показательно, что в качестве доказательства своих обвинений он апеллировал к «азбуке ленинизма» по вопросу гегемонии пролетариата в революции 1905-1907 гг. А за этими оценками следовал вопрос о возможности пребывания Яворского «в рядах членов, какого бы то ни было уважающего себя марксистско-ленинского учреждения» [22. Оп. 85. Д. 368. Л. 1-7]. Уже находясь на Соловках, Яворский в заявлении в Центральную аттестационную комиссию ГУЛАГ НКВД СССР 30 июня 1936 г. писал, что не собирается себя «перековывать» и не желает «обогащать гениального, любимого, родного вождя всех народов». Он предпочитал смерть жизни «хамелеона, раболепствующего перед современным Нероном и его преторианцами» [25].

На рубеже 1920-1930-х гг. в борьбу за руководство советской исторической наукой активно включился «главный атеист» страны Е. М. Ярославский. В июне 1931 г. он направил Л. М. Кагановичу письмо с предложениями о новом составе редакций ведущих исторических журналов. Его призыв «ликвидировать настроения групповщины, которые тормозят работу общества историков-марксистов», был направлен против соратников Покровского, особенно против П. О. Горина, Г. С. Фридлянда, допустившего «грубейшие оппортунистические ошибки» и не признавшего их, и И. Л. Татарова (Кагана),¹ «ведущего явно групповую линию, позволяющего себе, мягко выражаясь, недопустимые приемы в работе». Именно этим объяснялось стремление Ярославского ввести

¹ Татаров был последовательным сторонником Покровского в его борьбе с Ярославским за лидерство в марксистской историографии.

в редакцию журнала «Историк-марксист» оппонента Покровского – С. А. Пионтковского и вернуть выведенного оттуда в конце 1930 г. «по никому неизвестным причинам» И. И. Минца. Ярославский выступил против попыток Горина опорочить данного историка как «оппортуниста». Признавая, что в дискуссии 1928 г. Минц «допустил по вопросам историографии неверную, а потому политически ошибочную, формулировку, позволявшую говорить о недооценке борьбы с антимарксистской идеологией», Ярославский подчеркивал, что историк признал ошибку письмом в редакцию. Партийные инстанции, разбиравшие эту ошибку, отметили, что в целом Минц вел «правильную политическую линию». Никаких оргвыводов не сделала и Комиссия по чистке. И самый главный аргумент в поддержку будущего академика заключался в его неучастии в оппозиции и отсутствии «уклонов» [22. Оп. 120. Д. 20. Л. 78-81].

Но в целом Покровскому и его сторонникам тогда удалось сохранить лидирующие позиции. Ликвидация историко-научного многообразия совпала с набиравшей силу кампанией поиска «врагов народа». Хотя историческая наука все больше ставилась на службу не только партии, но и НКВД, это не спасло ее от очередного, самого масштабного, погрома.

Сценарий третий: смена «исторических вех»

*«История в руках большевиков должна быть конкретной наукой, объективной правдой и тем самым великим оружием в борьбе за социализм»
(Правда. 1936. 27 января)*

Тридцатые годы стали для историков настоящей «сменой вех», связанной с крушением «школы Покровского». Прошло всего два года после смерти академика, названного в сообщении ЦК ВКП(б) «всемирно известным ученым-коммунистом» и «виднейшим организатором и руководителем ... теоретического фронта», как в совместном Постановлении Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школе» от 16 мая 1934 г. был декларирован отказ от подмены истории «отвлеченными социологическими схемами» [см. 10]. Это постановление открыло дорогу критике «школы Покровского», хотя ни в постановлении, ни в выводах специальной партийно-правительственной комиссии по подготовке конспектов учебников («Замечания товарищей Сталина, Кирова и Жданова») фамилия Покровского не звучала.

27 января 1936 г. газеты напечатали постановление советского правительства и ЦК партии о создании специальной комиссии под руководством А. А. Жданова «для просмотра, улучшения, а в необходимых случаях и для переделки уже написанных учебников по истории». Были опубликованы наконец и «Замечания». Теперь «школа Покровского» и сам ее лидер осуждались прямо и безоговорочно. Историков призывали к борьбе «с антиленинскими традициями школы Покровского» и ликвидации присущих этой школе «полуменьшевистских полуцентристских идей и троцкистской контрабанды» [19].

Перед нами письмо бывшего историка А. И. Смирнова А. А. Жданову. В своем обращении 12 февраля 1936 г. знаток 5 новых и 3 древних иностранных языков, вынужденного последние 10 лет трудиться инженером-переводчиком, приветствовал указанное выше Постановление от 26 января 1936 г., содержащее «развернутую критику исторической школы профессора М. Н. Покровского». Автор письма с горечью писал, что благодаря тезису «История есть политика, опрокинутая в прошлое» и вследствие организационных установок Покровского произошла ликвидация многих исторических дисциплин. Корреспондент сетовал, что именно «влиянию школы М. Н. Покровского мы обязаны тем, что до сих пор нет ни учебника, ни солидного марксистского курса истории СССР, который разработкой исторических фактов мог бы зачеркнуть курсы С. Соловьева и Ключевского». Автор обвинил Покровского в распылении исторических кадров и превращении истории в «публицистику или в экономическую конъюнктуру» [22. Оп. 120. Д. 360. Л. 175-176 об]. И подобные настроения не были чем-то исключительным.

Но специальных процессов для разгрома «школы Покровского» организовано не было. Ученых арестовывали по мере накопления компрометирующих показаний, вслед за исключением их из партии, выявлением старых оппозиционных контактов или в связи с другими политическими следствиями [2, с. 36]. Тем более что репрессиям подверглись как ярые сторонники Покровского¹, так и его противники.

¹ Д. Я. Кин, П. О. Горин, А. Г. Пригожин, Г. С. Фридлянд, Н. Н. Ванаг, И. Л. Татаров, Т. М. Дубыня и др.

К «вредительской школе» нередко причисляли тех, кто имел весьма отдаленное отношение к Покровскому. В частности, представителями «школы» были объявлены критики Покровского при его жизни молодые историки Э. Я. Газганов, А. И. Ломакин и П. С. Дроздов, и даже вечно фрондировавший против «красного академика» С. А. Пионтковский. Спустя год после ареста к «школе» отнесли соратников еще одного оппонента Покровского – В. И. Невского, историков рабочего движения П. И. Анатольева, В. З. Зельцера и П. П. Парадизова. В частности, для Газганова очередной арест и расстрельный приговор 1937 г. были связаны с делом о «заговоре военных», среди «участников» которого был покончивший с собой начальник Главного политического управления Красной Армии, брат жены Газганова Я. Б. Гамарник. Ломакин был исключен из партии в ноябре 1936 г. за «неразоблачение врага народа» – своей жены Люции Джапаридзе. А 10 лет лагерей, полученные им в декабре 1937 г., были связаны с обвинениями в причастности к «троцкистской террористической организации». Дроздову, из-за нападок на Покровского до 1934 г. отлученному от исторических журналов, обвинения в троцкизме стоили жизни. Пионтковский, который среди историков считался наиболее ортодоксальным марксистом, на следствии не отрицал, что говорил о негативном влиянии Сталина на историческую науку, но категорически отmel обвинения в контрреволюционной террористической деятельности. Впрочем, это не спасло его от расстрела, по иронии судьбы в один день со своими прежними оппонентами Ванагом и Фридляндом. Товарищи по историографическому семинару Покровского, Анатольев, Зельцер и Парадизов были репрессированы в связи с делом «контрреволюционной группы В. И. Невского». При этом Зельцер мужественно защищал исключенных из партии друзей, а в лагере открыто говорил об отсутствии внутрипартийной демократии и незаконных репрессиях [2, с. 39-46].

Особую роль в ниспровержении авторитета Покровского и разгроме его «школы» сыграли Е. М. Ярославский, внесший весомый вклад в становление сталинской концепции истории партии, и руководитель партийных чисток Л. М. Каганович. Впрочем, они были лишь добросовестными исполнителями воли вождя. Разгром «школы Покровского» был связан с общей сменой политического и идеологического курса от концепции мировой революции к идее «советской империи». Политическая активность и подчинение

научной деятельности политической линии тогдашнего партийно-государственного руководства во главе со Сталиным, сыграли роковую роль в судьбе историков-марксистов. Оказавшись среди творцов такой политики, они стали затем ее жертвами.

К преодолению ошибок его школы были привлечены ранее осуждавшиеся как «великорусские националисты» историки дореволюционной школы С.В. Бахрушин, Ю. В. Готье, Б. Д. Греков, В. И. Пичета, Е. В. Тарле, А. И. Яковлев и др. Основание «национальной» школы советских историков связано с именем ученика Ключевского академика Б. Д. Грекова, возглавлявшего академический институт истории в 1937-1953 гг. [5]. Когда в марте 1937 г. на заседании общего собрания ЛОИИ обсуждалось «контрреволюционное выступление» профессора ЛГУ В. Н. Кашина на семинаре со студентами, обычно осторожный Греков не побоялся открыто урезонивать наиболее кровожадных ораторов, хотя сам мог быть обвинен в покровительстве «врага народа» [23, с. 137-141].

В вышедшем в 1939 г. сборнике статей «Против исторической концепции М. Н. Покровского» ученики «школы Покровского» («оголтелая банда врагов ленинизма») ¹ были зачислены в ряды «троцкистско-бухаринских наймитов фашизма, вредителей, шпионов и террористов» [20, с. 3,5]. Однако далеко не все авторы сборника, выполняя властный заказ, стремились «быть святее римского папы». К примеру, Нечкина отметила заслугу учителя (правда, не упоминая о своем ученичестве) в постановке вопроса о влиянии пугачевского восстания на правительственную политику, а Панкратова вообще не отеклась от учителя, признавая его научные заслуги. Она заняла умеренную позицию, усматривая незлонамеренную вину Покровского в незавершенности процесса самокритики собственных ошибок [20, с. 35-38, 57-59, 244-275]. Чего не скажешь о некоторых бывших научных оппонентах «красного академика», чью критику можно рассматривать как реванш за прошлые преследования. Хотя, конечно, далеко не все спешили влиться в ряды критиков. В частности, не стал участвовать в кампании разоблачения С. Б. Веселовский.

После разгрома «школы Покровского» его бывшие противники (тем, кому удалось выжить) оказались снова востребованными. Хотя, конечно, далеко не все. Выпускница историко-

¹ Среди авторов-обличителей, впрочем, были и ученики Покровского – А. М. Панкратова, М. В. Нечкина и А. Л. Сидоров.

филологического факультета Петроградского университета и историко-партийного отделения ИКП К. Поль подверглась опале по причине своего родства (двоюродная сестра) с Г. Я. Сокольниковым. В 1936 г. она была исключена из партии, год была без партбилета, 8 месяцев – без работы. В своем письме Сталину от 29 января 1939 г. она жаловалась, что работает учительницей истории в школе и не может «получить производственную и партийную работу по специальности». В частности, в Институте права АН ей отказали в участии в подготовке очерков истории внешней политики СССР [22. Оп. 121. Д. 19. Л. 34-44].

После репрессий в среде историков режим диктовал новые критерии «научности». Итогом «смены вех» стало смещение исследовательской компоненты в работе историка на второй план. Она уступала свои позиции задаче формирования «установок» относительно оценок тех или иных исторических событий и персонажей (конечно, на основе уже сформулированных партийных установок). Выживание в условиях постоянно меняющейся «генеральной линии» отсекало все то, что не укладывалось в «прокрустово ложе» идеологии. Тут не всегда оставалось место для профессионализма и корпоративной этики историка.

Литература

1. Академическое дело 1929-1931 гг. Вып. 1. СПб., 1993.
2. Артизов А. Н. Судьбы историков школы М. Н. Покровского (середина 1930-х годов) // Вопросы истории. 1994. № 7.
3. Буржуазные историки Запада в СССР (Тарле, Петрушевский, Кареев, Бузескул и др.) // Историк-марксист. 1931. Т. 21.
4. Быковский С. Н. Какие цели преследуются некоторыми археологическими исследованиями // Сообщения ГАИМК: Проблемы истории материальной культуры. 1931. № 4/5.
5. Вдовин А. И. Русский народ и проблемы формирования советской исторической общности (1930-е гг.) // Слово. Православный образовательный портал. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/history/41178.php>. Доступ — 25.03.2012 г.
6. Гордон А. В. Власть и революция: советская историография Великой французской революции. 1918-1941. Саратов, 2005.
7. Дмитриев А. Время историков // Неприкосновенный запас. 2007. № 5 (55).

8. Дроздов П. Историческая школа Покровского // Правда. 1937. 28 марта.
9. Зайдель Г., Цвибак М. Классовый враг на историческом фронте. Тарле и Платонов и их школы. М., 1931.
10. К изучению истории. М., 1946.
11. Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле и Петербургская школа историков. СПб., 1995.
12. Кобрин В. Б. Кому ты опасен, историк? М., 1992 // VIVOS-VOCO! [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vivovoco.ibmh.msk.su/vv/books/danger/part_3.htm. Доступ – 11.02.2012 г.
13. Перченко Ф. Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звенья: Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991.
14. Пионтковский С. А. Великорусская буржуазная историография последнего десятилетия // Историк-марксист. 1930. Т. 18/19.
15. Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов. Избранные произведения в 4-х кн. Кн. 2. М., 1965.
16. Покровский М. Н. Общественные науки в СССР за десять лет. Доклад на конференции марксистско-ленинских учреждений 22 марта 1928 г. // Вестник Коммунистической академии. Кн. XXVI (2), М., 1928.
17. Покровский М. Н. Очередные задачи историков-марксистов // Историк-марксист. 1930. Т. 16.
18. Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1932.
19. Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) 26 января 1936 г. «Об учебниках по истории» // Правда. 1936. 27 янв.
20. Против исторической концепции М. Н. Покровского. М.; Л., 1939.
21. Резолюции, принятые на общем собрании Общества историков-марксистов от 19/III-30 г. // Историк-марксист. 1930. Т. 15.
22. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. ЦК КПСС.
23. «Что вы делаете со мной!» Как подводили под расстрел. Документы о жизни и гибели Владимира Николаевича Кашина. СПб., 2006.
24. Чудинов А. В. Историк воюющий: Н. М. Лукин // Историк и власть: советские историки сталинской эпохи. Саратов, 2006.
25. Яворский Матвей: академик, узник коммунистических Соловков // Solovki-энциклопедия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.solovki.ca/people_18/javorsky.php. Доступ — 2.04.2012 г.

С. И. ПОСОХОВ

«СЧИТАЮ ДЛЯ СЕБЯ НЕПРИЛИЧНЫМ...»: ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОЦЕССА ЗАЩИТЫ ДИССЕРТАЦИЙ В УНИВЕРСИТЕТАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

*«...для меня было необыкновенно важно чувствовать нравственную связь с учреждением, в котором мне приходилось действовать, для того, чтобы моя деятельность имела необходимые нравственные стимулы и поддержку и была плодотворною»
(В. И. Модестов)*

Резюме: Статья посвящена выявлению и анализу этических аспектов процесса подготовки и защиты диссертаций в университетах Российской империи XIX – начала XX вв. На основе преимущественно источников личного происхождения характеризуются некоторые черты диссертационной культуры данного периода.

Ключевые слова: профессиональная этика, диссертационная культура, университеты Российской империи.

Посохов С. И. «Вважаю для себе неприпустимим...»: етичні аспекти захисту дисертацій в російських університетах XIX – початку XX ст.

Резюме: Статтю присвячено виявленню та аналізу етичних аспектів процесу підготовки та захисту дисертацій в університетах Російської імперії XIX – початку XX ст. На основі переважно джерел особового походження характеризуються деякі риси дисертаційної культури зазначеного часу.

Ключові слова: професійна етика, дисертаційна культура, університети Російської імперії.

Posokhov S. I. "It is truly obscene ...": ethical aspects of the defense of dissertations in Russian universities in the 19th – early 20th centuries.

Summary: The paper is devoted to the identification and analysis of the ethical aspects of the preparation and defense of dissertations at the universities of Russian Empire in the 19th – early 20th centuries. On the basis primarily of personal sources some certain features of the dissertation culture of mentioned period are characterized.

Key words: professional ethics, dissertation culture, Russian Empire universities.

© Посохов С. И.

Этический аспект профессиональной деятельности чрезвычайно важен, особенно когда речь заходит об университетах, где сосредоточены интеллектуалы, для которых важна не столько сама деятельность, сколько те смыслы, которыми ее наделяют. Этическое пронизывает все стороны отношений университетских людей, характеризует состояние университетского сообщества в целом.

Осознание принадлежности к университетской корпорации происходило и происходит, в том числе, в процессе процедуры присуждения ученых степеней. На сегодняшний день уже проделана большая работа по изучению как системы ученых степеней, так и самого процесса защиты диссертаций в университетах, в том числе на пространстве Восточной Европы. Более того, в современной российской историографии на повестку дня поставлен вопрос об изучении «диссертационной культуры» и «национальных диссертационных систем» [1; 2; 3]. Безусловно, процесс присуждения ученых степеней можно рассматривать с различных точек зрения, учитывая, что диссертация являет собой не только некий научный труд. Как пишет В. П. Корзун, «диссертация выглядит и как сложный тип коммуникации в научном сообществе; и как способ закрепления норм и правил в дисциплинарных сообществах; процесс защиты диссертации может быть осмыслен через призмы социального и научного контроля и в качестве фильтра – пропуска в научное сообщество; в целом диссертационная культура видится отражением мировых научных тенденций и специфики национальных историографий» [4, с. 6-7]. Важно отметить, что тем самым обозначился новый этап в изучении проблемы, поскольку наблюдается переход от преимущественного изучения нормативной основы к социальным и историко-культурным аспектам. Исходя из сказанного, попробуем порассуждать о профессиональной этике историка, проанализировав этические аспекты защиты диссертаций в российских университетах XIX – начала XX вв.

Впрочем, как известно, защита диссертаций в университетах – традиция давняя. Присвоение ученых степеней стало одной из важнейших привилегий университетов, отличавших их от других типов школ. При этом долгое время существование института ученых степеней обеспечивалось не какой-либо нормативной базой, а сложившимися «обычаями». Данное обстоятельство обусловило тот факт, что вся система держалась на неких внутрикorporативных правилах, которые выступали на уровне морального закона. Его нормы

чаще фиксировались не в письменной, а устной форме, а также различных обрядах. Церемонии и ритуалы были в числе наиболее важных символических форм общения и имели различные функции. Заметим, что многие «внешние» ритуалы, очевидно, сопровождались глубокими внутренними переживаниями, которые были связаны с осознанием особой миссии, избранности, ответственности не только перед корпорацией, но Богом, ведь посвященный допускался в число тех, кто имел право трактовать Истину.

Некоторые из ритуалов и символов, сложившихся в средневековые времена, продолжали существовать и в XIX, и в XX веках, и даже дожили до наших дней, хотя первоначальный смысл их в значительной степени уже давно утрачен. П. Н. Милюков в своих воспоминаниях записал о традициях, сопровождавших его защиту: «По обычаю, профессора, один за другим, меня приветствовали с поцелуями у кафедры. Ключевский, когда дошла до него очередь, неловко и поспешно пожал мне руку. А я, со своей стороны, нарушил другой университетский обычай. После диспута обыкновенно кандидат, удостоенный степени, устраивал пирушку. Я пригласил на нее к себе домой моих молодых друзей – и не пригласил Ключевского. Это был уже форменный разрыв. Но пирушка прошла дружно и весело» [5, с. 108].

Безусловно, средневековый («доклассический») университет можно назвать не только «корпоративным», но и «церковным». Влияние церкви было определяющим, именно в церковных рамках первоначально и возникла сама ученая корпорация. Реформация стала прологом в процессе секуляризации европейского университета. Постепенно богословский факультет утратил свое ведущее положение, со временем ушло в прошлое требование конфессиональной чистоты в учебном процессе и многое другое, в том числе ряд церемоний и обрядов, имевших чисто церковные формы. Обмирщение коснулось и процедуры присуждения ученых степеней. Отход от устоявшихся моральных норм предопределил усиление негативных явлений в процессе присуждения ученых степеней, в частности, широко распространилась практика «торговли дипломами». Получение ученых титулов многочисленными неучами вызвало насмешки и издевательства в студенческой среде, а затем и в других слоях общества. Критика системы присуждения ученых степеней проявилась в полемической литературе XVII–XVIII вв. В одном из таких произведений описывается характерный случай: «...кандидат не отвечал на вопрос, улыбнулся и дал профессору бокал вина. Тот

переспросил еще раз, но этот всё молчал. Другие, тем временем, выглядывали в окно или читали книгу. Испытание закончилось, ответа не было, и кандидат отсчитал деньги из сумки на стол. Вся процедура сопровождалась не менее сомнительным диспутом..., пока наконец кандидат не получил своё звание под аплодисменты. Путешественник удивлялся странным привычкам и один из присутствующих разъяснил ему: «Здесь за деньги можно получать не только дворянство и красоту, но и эрудицию и разум. Если бы вы могли рассказать полностью всю юриспруденцию, если бы у вас были глубокие специальные знания в области права и если бы вы досконально знали все книги, но у вас не было бы денег, то вы бы никогда не достигли этого звания. Можно быть пнём, болваном, можно быть аристократическим ослом, но не бедным, иначе вы не будете достойны юридической степени» [6, с. 210]. Такое представление о пороках системы присуждения ученых степеней станет широко распространенным, в том числе благодаря ее критике со стороны просветителей.

Модернизация университетов, которая началась в XVIII в., обозначила их переход от «корпоративного» этапа к «государственному» и отразилась в том числе на процедуре присуждения степеней, а также университетских церемониях и обрядах. Где-то этот процесс происходил латентно, где-то более явно. Государство не только контролировало соблюдение правил, но и использовало степени как непосредственное условие допуска к профессии: докторов прав – к адвокатуре и судейским должностям, докторов медицины – к врачебной практике, докторов богословия – к занятию высших церковных должностей. Тем самым государство, по сути, перевело степени из разряда внутрикорпоративных в разряд общегосударственных. Однако, наряду с этим, под влиянием идей Просвещения и неогуманизма постепенно будет складываться свое представление о качествах кандидата на ученые степени и в самой университетской среде. В частности, ученая степень доктора философии в рамках идей «неогуманизма» стала не просто допуском к профессии, а допуском к научному призванию вообще. На смену Истине как откровению пришла Истина как свет просвещения, т.е. как результат иного рода интеллектуальных усилий: теперь истину нужно было искать, а не трактовать. Как подчеркивал один из идеологов «модернизированного» университета, Ф. Шлейермахер, ученые степени должны удостоверять способность соискателя к научному поиску, ими «должны быть засвидетельствовано, что отдельный человек впитал в себя научный дух как принцип» [7, с. 526].

Хотя в Российской империи второй половины XVIII в. со стороны государства система ученых степеней не получила поддержки, но внутренняя жизнь Московского университета того же периода показала, что для ученой корпорации они были необходимы. Сложность была в том, что становление университета в Российской империи пришлось на время кризиса университета как социального института. И хотя в Московском университете к рубежу XVIII-XIX в. сложилась практика использования собственных ученых степеней: магистра философии, кандидата медицины, доктора медицины, бакалавра, но эти звания возникали в разное время, подчас спонтанно, по «обычаю» или «примеру европейских университетов», сам их смысл и требования к их присуждению изменялись, поэтому их еще нельзя рассматривать как систему [8, с. 282-284].

Законодательным образом система ученых степеней в Российской империи была учреждена в 1803 г., в соответствии с п.26 «Предварительных правил народного просвещения» [9. Т. 1, стб. 17], подписанных императором Александром I. Ученые степени присваивались факультетами университетов. Состав степеней менялся, но традиционной и наиболее долговечной (до 1884 г.) была комбинация «кандидат» – «магистр» – «доктор наук». Впрочем, уже тогда это триединство выглядело анахронизмом или, во всяком случае, чисто самобытным явлением российской академической жизни. Н. И. Пирогов восклицал: «Неужели же, пристрастившись к бюрократизму и к принципу устрашения числом испытаний и сроков, мы должны для этого удерживать все ненужное число ученых степеней?» [10, с. 210]. Действительно, к этому времени ученый мир Западной Европы уже отказался от многоступенчатой системы научной аттестации [11, с. 41]. В большинстве европейских университетов в XIX в. господствовала единственная ученая степень (доктор). Но в сословно ранжированном российском обществе ученые степени имели свой табельно-должностной и сословный статус, были увязаны со всей иерархической социальной системой. Не удивительно, что такая табельная градация действовала до 1917 г. [11, с. 55]. Идея «государственного» университета получила в России весьма последовательное воплощение. В тоже время, многие старые университетские обряды и ритуалы в этих условиях не смогли утвердиться, не случайно вводимые сегодня университетами на постсоветском пространстве мантии и знаки отличия профессоров и

ректоров выглядят здесь несколько искусственными, так как не опираются на предшествовавшую традицию.

Однако, что касается процедуры присуждения ученых степеней, то основные ее элементы были воспроизведены и в России, хотя также с ориентацией на опыт «модернизированных» европейских университетов. Порядок возведения в степени был подробно изложен уже в Уставе 1804 г., где этому была посвящена целая глава [12, с. 33-37]. Ее положения, в целом, также напоминают те, к которым пришла европейская ученая аттестация в начале XIX в. и которые отражены, например, в Уставе Берлинского университета. И для магистерской, и для докторской степени этапы процедуры были совершенно одинаковы: вначале публичный экзамен в присутствии профессоров факультета, потом чтение на факультете публичных лекций и защита диссертации (отличия между магистром и доктором выражались лишь в количестве вопросов на экзамене и количестве публичных лекций).

Становление данной системы в России происходило не без проблем. Об этом свидетельствует так называемая «Дерптская афера» 1816 г., когда выяснился факт торговли дипломами в Дерптском университете [См.: 13, с. 20]. После этого защиты диссертаций были на некоторое время приостановлены, а в Министерстве народного просвещения приступили к подготовке специального положения, в котором бы более детально регламентировался научно-аттестационный процесс. Такое «Положение» было принято 20 января 1819 г. (новые редакции принимались в 1837, 1844, 1864 гг.). Не характеризуя подробно эти документы [См. подробнее: 14], обратим внимание лишь на то, что, если по Положению 1819 г. тема докторской диссертации определялась соискателем, а магистерская давалась «по назначению факультета» [9. Т. 1, стб. 1142, 1144], то Положения 1837 и 1844 гг. закрепили право соискателей и магистерской степени самостоятельно определять тему своей диссертации [9. Т. 2, отд. 2, стб. 362]. К тому же, в Положении 1844 г. указывалось, что предмет магистерской и докторской диссертации не должен совпадать, а с текстом диссертации декан должен был ознакомиться еще до докторских экзаменов. Положения не регламентировали содержание диссертации, но подчеркивали, что она должна быть «самостоятельной». Тем самым мы можем наблюдать постепенную эволюцию взглядов на диссертацию со стороны государства: от определения ее как квалификационной работы к признанию за ней

самостоятельного научного значения. Со временем, представители государственной власти именно в диссертации считали возможным даже некоторое «вольномудство» (по свидетельству Н. И. Кареева министру народного просвещения Делянову принадлежали следующие слова: «Еще в ученой диссертации такая вольность позволительна, но не в учебнике!» [15, с. 183]). Еще в большей степени такой подход характеризовал научную среду. Как отмечают современные авторы, спорная диссертация уже в 1880-х гг. выступала своеобразным тестом, пробным камнем на готовность расширения дискуссионного поля науки [16, с. 128]. Также следует отметить, что уже при расследовании «дерптского дела» было обращено внимание на то, что защиты прошли без «публичного защищения».

Однако регулирование процесса присуждения ученых степеней происходило не только под воздействием представителей государственных структур и принятых нормативных актов. На данный процесс влияли и неписанные традиции, которые формировались в самом университетском сообществе под воздействием представлений о «приличиях» в ученом мире. Действительно, и в прошлом, и сегодня защита диссертации свидетельствует об определенном интеллектуальном уровне, символизирует приобщение к корпорации, становится важным фактором социализации, развития личности ученого. В ходе подготовки диссертации и самой защиты соискатель проходил и проходит через различные испытания, которые проверяют не только степень его трудолюбия и усердия, но и профессиональные, и моральные качества.

С другой стороны, поскольку защита в российских университетах (а такое право присуждать ученые степени имели в России только они) происходила не на специальном совете, а на совете факультета, то становилась фактором, влияющим на состояние самой корпорации и событием, которое ее характеризовало (поведение на совете часто становилось символичным, определяя статус и выявляя скрытые формы отношений).

Попытаемся, опираясь на примеры из жизни российских историков XIX – начала XX вв., охарактеризовать некоторые из диссертационных ритуалов и обычаев, показав как через них формировалась профессиональная этика, ведь как отмечают Н. Н. Алеврас и Н. В. Гришина, «в образовательной практике историко-филологических факультетов дореволюционных университетов сложились устойчивые основы как нормативной стороны, так и

неформальных традиций деятельности, формировавших диссертационную культуру русских историков» [1, с. 11].

Нередко в воспоминаниях универсантов встречаются те или иные эпизоды, которые характеризуются авторами словами «прилично» или «неприлично». Безусловно, моральные нормы имели реальный контекст применения и разобраться в том, кто прав или виноват в конкретной ситуации подчас нелегко. Тем не менее, можно назвать ряд «приличий», которые постепенно превратились в общепризнанные нормы в университетской среде. Так, например, В. И. Семевский, вспоминая о критике его диссертации, заметил: «Не сказать ничего о литературе, не воздать должного моим предшественникам на этом поприще, будет с моей стороны научным неприличием» [17, с. 24].

Принципиальность, последовательность, бескорыстное служение истине называются в университетской мемуаристике при описании качеств позитивных героев. Да и сами историки писали о науке как смысле их жизни (Д. И. Багалей): «Я же скажу о себе одно: лишить меня возможности работать для науки, значит нанести мне очень тяжелый удар, разбить всю мою жизнь» [18, с. 447]. Но особенно, с некоторых пор, стало отмечаться стремление сделать свой вклад в науку. Оценивая такие настроения в ходе написания диссертаций, авторы воспоминаний порой и о себе писали так (П. Н. Миллюков): «я готовил вклад в науку, открывал новые пути» [5, с. 107]. Прагматическая цель (написать диссертацию) выглядела в этом случае оскорбительной. Не менее четко по этому поводу высказался П. Г. Виноградов в одном из своих писем родным: «Вы говорите, что я напрасно трачу слишком много труда и здоровья, тогда как следовало бы отнестись к этой необходимой работе проще и легче. Я не знаю, как приурочить свою настоящую задачу к практическим требованиям, хоть диссертации например. Ввиду того, что этого нельзя сделать и что нельзя также отделить часть от нее, а остальное оставить, я забываю пока диссертацию и имею ввиду только свою ученую цель в полном убеждении, что торговаться тут стыдно...» [Цит. по: 19, с. 110-111]. Исследователи заметили, что иногда собственно «ученая карьера», связанная с получением степеней и званий, противопоставлялась свободному научному творчеству и высокому профессионализму ученого [2, с. 231].

Высокие требования к уровню диссертаций, немалые затраты и лишения на пути к ученой степени позволили уже в начале XX в.

говорить о том, что «научный труд для многих талантливых молодых ученых превратился в научный аскетизм» [20, с. 132]. В то же время, следует напомнить, что аскетизм стал признаком собственно «профессорского стиля жизни»¹, а это значит, что такие лишения могли восприниматься как естественные для человека, решившего посвятить себя науке, как путь приобщения новичков к корпорации, их научной социализации.

Безусловно, применительно к данному периоду времени следует учесть влияние утвердившегося позитивизма, его идеалов научности и правил «научного приличия». В частности, в это время восторжествовал принцип отмежевания науки от этики, согласно которому наука должна быть свободна от ценностей, поскольку нет нравственной или безнравственной науки, а есть научная объективность. Соответственно, наука трактовалась как знание ценностно-нейтральное, свободное от этической или идеологической нагруженности. Хотя сегодня позитивистский подход уже выглядит архаическим, но именно эта позиция, как отмечает А. П. Огурцов, позволила утвердить высокий когнитивный статус науки в европейской культуре, приоритетность научного знания в самом составе культуры в противовес разного рода идеологиям [22, с. 12]. Так или иначе, но требование «объективности» стало одним из основополагающих не только профессиональных, но и моральных принципов российских (и не только) историков второй половины XIX – XX вв. В виде своего рода «заклинаний» его продолжают декларировать и в современных научных, особенно диссертационных, работах.

Этические нормы традиционно передавались от учителя к ученику в качестве некоего наследства. Это происходило через неформальное общение, которое часто происходило дома у профессора [см., например: 23, с. 2]. Это могли быть как регулярные встречи («вторники», «среды» и т.п.), так и встречи от случая к случаю. В ходе такого неформального общения не только давались профессиональные советы, но и происходил обмен всем социальным и культурным опытом. Так, Ю. В. Готье, характеризуя «своеобразный учено-педагогический метод» своего учителя В. О. Ключевского, вспоминал слова последнего: «нам нужно понять друг друга, я готов давать вам указания, если вы будете понимать меня, а я пойму вас» [24, с. 178]. Но достичь такого

¹ П. Бурдые пишет об «аристократическом аскетизме преподавателей» [21, с. 539].

понимания было нелегко. Взаимоотношения учителей и учеников складывались под влиянием различных обстоятельств. Среди таковых были и университетские традиции. По крайней мере, В. И. Модестов считал, в «старом» Казанском университете такие традиции к моменту его пребывания в нем вполне сложились и были весьма благоприятными для взаимодействия ученых разных поколений: «Тут в Казани все как-то было в своей колее и шло по заведенному порядку; тут чувствовались предания и связь настоящего с прошлым; тут университетские интересы, большие и малые, поглощали все остальные... Около людей с именем группировались молодые силы, стоявшие к своим руководителям в совершенно правильных отношениях, какие не часто встречаются в русских университетах, где старший иногда гонит младшего, вместо того, чтобы оказывать ему поддержку, а младший освобождает себя от необходимого уважения и признательности к своему бывшему наставнику» [25, с. 326]. Совсем иначе характеризовал автор эти строк атмосферу, сложившуюся в Киевском университете, где «происходила наиболее плачевная борьба между старыми и молодыми профессорами» [25, с. 602].

Такая борьба могла происходить и непосредственно между учителем и учеником, а ее обострение часто наблюдалось именно в момент защиты диссертации. Тем более что в традициях дореволюционной российской науки было участие учителя в качестве оппонента во время защиты, а самолюбие диссертантов не принято было щадить, нормой было стремление избегать при рецензировании диссертационного исследования панегирического тона [11, с. 174-176; 1, с. 17]. Как пишет А. Е. Иванов, жесткие правила ведения диспута обязывали оппонентов к пристрастно-придирчивому тону ведения дискуссии [11, с. 175]. К тому же, как отмечают исследователи, содержание оппонентских отзывов, как правило, соискателям не было известно [3, с. 130]. Н. И. Кареев вспоминал: «...мой учитель, в роли главного оппонента, был очень немилостив, что и мои реплики делались запальчивыми, конечно, отнюдь не смягчающими оппонента» [15, с. 139]. Историографам хорошо известна, в связи с этим, обида учеников на своих учителей: П. Н. Милюкова на В. О. Ключевского или Н. И. Кареева на В. И. Герье. Но обижались как те, так и другие. Проф. А. П. Лебедев, упомянув о своих учениках, заметил, что «Рождение докторов и магистров сопряжено бывает с немалыми потугами, а иногда и с значительными огорчениями» [26, с. 420]. Отметим, что

жесткое оппонирование, по нашему мнению, выступало зримым свидетельством признания самостоятельности работы ученика, свободы мнения как таковой, и не исключало предшествовавшей защите и последующей моральной поддержки со стороны учителя. Отношения учителя и учеников становились способом накопления научного капитала и разрушать эту связь позволяли себе немногие (полагаем, что обозначенные выше примеры конфликтов скорее были исключением, нежели правилом, и были связаны с болезненным самолюбием поистине выдающихся историков, которые отстаивали свою монополию на научную компетенцию¹).

Вообще защита диссертации становилась способом самовыражения для многих профессоров. Вот как вспоминал Н. Высотский о первой половине 1860-х годов: «Весьма интересен бывал Бодянский на диспутах: по какому бы предмету ни защищалась диссертация, лишь бы тема диссертации касалась предметов положенных на историко-филологическом факультете, Осип Максимович всегда выступал оппонентом. Возражения свои Бодянский пересыпал шутками, остротами, которые иногда чувствительно били по самолюбию лица, защищавшего диссертацию. Бывали случаи, когда Бодянский излагал свои возражения в довольно резкой форме...» [28, с. 162]. Выступление А. С. Лаппо-Данилевского на одном из диспутов в качестве оппонента длилось 1 час 40 минут. Характер оппонирования привел некоторых современников к заключению, что он «человек с большим самолюбием» [Цит. по: 3, с. 140].

Неприязненные отношения с коллегами на «своем» факультете принуждали защищаться в «чужом» университете. Так, опасаясь получить негативную оценку своей докторской диссертации, не рискнул защищаться в Харькове Д. И. Багалея. Но при этом в письме В. О. Ключевскому он аргументировал свой отказ от Киевского университета тем, что таким образом избегал «подозрений в пристрастии» к нему со стороны его учителей В. Б. Антоновича и В. С. Иконникова [18, с. 442].

Безусловно, в процессе защиты и в это время могли сталкиваться различные научные концепции, проявляться

¹ В данном случае солидаризуемся с П. Бурдые, который под «монополией на научную компетентность» понимал «социально признанную за определенным индивидом способность легитимно (т.е. полномочно и авторитетно) говорить и действовать от имени науки». Научный авторитет, по его мнению, являет собою особый род социального капитала [27, с. 474, 479].

групповые интересы, личная неприязнь, свою роль играли влиятельные рекомендации, отношения диссертанта с руководством факультета и др.¹ Как тут снова не вспомнить П. Бурдые, который написал: ««Чистый» универсум самой «чистой» науки является таким же социальным полем, как и любое другое, со свойственным ему соотношением сил и монополиями, борьбой и стратегиями, интересами и прибылями, однако в этом поле все инварианты облекаются в специфическую форму» [27, с. 474].

Соответственно, на процесс и результаты защиты могли влиять не только расхождения во взглядах на науку, но и на жизнь. К слову, заметим, что ценности не могут быть редуцированы лишь к моральным ценностям, а аксиология – только к этике. Профессиональные ценности были тесно связаны с ценностями более широкого спектра, прежде всего общественно-политического и религиозного характера. Указания на «борьбу партий» в совете факультета не такое редкое явление в мемуаристике. Типичным примером может считаться упомянутая защита магистерской диссертации В. И. Семевским. Сегодня сделан вывод о том, что нарратив текста его выступления соответствовал традициям политической публицистики, а «диссертационная трибуна» была использована для выражения своей политической программы [3, с. 134]. Не характеризуя ее ход и все сопутствующие обстоятельства (которые достаточно изучены), замечу, что в этом случае переплелись «идейное» и «моральное». Сочувствующие претенденту считали, что «над В. И. Семевским в Петербурге творилось насилие» [29, с. 22]. Сам В. И. Семевский, вспоминая эту историю, неоднократно обвинял своих идейных противников именно в низких моральных качествах: «сплетничаньи по вопросу нимало не идущему к делу», резкости тона и невежливости при произнесении своей оценки, подлости и лживости. Основываясь на своих народнических убеждениях и будучи весьма решительным человеком, готовым к борьбе за свои убеждения («Разумеется,

¹ См., например воспоминания В. И. Модестова о защите в Киевском университете диссертации И. Коссовича [25, с. 597-598]. К слову, в этом случае претендент пытался скрыть свое незнание темы, прочитав вступительную речь на латинском языке, а затем, отвечая на вопросы, декламировал заученные латинские фразы. Как пишет В. И. Модестов, в связи с этим, оппоненты диспут вынуждено вели на латинском языке, который не все понимали. Последняя ремарка также свидетельствует об определенных этических нормах.

интриговать втихомолку удобнее, чем выступить в честный, открытый бой!»), он готов был подписать приговор не только научному сообществу, но и всей современной ему эпохе: «Беда таким образом не в том, что ученые подлецы – подлы, так это и быть должно, а в том, что более честные люди находят выгоднее молчать, несмотря на то, что такая политика в конце-концов может создать им не особенно красивую репутацию. Таково влияние подлого времени, нами переживаемого! Для характеристики современных нравов прибавлю, что Б. имел нахальство кричать публично в университете, что если где-нибудь мне предложат кафедру, то он сочтет своим долгом явиться, куда следует, и доложить, что я радикал и нигилист. И это безнаказанно говорилось в стенах университета, и никто не сказал ему, что это подло!» [17, с. 15, 17, 33, 36, 38]. Тем самым политическая нейтральность науки, как краеугольный камень позитивистской платформы, уже в это время была поставлена под вопрос, ибо стала увязываться с рядом не лучших моральных качеств.

Вообще в это время в среде университетской профессуры можно наблюдать проявления обостренного чувства собственного достоинства и корпоративной чести. Нормой жизни интеллигенции стали так называемые «третейские суды» или «суды чести». Н. И. Кареев вспоминал об одном таком эпизоде своей жизни (его ложно обвинили в том, что он написал донос): «Последовал между нами суд чести в составе К. К. Арсеньева, моего арбитра В. Д. Спасовича, арбитра другой стороны и Владимира Соловьева, избранного нами суперарбитром. Трачевскому... тотчас же пришлось уйти из квартиры Спасовича по прочтении приговора третейского суда, который тоже не мог ему понравиться. Я испросил у суда право опубликовать приговор, сказав при этом Трачевскому, что сделаю это только в том случае, если опять что-либо такое о нем услышу. ... Мне самому неоднократно потом приходилось участвовать в третейских судах и в особом «суде чести», бывшем организованным при Союзе взаимопомощи русских писателей в первые годы XX века. Часто дела возникали из-за дразг, не стоящих внимания...» [15, с. 198-199].

Вместе с тем, особенно в начале XX века, представители университетского сообщества очень болезненно реагировали на попытки государства регулировать отношения внутри университета. Радикализация общественных настроений интеллигенции обострила внимание к внешнему фактору.

Бюрократизация университетов виделась как «ненавистная мера» [30, с. 545], автономия и свобода преподавания напрямую связывались с личным достоинством и личной независимостью [31, с. 180]. По мнению К. А. Тимирязева, каждый русский профессор вынужден разрешать дилемму: «или бросить свою науку или забыть о своем человеческом достоинстве» [32, с. 58]. Либеральная профессура настаивала на своем праве самоуправления и выработки «внутренних стандартов». Особенно такое право отстаивалось в системе научной аттестации.

Впрочем, защита называлась «публичной» и это не было пустой фразой. В газетах давались объявления и анонсы о защите диссертаций, а порой и подробности состоявшегося диспута. Н. Н. Алеврас обратила внимание на то, что диспутанты-соискатели и оппоненты не только следили за подобными публикациями в прессе, но и занимались их целенаправленным сбором, о чем свидетельствуют коллекции газетных вырезок в личных фондах некоторых историков [3, с. 131]. Как отмечает И. Г. Воробьева, не менее значимо было восприятие диспута внеуниверситетской публикой. Таким образом университет, сообщая новые знания через средства печати, информируя о своих делах и проблемах, формировал окружающее пространство и стремился расширить свое влияние [33, с. 23]. П. Н. Милуков вспоминал: «Актовая зала была полна: публика собралась на диспут, как на борьбу чемпионов тяжелого веса. Мнения о том, кто победит, были различные...» [5, с. 107]. Безусловно, основную массу публики составляло студенчество, которое живо реагировало на общественные настроения, переноса их в университетскую аудиторию, и выражая их в том числе во время защиты диссертаций. Так, В. И. Модестов вспоминал о защите диссертации М. П. Драгомановым 11 февраля 1870 г., которая проходила при стечении многочисленной публики, преимущественно из студентов: «... поднялся среди студентов такой гам и рев на несчастного оппонента, что я для прекращения этого безобразия и предотвращения какого-нибудь крупного скандала стал просить декана Селина закрыть диспут» [25, с. 591]. Резкость студенческих оценок могла выражаться не только в словах. Когда студенты, громко высказывавшиеся на диспуте в 1872 г. в пользу защищавшего докторскую диссертацию по медицине г. Проценко, были удалены из зала, то один из них «позволил себе даже оскорбить профессора Томсу действием» [25, с. 600]. Но, как правило, студенты выражали свое сочувствие аплодисментами и криками «браво!».

Вообще, в этом случае, следует вспомнить о роли театральной культуры в студенческой среде. Увлечение театром, которое характеризовало российское студенчество на протяжении всего XIX века, в значительной мере оказало влияние на характеристики студенческой культуры как таковой.

Говоря об общественном резонансе, возникавшем вокруг защит диссертаций, прежде всего следует учесть, что в XIX веке количество таковых было незначительно¹, и каждая диссертация могла восприниматься как некое общественное явление. Оживление общественной мысли в период Великих реформ лишь добавило веса таким диссертационным диспутам, на которые стали смотреть как на воплощение свободы слова. Но, безусловно, следует вспомнить, что с середины XIX века и в других европейских странах на науку стали смотреть с особым оптимизмом, от нее стали ожидать решения важнейших общественных проблем. Такое восприятие характеризовало и само университетское сообщество. Заинтересованное обсуждение научных проблем в значительной мере должно объясняться теми смыслами, которыми наделяли в это время науку как таковую.

Однако к началу XX в. в Западной Европе защита диссертации все более становилась делом специалистов. В России также прозвучало мнение о том, что диспут является рудиментом средневековья и превратился в даровое зрелище для праздных зрителей, напоминая борьбу атлетов в цирке [34, с. 8-12]. Тем не менее, можно утверждать, что большинство продолжало настаивать на публичности защиты. Так, О. Зелинский писал: «В Германии этот докторский диспут большей частью отменен, а если где и удержан, то сведен к пустой формальности; имеем ли мы основание особенно дорожить этим пережитком средних веков? Думаю, что да. Мы имеем полное основание радоваться тому, что этот диспут, который во времена оны был самым живым элементом университетской жизни, у нас сохранился, и притом не как формальность, а с удержанием всей своей силы, как пробный камень для таланта кандидата... Докторский диспут может и должен быть усовершенствован; но именно он должен быть

¹ Всего за 1805 – 1919 гг. было защищено 178 магистерских и 90 докторских диссертаций по истории. В провинциальных университетах их количество поразительно мало: Казанский – 10/8, Новороссийский – 1/2, Харьковский 16/6, Университет Св. Владимира – 31/13 (Об этом см.: [1, с. 16]).

сохранен, как заключительный, торжественный акт всего академического *cursus honorum*¹» [35, с. 152-153].

Современные исследователи определенно пишут о том, что в российских университетах «оживленные дискуссии на диспутах расценивались как положительная сторона защиты» [2, с. 243]. Такие оценки типичны и для заметок, которые помещали о защитах диссертаций в периодике того времени. Постепенно не только в научном сообществе, но и в среде образованной общественности сформировались весьма высокие требования к научному уровню диссертаций, и любые проявления недостаточности такого уровня вызывали соответствующий резонанс (именно об этом, как считают Н. Н. Алеврас и Н. В. Гришина, свидетельствует часто упоминаемая в литературе неудачная защита Чечулина [2, с. 244]).

Впрочем, эти же авторы предостерегают от идеализации диссертационной культуры дореволюционной России. Об этом пишут и другие авторы. Так, С. П. Бычков отметил, что в начале XX в., в частности в лексиконе стремящихся к защите в церковно-академической среде, появились такие выражения как «тиснул по скорому книжку», «слизал у протестантского автора», «зашел в науку с черного хода» [16, с. 133-134]. Данный автор также сделал вывод о том, что в это время наряду с увеличением количества смыслов и функций диссертации, происходил и процесс «онуления», признания ученой степени практически ничего не значившей, маловажной в системе жизненных ценностей [16, с. 134]. Таким образом, можно зафиксировать наличие различных ситуаций и мотивов в процессе подготовки и защиты диссертаций. Впрочем, как уже отмечал А. Е. Иванов, искатели более легких путей в научно-педагогическую сферу не составляли большинства всероссийского ученого корпуса, а научная репутация диссертационных исследований второй половины XIX – начала XX в. была устойчиво высокой [11, с. 143, 163]. По мнению данного авторитетного исследователя, научно-аттестационный процесс был главным, если не единственным, регулятором научного уровня профессорско-преподавательского состава университетов, именно он консолидировал людей науки в корпорацию [11, с. 187].

В советское время многие ритуалы и традиции российской диссертационной культуры канули в Лету. Как известно, в 1918 г. были отменены все ученые степени и звания, а также связанные с

ними преимущества. Реформирование российской науки в первые послереволюционные годы сегодня рассматривается как крайний, предельно-радикализированный ее вариант [36, с. 361]. Хотя в середине 1920-х годов наблюдается процесс возрождения аспирантуры, однако некоторое время это не было связано с защитой диссертации. Возрождение процедуры защиты начнется в 1930-е годы и будет происходить по сценариям, заданным государством. Невиданное доселе огосударствление науки и образования станет отличительной чертой этого времени. К отличительным чертам добавим также и идеологизацию науки. Внешний контроль в это время достиг апогея и в значительной мере парализовал механизмы саморегулирования в научном сообществе. Вместе с тем, было бы неверно отрицать воздействие этических норм на процесс защиты диссертаций и в это время. Такие нормы существовали, существуют и будут существовать, пока существует сам человек, но они не являются неизменными. Так, в советское время особое значение станет придаваться «морально-политическому облику (позиции) диссертанта». Безусловно, постепенно возродятся и некоторые из укоренившихся старых традиций диссертационной культуры (по сути, проявлений профессиональной этики), но с существенными изменениями: теперь защиту станет отличать комплиментарность со стороны оппонентов, диссертационная работа должна безоговорочно поддерживаться научным руководителем, который выступал своего рода гарантом ее качества, гораздо больше внимания будет уделяться оформлению диссертационных сочинений, наличию обязательных ссылок (цитат) и деклараций, процедура защиты также будет все более детально регламентироваться (напоминая по форме партийные и профсоюзные собрания), конфликтные ситуации часто разрешались не на уровне локального научного сообщества, а сопровождалась обращениями к власти предрежающим. Вместе с тем, эти новые акценты существенно противоречили идее университета, лежащей в основе всех университетских традиций (поскольку идея университета в свою очередь в значительной мере базируется на идее свободы, свободного развития личности). Как пишет М. Култаева, «на уровне теоретической рефлексии моральный комплекс идеи университета включает в себя идею свободы, истины как высшего блага и преданного служения науке и человеку как высшим ценностям, а также обществу, гуманизации его. Этот морально-гуманистический комплекс является константой, своеобразным жестким ядром идеи университета» [37, с. 46]. Соответственно,

¹ «Путь чести» (лат.).

диссертация приобрела некоторые несвойственные ей ранее признаки. Особенно это касается диссертационных исследований по гуманитарным наукам, хотя очевидно, что науки находятся в единстве, а гуманитарная составляющая деятельности университета вообще является для него стержневой. Отсутствие свободной дискуссии, монометодология, догматизация подходов в значительной мере подорвали старую диссертационную культуру. Сохранившиеся традиции и ритуалы оказались пустой формой. Ослабление роли государства и утверждение мультипарадигмальности в науке в постсоветский период не привело к возрождению старых смыслов, а лишь усилило негативные процессы, в том числе девальвацию моральных ценностей. Попытки поправить дело путем усиления регламентации оказались неэффективными, научное же сообщество оказалось неготовым взять на себя регулирование этих процессов. Устаревшие государственные механизмы и слабость моральных норм в научной среде в очередной раз поставили вопрос «что делать?»¹. Во-первых, следует признать, что нынешняя система присуждения ученых степеней находится в состоянии кризиса, и что она является диагнозом для всего научного сообщества. Особенно сложная ситуация сложилась в области исторической науки, так подорванным оказался сам статус истории как науки, а профессиональное сообщество оказалось расколотым на множество сегментов и характеризуется внутренней напряженностью и даже конфронтационностью, в том числе идейно-политического свойства (как следствием соединения социокультурных и когнитивных ценностей). Если в советское время был отвергнут такой ценностный идеал науки как нейтральность/беспристрастность, то в наше время подвергаются сомнению, а то и отрицанию, бескорыстие науки и альтруизм ученых, в том числе и в среде самих ученых, а также нерушимость корпоративных правил, что приводит к «замусориванию» сообщества «случайными» людьми. Во-вторых, выход следует искать не на путях усиления бюрократизации диссертационного процесса (внешний фактор), а в области профессиональной этики и норм научного сообщества (внутренний фактор). Последнее подразумевает серьезные изменения в области кадровой политики, создание таких кадровых механизмов, которые бы обеспечивали саморегулирование, самообновление и самоконтроль, а в

¹ Попытка более развернутого ответа на этот вопрос содержится в статье [38].

перспективе определенную консолидацию научного сообщества, а также эффективное взаимодействие с другими сообществами (открытость к диалогу с обществом в целом). Важной в этих условиях видится роль разного рода негосударственных и неформальных объединений ученых. В-третьих, следует понимать, что высокие этические нормы в научно-исследовательской и учебно-педагогической сферах нельзя возродить в одночасье, потребуется немало времени и усилий. Среди прочего, для этого кроме философской и социологической рефлексии (в процессе которой можно сформировать новые идеалы и сформулировать новые смыслы, выработать осознанное отношение к этическим проблемам в научной среде, хотя бы путем утверждения представлений о том, что вненаучные ценности невозможно изгнать из научной деятельности, а «свободный от ценностей» ученый не является идеалом ученого) необходима также и историческая рефлексия, которая позволит не только опереться на традицию и тем самым сохранить необходимую для стабильности сообщества преемственность, но и отобрать наиболее действенные символы, ритуалы, традиции, найти им место в системе современных коммуникаций, при необходимости наполнить новым смыслом, превратив их в средство этической детерминации. Как отметил П. Бурдье, «Именно посредством социализированного тела (т.е. габитуса) и ритуальных практик (частично вырванных из временного контекста с помощью стереотипизации и бесконечного повторения), прошлое продолжает воспроизводиться, пока существует коллективная мифология, относительно независимая от непостоянства индивидуальной памяти» [27, с. 289].

Литература

1. *Алеврас Н. Н., Гришина Н. В.* Диссертационная культура российских историков XIX – начала XX вв.: замысел и источники исследовательского проекта // Мир историка: историографический сборник. Омск, 2010. Вып. 6.
2. *Алеврас Н. Н., Гришина Н. В.* Российская диссертационная культура XIX – начала XX веков в восприятии современников: к вопросу о национальных особенностях // Диалог со временем. 2011. Вып. 36.
3. *Алеврас Н. Н.* Диссертационный диспут как событие и традиция университетского быта второй половины XIX – начала XX века // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XIX веков. Челябинск, 2011.

4. Корзун В. П. От редколлегии // Мир историка: историографический сборник. Омск, 2010. Вып.6.
5. Милуков П. Н. Воспоминания. М., 1991.
6. Цит. по: Füssel M. Ein Käfig voller Narren? Die Universität in karikatur und Satire // Universität im öffentlichen Raum. Schwbe Verlag Basel, 2008.
7. Шлейермахер Ф. Из сочинения «Размышления об университете в немецком смысле» // Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX вв.: Антология. М., 2011.
8. Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009.
9. Сборник постановлений по МНП. СПб., 1864. Т. 1.
10. Пирогов Н. И. Университетский вопрос // Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX вв.: Антология. М., 2011.
11. Иванов А. Е. Ученые степени в Российской империи XVIII – 1917 г. М., 1994.
12. Устав Императорского Московского университета. М., 1804.
13. Галай Ю. Г. Коррупция и кумовство при получении ученых степеней в университетах Российской империи // Юридическая наука и практика: Вестник нижегородской академии МВД России. Нижний Новгород, 2010. №2(13).
14. Кричевский Г. Г. Учёные степени в университетах дореволюционной России // История СССР. 1985. № 2; Иванов А. Е. Ученые степени в Российской империи XVIII – 1917 г. М., 1994; Кричевский Г. Г. Ученые степени в университетах дореволюционной России // Ученые степени в России, XVIII – 1918 г. М.; Ставрополь, 1996. Вып. 1, ч.1.; Климов А. Ю. История создания Положений о производстве в учёные степени в архивных документах Российской империи. Ставрополь, 2005 и др.
15. Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. Л., 1990.
16. Бычков С. П. Диссертация как завершение пути в науку. Особенности научного становления в стенах духовных академий русской православной церкви во второй половине XIX – начале XX в. // Мир историка. Омск, 2010. Вып. 6.
17. Автобиографические наброски В. И. Семевского // Голос минувшего. 1917. №9/10.
18. Стариков Г. Листи Дмитра Багалія до Опанаса Бичкова // Український археографічний щорічник. К., 2010. Вип. 15.
19. Антощенко А. В. Диссертация П. Г. Виноградова // Мир историка. Омск, 2010. Вып. 6.
20. Труды Высочайше учрежденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. СПб., 1903. Вып. 4.

21. Бурдые П. Различение: социальная критика суждения (фрагменты) / пер. с фр. О. И. Кирчик // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. Москва, 2004.
22. Огурцов А. П. Страстные споры о ценностно-нейтральной науке // Лэйси Х. Свободна ли наука от ценностей? Ценности и научное понимание. М., 2001.
23. Жебелев С. Памяти А. Н. Щукарева // Записки Императорского Русского археологического общества. 1901. Т. 12. Вып. 3-4.
24. Готье Ю. В. О. Ключевский как руководитель начинающих ученых (из личных воспоминаний) // В. О. Ключевский: характеристики и воспоминания. М., 1912.
25. Модестов В. И. В Казани и в Киеве (1867 – 1877): отрывок из воспоминаний // Исторический вестник. 1885. Т. 22.
26. Лебедев А. П. Автобиография // Богословский вестник. 1907. июнь.
27. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. М., 2007.
28. Высотский Н. Из далекого прошлого (Воспоминания о студенческих годах в Московском университете) // Вестник воспитания. 1910. № 7.
29. Светлой памяти В. И. Семевского // Голос минувшего. 1916. № 10. – подп. С. М.
30. Виноградов П. Г. Учебное дело в наших университетах // Вестник Европы. 1901. № 10.
31. Вернадский В. И. Разгром // Вернадский В. И. Публицистические статьи. М., 1995.
32. Тимирязев К. А. Новые потребности науки XX века и их удовлетворение на западе и у нас // Тимирязев К. А. Наука и демократия: Сб. ст. М., 1963.
33. Воробьева И. Г. Оппонент В. О. Ключевского Н. А. Попов // Мир историка. Омск, 2011. Вып. 7.
34. Шершеневич Г. Ф. О порядке приобретения ученых степеней. Казань, 1897.
35. Зелинский О. Университетский вопрос в 1906 году // ЖМНП. 1906. Ч. 4.
36. Колеватов Д. М., Соганова Е. Ю. Инструктивно-регулирующая деятельность ВАК: трансляция и закрепление нормативных рамок научного исследования в советский период // Мир историка. Омск, 2011. Вып. 7.
37. Култаєва М. Моральні смисли ідеї університету у контексті досвіду переоцінки «усіх колишніх цінностей» // Покликання університету. К., 2005.
38. Посохов С. И. Диссертация = бюрократическая наука? (заметки по поводу «вечных проблем») // Мир историка. Омск, 2010. Вып. 6.

В. И. МЕНЬКОВСКИЙ**НАЦИОНАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ И ОБЪЕКТИВНОСТЬ
ИСТОРИКА (СЛУЧАЙ БЕЛАРУСИ)**

Резюме: Анализируется состояние социальных и гуманитарных наук во второй половине XX – начале XXI вв. как социального и научного феномена. Рассматриваются эволюция методологических парадигм и оценочных категорий, связанных с ценностными ориентациями культуры и общества.

Ключевые слова: научное сообщество, исторический факт, объективное знание, социальные и гуманитарные науки.

Меньковский В. І. Національна пам'ять і об'єктивність історика

Резюме: Аналізується стан соціальних і гуманітарних наук у другій половині XX – початку XXI ст. як соціального та наукового феномену. Розглядаються еволюція методологічних парадигм і оціночних категорій, пов'язаних з ціннісними орієнтаціями культури і суспільства.

Ключові слова: наукове співтовариство, історичний факт, об'єктивне знання, соціальні та гуманітарні науки.

Menkouski V. National Memory and the objectivity of a historian

Summary: Analyzes the state of social sciences and humanities in the second half of XX – beginning XXI century as a social and scientific phenomenon. Considers the evolution of methodological paradigms and estimates categories related to the value orientations of culture and society.

Keywords: academic community, historical fact, objective knowledge, Social Sciences and Humanities.

Двадцать лет назад прекратил существование Советский Союз. После 1991 г. для национальных историографий новых независимых государств первостепенной стала задача «выстраивания новых национальных историй», смены тех парадигм, которые создавались в советские годы. Поиск национальной самоидентификации сопровождался совершенно естественной критикой предшествующей историографической модели, направленной на доказательство исторической обусловленности совместного существования в рамках единого государства. Историческая наука выполняла как функцию

© Меньковский В. И.

Розділ III**Сучасне наукове співтовариство**

«политики, обращенной в прошлое», так и функцию науки, формирующей будущее.

Однако было бы чрезвычайным упрощением свести изменения в историографическом комплексе лишь к политической (выполнение новой национальной задачи) и организационной (формирование собственной структурной и кадровой базы) составляющей. Изменения совпали по времени со сменой методологических парадигм в гуманитарной науке. Основное внимание переместилось с проблем политической и социальной истории в сферу культурной истории, для которой наиболее важным является анализ дискурса, пространства, визуальных источников.

Современные энциклопедические и справочные издания определяют научное сообщество как совокупность занимающихся наукой людей. Научное сообщество представляет собой сложную самоорганизующуюся систему, в которой действуют и государственные институты, и общественные организации, и неформальные группы. Отличительной чертой этого сообщества является повышенная степень признания авторитета, достигнутого научными успехами, сниженный уровень признания авторитета властного, и более высокая, чем в других социальных сферах, эффективность неформальных групп и особенно отдельных личностей.

Отраслью исследований, изучающей закономерности функционирования и развития науки, структуру и динамику научной деятельности, взаимодействие науки с другими социальными институтами и сферами материальной и духовной жизни общества является науковедение.

Поскольку с одной стороны наука представляет объективное знание, а с другой – процесс его получения и использования людьми, методология историографии науки должна принимать во внимание не только историю мысли, но и историю развития общества в целом. В силу сложности и многозначности любого исторического явления ни одно из них не может быть описано только белой или черной краской. Абсолютно положительной или отрицательной может быть только умозрительная конструкция, но не реальная общественная система. Именно поэтому в общественные науки введено понятие «идеальный тип».

Вопрос заключается в том, является ли приемлемым для историка выделение и отдельное описание событий и явлений вне исторического контекста – описание, которое раскрывает ранее

неизвестные стороны исторического процесса, но не дает адекватного представления или даже затемняет процесс в целом. Вечный вопрос, стоящий перед историками, – это вопрос о взаимоотношении исторического факта, его понимания и оценки.

В определенном смысле все явления уникальны, однако это не означает, что научное обобщение невозможно. В работе «Конструирование социального исследования» справедливо отмечается, что даже самое всестороннее описание, сделанное лучшими специалистами, с детальным пониманием контекста будет резким упрощением и сужением обозреваемой реальности. Ни одно описание, каким бы полным оно ни было, и ни одно объяснение, независимо от количества привлеченных фактов, не может всесторонне передать многообразие мира. Поэтому систематическое упрощение является решающим шагом на пути к полезному знанию [1, р. 219].

Отношение к применению моделей в исторической науке остается дискуссионным. Часть исследователей разделяет антинатуралистический подход, опирающийся на признание принципиальных отличий методов естественных и общественных наук. Сторонник такой точки зрения А. Мейер утверждал, что история, как и обществоведение в целом, является больше искусством, чем наукой [2, р. 108]. При всей внешней парадоксальности и вероятной провокационности утверждений подобного рода следует признать, что разъяснения, даваемые автором, указывают на ряд действительных проблем историографии, отражающих общее состояние социальных и гуманитарных наук.

Например, чрезвычайно важным является внимание к словарю науки, который должен являться точным языком, понимаемым каждым специалистом, использующим его. Реальное положение дел в социальных и гуманитарных науках остается таким, что каждый ученый должен сначала разъяснить (хотя многие и не делают этого), в каком значении он применяет тот или иной термин. Даже многие энциклопедические издания по общественным наукам не являлись и не являются до сегодняшнего дня точным обобщением существующих знаний. Вместо этого они дискутируют по поводу ключевых слов, их истории, различных вариантов использования, систем идей, в которых они применяются, и трудностей оперирования ими.

Невозможно отрицать и тот факт, что история всегда несла в себе оценочные категории, связанные с ценностными ориентациями культуры и общества, к которому принадлежит исследователь. Любая ценностная характеристика всегда субъективна. Уже выбор темы, не говоря об анализе и выводах, предполагает включение шкалы ценностей исследователя в его работу. А. Тойнби справедливо отмечал, что «в каждую эпоху и в любом обществе изучение и познание истории, как и всякая иная социальная деятельность, подчиняется господствующим тенденциям данного времени» [3, с. 14].

Ученые также дискутируют вопрос о том, насколько при историческом исследовании применим дисциплинарный подход или же требуется междисциплинарное изучение региона (т.е. социально-территориальной общности; совокупности социальных, экономических, политических факторов развития территории), и можно ли в социальных и гуманитарных науках соблюсти в этом плане некий баланс интересов своей дисциплины и изучения региона. «В методологии общественных наук и региональных исследований существуют серьезные различия – писала М. Олкотт. Дисциплинарное изучение уделяет большее внимание микроанализу и предпочитает ставить вопрос «почему», а не «как». Региональные исследования фокусируются на макроанализе, опечивающем более универсальные выводы» [4, р. 137].

Направление исследований, определяемое как «микроистория», завоевало чрезвычайную популярность в мировой исторической науке. Термин использовался еще в 1950-1960-е гг., а в конце 1970-х гг. группа итальянских историков сделала термин *microstoria* знаменем нового научного направления, и под этим названием оно стало известно во всем мире. Микроанализ позволял увидеть преломление общих процессов «в определенной точке реальной жизни» [5].

Внимание к реальной жизни, реальному человеку привели историков к социальной истории, к пониманию необходимости написания работ «не о сильных мира сего, а о самых обыкновенных людях своего времени. Им самим предоставляется право голоса, чтобы рассказать о том, как они видели и мыслили себя в бурном потоке событий» [6]. Социальная история рассматривает исторический процесс прежде всего как движение общества вместе со свойственными ему институтами. При этом в центре внимания

стоит человек не сам по себе, а как элементарная клеточка живого и развивающегося общественного организма [6].

Необходимость внимания историка к личным впечатлениям и жизненному опыту «простого человека» подчеркивает и Е. Зубкова. По ее мнению «после того, как социальная история пережила своего рода «бум», уже нет необходимости доказывать, что умонастроения и психологические ориентации людей являются самостоятельным фактором политического или экономического развития, поскольку они влияют на особенности социального поведения и в значительной степени определяют механизм принятия решений, в том числе и во властных структурах» [7].

Однако взгляды на социальную историю, понимание того, что она включает в себя, как соотносится с другими направлениями исторической науки, остаются предметом серьезного спора. Так, Е. Осокина, «опираясь на достижения историографии и неизбежно разделяя недостатки ее современного этапа», ставит вопрос о том, кто делает историю? Власть или общество? Вывод заключается в том, что «абсолютизация власти, ее контроля и влияния на общество не менее опасна, чем абсолютизация самостоятельности общества, его независимости от решений власти. Следует признать обе силы активными участниками исторического процесса. Они, преследуя свои интересы, сосуществуют, взаимодействуют и борются в реальной жизни, которая в итоге представляет результат их взаимных действий» [8].

В конце XX в. широкое распространение в мировой историографии получила «новая социальная история», сторонники которой настаивали на коренном изменении соотношения между социальной историей и историей интеллектуальной, ментальной. Они считали, что история общества и образующих его больших и малых групп не может изучаться в отрыве от истории систем ценностей, форм социального поведения, символов и ритуалов.

Главной и определяющей чертой развития историографии середины XX в., по мнению Л. Репиной, «было движение за аналитическую междисциплинарную историю, обогащенную теоретическими моделями и исследовательской техникой общественных наук, в противоположность традиционной истории, которая рассматривалась исключительно как область гуманитарного знания... Если попытаться кратко сформулировать важнейшие отличительные черты социальной истории как области исторического знания, то, пожалуй, прежде всего, следовало бы

отметить ее удивительную подвижность и способность адаптироваться к радикальным изменениям в динамично развивающейся современной историографии... Своей изменчивостью и восприимчивостью, которые определяли внутреннюю логику развития этой дисциплины в течение нескольких десятилетий и позволили проявить все многообразие возможных форм истории “социального”, она обязана той предельной открытости другим областям знания – исторического, гуманитарного, социально-научного, – которая заложена в самой природе ее интегрального объекта познания» [9].

Рубеж XX-XXI вв. привнес в историографию истории новый импульс «лингвистического поворота». На смену модернизации и структурной социальной истории пришли исследования культурных механизмов, языка и семантики общества [10, с. 199]. Само название «лингвистического поворота» – «постмодернизм» – фиксирует внимание на разрыве с предшествующей исторической традицией. Это направление возникло в исторической науке под влиянием лингвистики и литературоведения. В области исторического знания оно в первую очередь явилось реакцией части интеллектуалов на марксизм и структурализм и ставило перед собой цель освободить творческую индивидуальность от пут и ограничений, налагаемых на нее всякого рода глобальными детерминизмами. Представители этого направления поставили под сомнение привычное понимание исторической истины, а некоторые из них вообще отрицали саму возможность обсуждения подобного вопроса [11].

В интерпретации постмодернистов стиралась грань, отделяющая историческое повествование от художественного. Они считали, что вольно или невольно историк ведет себя подобно писателю: он создает сюжет, которому в той или иной мере подчинены все собранные им данные. Даже в тех случаях, когда историк стремится быть максимально точным в интерпретации событий, они неизбежно, может быть помимо его намерений, превращаются в элементы фабулы, а результаты исследования организуются в связанное и законченное повествование [12].

Проблема сегодня заключается не в том, что историкам не хватает эмпирического материала, хотя, конечно, академическое сообщество приветствовало, приветствует и будет приветствовать расширение источниковой базы. Вопрос в большей степени связан с аналитическими возможностями самой исторической науки. С

нашей точки зрения, следует согласиться с российским исследователем А. Гуревичем, что «историки мы постольку, поскольку можем по-новому трансформировать и интерпретировать материал, проникнуть в такие глубины, таящиеся в исследуемых нами источниках, которые доселе не были изведаны, и по-новому их рассмотреть» [13].

Для профессионального сообщества историков «постсоветского пространства» два фактора представляются наиболее важными в контексте внутринаучных преобразований, кардинально изменивших ситуацию в исторической науке. Во-первых, «архивная революция», начавшаяся после 1991 г. Теперь историки, проводя исследования, могли свободно сочетать возможности предоставляемые данными «устной истории», изучением советской и постсоветской политической культуры с архивными материалами. Во-вторых, смена единственной («единственно правильной») марксистско-ленинской методологии на широкий спектр методологических подходов, применяемых в мировой исторической науке.

Историки оказались в чрезвычайно своеобразной ситуации. Эйфория, связанная с открытием архивов, достаточно быстро стала сочетаться с пониманием того, что историческая наука не в полной мере способна проанализировать этот архивный материал. Среди историков стали усиливаться сомнения в отношении письменного источника как ключевого в понимании исторического события, как инструмента который «покажет то, что действительно произошло», как это было сформулировано основоположниками теории историзма. Письменный источник скорее показывает позицию его автора, чем реальный ход событий, и многие исследователи стали анализировать дискурс в том понимании, которое было предложено французским философом М. Фуко, и использовать такие источники как дневники, письма, мемуары для реконструкции мышления, менталитета определенного исторического периода. Методологические изменения не могли не коснуться и историографии истории сталинизма. Здесь историки также сфокусировали внимание на культурной истории, языке и анализе дискурса¹.

¹ Постмодернистский анализ советской субъективности // Меньковский В. И., Уль К., Шабасова М. А. Советский союз 1930-х гг. в англоязычной историографии — М., 2012. (готовится к изданию).

Конечно, историк не в состоянии проверить свое знание опытным путем, поскольку объект его знания всегда находится в прошлом, и ученый имеет дело только с ее следом — историческим фактом. Исследователь также не может избавиться от своего знания последующих исторических событий и в соответствии с этим неизбежно корректирует отношение к свидетельствам современников того или иного события. Таким образом, исторический факт выступает в трех качествах — как реальность прошлого, как реальность прошлого, отраженная в источниках, и как результат научной интерпретации реальности прошлого, отраженной в источниках

В случае Беларуси изменения в историографическом комплексе были связаны со сменой методологических парадигм в гуманитарной науке, политической (выполнение новой национальной задачи) и организационной (формирование собственной структурной и кадровой базы) составляющими. Видение прошлого в конечном итоге определялось исторической ситуацией, в которой работает историк.

Открываем любой белорусский учебник по истории. Там есть всем известная формулировка — «Беларусь находится на границе востока и запада». Как мы всегда определяли, где для Беларуси восток, а где запад? Запад — это западноевропейская цивилизация, восток — восточнославянская. Мы никогда не выходили за пределы этого понимания востока. Сегодня в рамках евразийской интеграции мы переносим понятие "восток" значительно дальше. Мы уже начинаем себя позиционировать как границу между западноевропейской цивилизацией и восточной. Слово "славянской" исчезает. То есть, мы уже говорим, понимая другой восток.

Для белорусского общества сегодняшняя ситуация представляется чрезвычайно сложной. Ее можно охарактеризовать как кризис самоидентификации и момент цивилизационного выбора. И белорусская власть, и белорусское общество не могут четко определить свое положение между востоком и западом, между Россией и Европой. Соответственно, сложно формулируется и отношение к бывшей (а возможно и будущей) империи, ее истории и перспективам. Мы граждане Беларуси, но одновременно входим в союзное государство. У нас два официальных языка и при этом языком имперским (русским) пользуется большинство населения как языком повседневного общения.

Для России идея такого выбора, идея самоидентификации на протяжении последних двух десятилетий также была одной из самых главных. Эта страна всегда искала ответ, с кем она, с востоком или с западом. И ответ на этот вопрос мы получили совсем недавно: это евразийство. Термин "империя" в последние годы в устах российских историков, общественных деятелей, политиков стал постепенно утрачивать негативный смысл. Более того, он в последнее время употребляется с положительным смысловым оттенком.

Бывшая (будущая?) империя, т.е. Россия, является для Беларуси главным геополитическим фактором и любые внутрироссийские события становятся значимыми событиями нашей внутренней жизни. Как белорусское общество в целом, так и белорусское историческое сообщество в частности, будут относиться к имперской истории и позиции «центра», зависит в большей степени от этого самого «центра». Белорусская «периферия» скорее объект, чем субъект в этой ситуации.

Евразийский (имперский) проект, который сегодня находится в стадии реализации, заставляет задуматься, в каком качестве в нем участвует Беларусь. Это тактический ход, направленный на исправление сложившейся сегодня экономической ситуации, средство выхода из экономического кризиса или долговременное объединение? Если первое, то здесь все понятно. Беларусь старается использовать любую возможность выхода из кризисной экономической ситуации. Но если этот проект стратегический, в котором мы должны сделать выбор между востоком и западом в пользу востока, это уже совершенно иная постановка вопроса, а, следовательно, и совершенно иное отношение к национальной памяти и ее исторической составляющей.

Литература

1. King G., Keohane R., Verba S. Designing Social Inquiry: Scientific Inference in Qualitative Research. Princeton, 1994.
2. Meyer A. Comparative Politics and Its Discontents: The Study of the USSR and Eastern Europe // Political Science and Area Studies: Methodology and Empirical Theory: Rivals or Partners? Bloomington, 1975.
3. Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1991.
4. Beyond Soviet Studies. Washington; Baltimore, 1995.

5. Кром М. М. Историческая антропология. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.eu.spb.ru/history/reg_hist/posobie.htm. Доступ – 2.03.2012 г.
6. Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М., 1998.
7. Зубкова Е. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 2000.
8. Осокина Е. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1998.
9. Репина Л. П. Парадигмы социальной истории в исторической науке XX столетия // XX век: Методологические проблемы исторического познания. М., 2001.
10. Глебов С., Могильнер М., Семенов А. The Story of Us: Прошлое и перспективы модернизации гуманитарного знания глазами историков // НЛЮ. 2003. № 2.
11. Гуревич А. Я. Историк конца XX века в поисках метода. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tuad.nsk.ru/~history/Author/Russ/G/GurevichAJa/metod.html>. Доступ – 2.03.2012 г.
12. Гуревич А. Я. «Территория историка». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tuad.nsk.ru/~history/Author/Russ/G/GurevichAJa/territoria.html>. Доступ – 2.03.2012 г.

О. С. МОРОЗОВА

ЕТИЧНІ ПРОБЛЕМИ В НАУКОВИХ ДОСЛІДЖЕННЯХ: ПОЛЬСЬКИЙ ДОСВІД ТА ШЛЯХИ ЙОГО ЗАСТОСУВАННЯ В УКРАЇНСЬКИХ РЕАЛІЯХ

Резюме: Здійснено спробу проаналізувати основні проблеми, з якими зіткнулася наукова спільнота Республіки Польща в період трансформації 1990-х років і на початку XXI століття. Виявлено основні критерії етики вченого, що запроваджено польськими колегами під час вступу держави до Європейського Союзу. Відзначено важливість польського досвіду для наукового загалу України.

Ключові слова: етичні норми, наука, етика науковця.

Морозова О. С. Проблемы этики в научных исследованиях: польский опыт и пути его использования в украинских реалиях.

Резюме: Осуществлено попытку анализа основных проблем, с которыми встретилось научное сообщество Республики Польша в период трансформации 1990-х годов и в начале XXI века. Определено основные критерии этики ученого, которые внедрены польскими коллегами во время вступления государства в Европейский Союз. Указано большое значение польского опыта для научного сообщества Украины.

Ключевые слова: этические нормы, наука, этика учёного.

Morozova O. S. The ethics problems in the scientific researches: the Polish experience and the ways of its using in the Ukrainian reality.

Summary: It was attempted to analyse the basic problems that the scientific association of Poland Republic ran across with in the period of transformation of the 1990th and at the beginning of the XXI century. The basic criteria of scientist's ethics are deduced, that were entered by the Polish colleagues during the state's coming into the European Union. It is marked the importance of Polish experience for the scientific society of Ukraine.

Keywords: ethic norms, science, ethics of scientist.

Людство давно звернуло увагу на певні діалектичні суперечності, які час від часу виникають між наукою та мораллю. Так, ще Аристотель застерігав: «Хто рухається вперед у науках, але відстає в моралі, той більше йде назад, ніж уперед» [1]. Наукова етика перестала бути суто внутрішньою проблемою співтовариства
© Морозова О. С.

вчених, її стан – одна із важливих характеристик морального здоров'я і навіть життєздатності суспільства.

Питання достовірності наукового результату та підтвердження авторства вченого, який отримав цей результат, завжди залишалися актуальними для світового наукового співтовариства. Так, наприклад, Американською політологічною асоціацією та Американською соціологічною асоціацією розроблено правила поведінки під час виконання емпіричних досліджень та кодекс честі, якого необхідно дотримуватися тим ученим, перед якими під час дослідження постають проблеми етичного характеру. Принципи цього кодексу, які поширюються в основному на взаємини між дослідником і суб'єктами дослідження, можемо віднести до наступних змістовних розділів: «Об'єктивність дослідження», «Цілісність дослідження», «Повага до особи досліджуваного», «Захист від особистих посягань», «Гарантія конфіденційності дослідницьких даних», «Правильне розуміння ролі дослідника», «Співпраця і допомога в ході дослідження», «Джерела фінансової підтримки», «Відсутність тиску з боку спонсора на характер дослідження».

Взаємини у науковому співтоваристві, боротьба з плагіатом, прозорість в отриманні коштів турбують і європейських дослідників. За стандартами Євросоюзу значна увага приділяється проблемі етичних норм дослідницької праці. 11 березня 2005 року опубліковано Європейську карту науковця і кодекс заходів щодо підготовки нового покоління вчених. Цей документ визначив ключові підходи до наукової праці в державах Європейського Союзу на засадах, що склалися в англосаксонських країнах. Достатньо активно розробляють проблематику етики науковця польські колеги. Адже, час від часу, медіа сусідньої країни інформують про «патології» навколо розподілу фінансів на наукові дослідження. Зазначимо, що в Республіці Польща ще на шляху вступу до Європейського Союзу, в 1990-х роках, були здійснені певні кроки щодо активізації наукових досліджень і впровадження більш справедливих підходів при фінансуванні наукових програм. Зокрема, ліквідовано Комітет наукових досліджень і запроваджено систему наукових грантів. Закони про наукові ступені й вищу школу дали змогу дещо подолати анахронізми. Однак, не до кінця була провітрена та «затхла атмосфера», що панувала у вищих навчальних закладах і наукових інститутах ще в часи ПНР [3, с. 6]. Не є таємницею, що польську науку в 1990-х роках охопила й

плагіатофобія. Розвиток нових технологій зробив актуальною проблему боротьби з поширенням плагіату.

Лише підготовка до вступу та вступ Республіки Польща до Європейського Союзу прискорив процеси наведення порядку в організації науково-дослідної роботи, сприяв запровадженню етичних норм, які були прийняті в західноєвропейському науковому співтоваристві. Комісія Сенату Республіки Польща з питань науки і міжнародної співпраці, за допомогою академічної спільноти, опрацювала етичний кодекс вченого під назвою «Dobre obyczaj w nauce. Zbiór zasad i wytycznych», який був опублікований у 2001 році. Вищі навчальні заклади сусідньої країни розробили і впровадили власні «кодекси честі науковця». Так, 23 червня 2003 року сенатом Ягеллонського університету був прийнятий «Akademicki kodeks wartości». 25 травня 2004 року при Міністерстві науки і спорту створено Zespół Etyki w Nauce. Комітет етики в науці Польської академії наук опублікував збірник під назвою «Dobre obyczaj w nauce», який витримав вже декілька видань. У свою чергу на засіданні «Об'єднання польських ректорів» 26 квітня 2007 року було схвалено кодекс «Dobre praktyki w szkołach wyższych» [2]. У ньому знайшли відображення багаторічні напрацювання як вчених окремих університетів, так і різноманітних наукових інституцій Польщі.

У дискусіях, які точаться після появи вищезазначених кодексів, нерідко піддається сумніву твердження про те, чи зможуть схвалені документи змінити негативну ситуацію в науковому середовищі. Засадами для визначення найпоширеніших закидів і докорів порушень етики, що зустрічаються у швидкозростаючому середовищі вчених і наукових працівників, стала необхідність запровадження рамкових вимог, які охоплювали б різні проблеми, пов'язані з дослідницькою діяльністю, з метою надання науці авторитету (science integrity) і достовірності. Неправдиві наукові результати є не тільки шкідливими (в моральному сенсі), але й завдають матеріальних збитків. Вони шкодять як науці, так і спричиняють регрес суспільного життя, розпалюють емоції або породжують безпідставні сподівання.

У вищих навчальних закладах, відповідно до їхніх статутів, функціонують дисциплінарні комісії і уповноважені ректором особи, які опікуються дотриманням етичних норм. Втім, як зазначає Є. Вечорек: «На жаль, немає даних стосовно досягнень таких комісій у питаннях подолання недоліків, у тому числі й плагіату»

[3, с. 76]. На думку польських дослідників, необхідною умовою, яку потрібно виконати аби пришвидшити процес подолання недоліків у науковому середовищі, є «створення інстанції, яка стояла б на сторожі дотримання етичних засад, мала для того відповідну кваліфікацію і компетенцію, а також відповідні юридичні повноваження... Щоб нові підходи в науці функціонували не тільки на папері, але і на практиці, для наукового товариства запропоновані етичні норми для членів відповідних комісій:

1. Член комісії з етики має дотримуватися етичних норм, виконання яких вимагає від інших, власне у процесі, коли є співавтором тих вимог.

2. Член комісії з етики зобов'язаний завжди реагувати, використовуючи надані йому повноваження, коли отримує інформацію про невиконання етичних норм.

3. Член комісії з етики зобов'язаний дбати аби в його оточенні випадки недотримання етичних норм у науці були оприлюднені і розглянуті відповідно до регламенту комісії.

4. Член комісії має особливі повноваження для підтримки осіб, які звертають увагу на недотримання етичних норм у науці, оприлюднення тих, хто такими нормами в науковій праці нехтує (особливо тоді, коли за ті починання гідні найвищого схвалення, є дискриміновані чи навіть переслідувані).

5. Замовчування неетичних вчинків, особливо тих, які стосуються наукової верхівки, є несумісне з членством у комісії з етики.

6. Член комісії не може вести мову про ненавмисні дії, коли підтримує подання на нагороди і номінує тих, які не дотримуються добрих звичаїв.

7. Засади підтримки інтересів колективу за рахунок інтересів загалу не сумісні з перебуванням у комісії з етики.

8. Член комісії має розглядати факт, що немає таких недостойних вчинків, які б не можна було б присікти» [3, с. 77-78].

Без дотримання таких вимог етичного кодексу неможливо нічого домогтися. Тому повинна наступати дисциплінарна відповідальність вченого за недостойні вчинки, які несумісні з його титулами та становищем. На думку польських колег, більш активному запровадженню норм наукової етики заважають:

- феодальна структура науки;
- відсутність справжніх конкурсів при зайнятті академічних посад (це питання покликаний вирішити новий закон про

вищу школу, що запроваджується з вересня поточного року – О. Морозова);

- формування наукової кар'єри в тому самому осередку – «своя людина»;
- непотизм;
- відсутність (розмитість) академічних стандартів;
- неісдатність (відсутність повноважень) етичних комісій [3, с. 79].

На переконання Є. Вечорека вирішення цих проблем можливе при запровадженні незалежного від керівництва закладів органу, що розв'язував би конфлікти в академічному середовищі [3, с. 89].

Не стоять осторонь проблем етики вченого й українські науковці. Центр досліджень науково-технічного потенціалу та історії науки ім. Г. М. Доброва НАН України і громадська організація «Українська федерація вчених» винесли на обговорення проект Кодексу наукової етики [4, с. 31-37], в якому зроблено спробу узагальнити світовий досвід та практику розв'язання етичних проблем у науці. У вступі до цього документу йдеться: «Кожен науковець, який свій життєвий шлях пов'язав з науковою діяльністю, спрямованою на створення та прогрес знань за допомогою наукових методів, для досягнення високих наукових результатів має дотримуватися певних принципів поведінки в науковому співтоваристві, що визначаються сукупністю морально-етичних цінностей, притаманних цьому виду творчої праці. Їх зміст склався історично й уточнюється та вдосконалюється самою науковою спільнотою відповідно до умов сучасності, що обумовлено виникненням нових етичних проблем у науці, пов'язаних із суспільними трансформаціями. В узагальненому та систематизованому вигляді принципи поведінки науковця з точки зору морально-етичних цінностей становлять своєрідний “Кодекс наукової етики”» [5, с. 2].

У наукових колах циркулюють й інші проекти: у Львові, приміром, видано переклад «Кодексу честі науковця», розробленого Етичним комітетом Польської академії наук [6]. Свій посильний внесок у постановку та розробку проблеми внесли А. Наумовець та М. Находкін [7]. Таким чином, вітчизняна наукова спільнота не тільки визнає гостроту даних проблем для України, а й прагне долучитися до їх розв'язання. Свідченням цього є долучення українського наукового співтовариства до європейських і регіональних програм, зокрема розширення співпраці з польськими колегами.

Отже, наука є невід'ємною складовою суспільства. Вона змінює суспільство, але одночасно і суспільні процеси впливають на науку. Тому, піднімаючи питання етичних норм у суспільному житті, загалом вправі вимагати від наукового співтовариства дотримання загальноприйнятих норм моралі та корпоративних етичних засад. Світовий досвід загалом і досвід польських колег зокрема у дотриманні сучасних стандартів етичних норм у науковому середовищі гідний уваги й наслідування.

Література

1. *Аристотель. Этика* / пер. Н. В. Брагинской, Т. А. Миллер. М., 2002.
2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://jwieczorek.salon24.pl/157222,czy-nauka-polska-etyka-stoi-czy-lezy>
3. *Wieczorek J.* Drogi i bezdroża nauki w Polsce. – Kraków, 2008.
4. *Кодекс наукової етики* // Наука та наукознавство. 2005. № 3.
5. *Кодекс наукової етики*. Проект. К., 2005.
6. *Кодекс честі науковця, або етичні норми та добрі манери у науці* / Пер. з польської, Етичний комітет Польської академії наук. Львів, 2003.
7. *Наумовець А., Находкін М.* Проблеми сучасності і мораль науковця // Вісник НАН України. 2006. № 5.

Т. В. ПОРТНОВА

PROFESSION OBLIGE: У ПОШУКАХ ЕТИЧНОГО КОДЕКСУ ІСТОРИКА

Резюме: У статті розглянута закордонна практика кодифікації етичних норм для професійних істориків, її основні стратегії та специфіка змісту. Проаналізовано уявлення про сфери професійної відповідальності, базові професійні цінності та обов'язки, задекларовані у писаних етичних кодексах об'єднань істориків.

Ключові слова: професійна етика, кодекс честі історика, етична відповідальність історика.

Портнова Т. В. Profession oblige: в поисках профессионального кодекса историка.

Резюме: Статья посвящена иностранной практике кодификации этических норм для профессиональных историков, её основным стратегиям и специфике содержания. Проанализированы представления о сферах профессиональной ответственности, базовых профессиональных ценностях и обязанностях, задекларированных в письменных этических кодексах объединений историков.

Ключевые слова: профессиональная этика, кодекс чести историка, этическая ответственность историка.

Portnova T. V. Profession oblige: in search of historian's code of honour.

Summary: The article describes existing foreign ethic codes for professional historians, strategies of their creation and peculiarities of content. Views on spheres of professional responsibility, core professional values and obligations, fixed in them, are analyzed.

Keywords: professional ethics, code of honour for historians, ethical responsibility of historian.

Дана стаття не претендуватиме дати відповідь на винесене на конференційне обговорення запитання: «Чи можливий і потрібний кодекс честі історика?». Вона має скромніше завдання – переважно інформативне, тому автор заздалегідь перепрошує за подальше розлоге цитування. Якщо у вітчизняному просторі професійні етичні норми для істориків залишаються некодифікованими, (що в принципі не заважає у дискусіях, а ще частіше у критичних виступах посилатися на бажані стандарти без необхідності © Портнова Т. В.

особливих пояснень), то для професійних об'єднань істориків за кордоном практика декларувати етичні вимоги до професії є доволі поширеною. Видається, що розгляд цих статутно зафіксованих професійних етичних норм може дати певні підказки і щодо можливостей створення універсального «кодексу честі».

Професійну етику традиційно сприймають в першу чергу як етику колективну. Підтримка честі професії (менш пафосно – її репутації) вважається передусім справою самої професійної спільноти, як і окреслення еталонної та неприпустимої професійної поведінки. Наявні кодифіковані етичні норми у більшості випадків створені об'єднаннями істориків (переважно національними за своїм характером), і створені впродовж останніх 10 років. Структурно вони зазвичай зводяться до двох варіантів – стислої декларації прикладних професійних правил або пошуку спільних базових цінностей (core values), що складають основу професійного самоусвідомлення усіх істориків, незалежно від обраної сфери самореалізації (від академічних дослідників до істориків, що працюють у громадських організаціях чи є штатними істориками корпорацій). Не претендуючи на вичерпність, дозволю собі зупинитися на кількох прикладах обох типів¹.

«Положення про етику» Королівського Історичного Товариства (Великобританія) (Royal Historical Society Statement on Ethics) [7], прийняті у 2004 р., вирізняє стислість, конкретність та прагматизм. Такий підхід до певної міри обумовлений бажанням в першу чергу оговорити ті етичні ситуації, коли може виникнути потреба правового вирішення конфліктів довкола професійної поведінки. Бажані найвищі професійні стандарти, еталоном яких є в першу чергу компетентний та відповідальний експерт, викладені у 14 пунктах. Хоча у документі вони не згруповані, умовно їх можна звести до кількох груп вимог:

- інтелектуальної (дослідницької) чесності, яка передбачає: обізнаність з кращими практиками використання і оцінки доказів [оговорюється, що особливо це важливо, оскільки історик може виступати на суді в якості свідка-експерта]; уникання плагіату, фабрикації, фальсифікації та обману у пропонуванні, проведенні і звітуванні про результати досліджень; чесність, наприклад при

¹ Добірку професійних етичних кодексів для істориків можна переглянути: Network of Concerned Historians: Codes of ethics for historians // http://www.concernedhistorians.org/content/ethichist_print.html.

визначенні власної упередженості та у кваліфікаційних справах; відкрите зазначення будь-яких інтересів, зокрема фінансових, що впливають на професійне життя; найретельніший підхід до процедури цитування джерел.

- скрупульозності у справах авторських прав, інтелектуальної власності та етичних та правових колізій, пов'язаних з використанням архівів і колекцій, а також увага до питань збереження матеріалів, які історики використовують і продукують.

- вимоги щодо корпоративної етики: потреба акуратно та чесно представляти власні академічні здобутки; належним чином зазначати одержану допомогу (фінансову, у доступі до джерел тощо) та висловлювати подяку; розповідати про будь-який конфлікт інтересів, наприклад, особі слід відмовитися від рецензування роботи, якій вона особисто зобов'язана або до якої відчуває неприязнь.

- вимоги коректності: виявляти особливу обережність, коли у дослідженні йдеться про ще живих.

Доволі поширеною формою укладання професійних етичних кодексів є визначення сфер професійної відповідальності історика і формулювання вимог щодо кожної з них. Таким чином, наприклад, побудовані «Норми практики» Асоціації професійних істориків Нової Зеландії (Professional Historians' Association of New Zealand, "Code of Practice", 1998) [6]. Подібна структура здатна вказати певні ієрархічні пріоритети. Тут, зокрема, на першому місці відносно інших відповідальностей (перед професією, суспільством та тими, хто надає інформацію) окреслена відповідальність перед клієнтом (щодо компетентного підходу, ретельності досліджень та вимоги «викладати свої відкриття точно, швидко і у спосіб, який відповідає інтересам вашого клієнта, професії та суспільства» тощо. Другою йде відповідальність перед тими, хто надає інформацію та матеріали (дотримання прав інтелектуальної власності, повага до прав, власності та бажань інформанта, відповідальність за точність цитування інтерв'ю тощо). Відповідальність перед історичною професією зосереджується на проблемах професійного рівня, професійного спілкування та дбайливого ставлення до джерел.

Зазвичай у етичних кодексах спеціально зазначається, що вони не претендують на обов'язковість і нормативність, лише описуючи бажані стандарти. Цікавим винятком є документ Асоціації Професійних Істориків у Австралії [2] (основний текст прийнятий у 2001 р., пізніше внесений ряд коригуючих змін), дотримання

положень якого визначається умовою членства у організації. Відповідно правом призначати санкції за порушення наділена Рада Асоціації Професійних Істориків Австралії.

Головними обов'язками істориків названі дотримання правових вимог до їхньої діяльності, висловлювання та писання «об'єктивно і правдиво та на підставі належних досліджень», опікування професійним зростанням, повага до стилю, підходів та інтерпретацій колег, обов'язкове зазначення авторства при використанні чужих ідей, відповідальність перед суспільством. Найбільше пунктів присвячено стосункам з клієнтами, зокрема окремо підкреслена неприпустимість хибного представлення здобутків дослідницьких проектів, а також необхідність негайно повідомляти клієнта у випадку конфлікту інтересів між клієнтом та суспільством і докласти усіх зусиль до його розв'язання.

Зі згаданих етичних кодексів зрозуміло, чому професійну етику ще називають прикладною. Зазвичай тут йдеться не так про ідеальний «кодекс честі», як про своєрідний кваліфікаційний стандарт, дотримання якого до того ж убезпечнює від ризиків правової відповідальності. За такого підходу міркування про специфіку етичного у роботі історика нерідко залишається за лаштунками (що, звісно, зовсім не є свідченням їхньої відсутності).

Друга стратегія складання професійних етичних норм, до певної міри інтелектуально провокативніша, є менш поширеною. Прикладом розлогого документу, де детально описані різні сфери професійної самореалізації історика та можливі у них етичні конфлікти можуть бути «Положення про стандарти професійної поведінки» (Statement on Standards of Professional Conduct) Американського Історичного Товариства (American Historical Association) [1], оновлена версія 2005 року. Дозволю собі не зупинятися на вимогах щодо викладання, надання експертної точки зору, добору кадрів, поваги авторства та неприпустимості плагіату тощо, які загалом не є специфічними. Найцікавішою є спроба авторів визначити базові професійні цінності для спільноти істориків, які вирізняють історика-професіонала від людей, які цікавляться минулим, та які є основою професійної репутації та підставою суспільної довіри до фаху. Кожну позицію у документі розписано детально, але квінтесенцією є: «Історики повинні чесно робити своє ремесло. Вони повинні шанобливо ставитися до історичного джерела. Вони повинні зазначати власні джерела. Вони повинні зазначати свій борг перед працями інших істориків. Вони

повинні поважати і вітати різні точки зору, навіть коли сперечаються з ними і піддають їх критичному дослідженню. Вони повинні пам'ятати, що наша колективна справа залежить від спільної довіри. І вони ніколи не повинні зраджувати правду».

Зрозуміло, що найцікавішим видається останнє положення. Воно розшифровується зверненням до професійної конкретики: історик має усвідомлювати власну можливу упередженість, бути готовим оприлюднити власні джерела та докази, максимально ретельно викладати власні знахідки і не приховувати свідчення, що суперечать їхній інтерпретації тощо. Теза про неприпустимість свідомого спотворення відомостей про минуле співіснує з поміркованим релятивізмом: «... сама природа нашої дисципліни передбачає, що історики також розуміють, що усе знання перебуває у просторі і часі, що усі інтерпретації відбивають точку зору, і що жоден смертний розум не здатен сягнути усезнання... Більше того, різні люди, чий минулі життя ми прагнемо зрозуміти, мали часто дуже відмінні погляди на своє життя – і від нашого бачення також... Численні, конфліктуючі перспективи – це правди історії».

Проект міжнародного етичного кодексу істориків запропонував на професійне обговорення нідерландський історик, фахівець із сучасної історії, засновник та координатор міжнародної *Network of Concerned Historians* Антуан Де Бетс у 2009 р. [3]. Йдеться про 20 статей, що за характеристикою самого автора, намагаються поєднати професійно-етичну класику з новими вимогами часу та висловити розуміння 4 підставових професійних цінностей: свободи та чесності (для істориків), поваги (для тих, кого вони вивчають) та ретельного і методологічного визначеного пошуку історичної правди (як результат взаємодії між істориками та іншими). На відміну від попередньо згаданих документів, цей проект за задумом автора не має бути суто внутрішнім документом і міг би інформувати усіх зацікавлених про професійні стандарти істориків.

Не маючи змоги ретельно описати цей дуже цікавий проект, дозволю собі процитувати кілька підставових статей для розкриття його змісту і стилістики.

Де Бетс пропонує не уникати вживання відносно рідкісного у лексиконі сучасних істориків поняття «історична правда» та наголосу на відносності будь-якого знання про минуле. «Стаття 10. Чесність є моральною основою роботи історика. Наміром істориків повинен бути чесний пошук історичної правди, навіть якщо вони

усвідомлюють, що їхнє знання є тимчасовим та помилковим, і навіть якщо існують обмеження до такого пошуку, описані у статті 9 «Повага» [йдеться про повагу до прав чи репутації інших, захист національної безпеки та громадського порядку, чи суспільного здоров'я чи моралі]. Історики завжди повинні чинити опір зловживанню історією (її використанню з наміром обманути) і безвідповідальному використанню історії».

Серед умов, необхідних для максимально можливого об'єктивного зображення минулого, названі: «Стаття 13. Історики повинні відзначатися критичним ставленням та використовувати метод, заснований на: (1) точності (прозорості; повазі до доказів та аргументації; контролі за упередженістю та анахронізмами; об'єктивності) на рівні констатації факту та опису, та (2) достовірності на рівні висловлювання точки зору та аналізу. Історикам слід бути відвертими щодо своїх поглядів на минуле і вказувати назви інституцій чи осіб, від яких вони залежать. Їм слід прагнути політичної, ідеологічної та інтелектуальної незалежності і максимально можливої фінансової незалежності від уряду та спонсорів».

Реакцією на новітні дискусії у межах дисципліни та зовнішній суспільний тиск є включення до проекту окремої розлогої статті, присвяченої моральним судженням, що намагається поєднати традиційне розуміння покликання історика з новими запитами до нього (ст. 15): «Історикам слід бути чутливими до висловлюваних ними прихованих моральних оцінок. Як частина їхнього права на мовчання, історики мають повне право не наводити власних виразних моральних оцінок минулого. Водночас, їм варто дозволити висловлювати такі виразні моральні оцінки предметів свого вивчення, за умови, коли вони мають достатню фактичну базу, є розсудливими та справедливими, і це є внеском до суспільних дискусій на історичні теми. У таких оцінках історикам слід завжди чітко розрізняти цінності сучасників досліджуваної епохи, свої власні цінності та цінності, втілені в універсальних стандартах прав людини. Хоча історики не зобов'язані висловлюватися з приводу відповідальності та провини історичних осіб або виводити з минулого моральні уроки, у випадках злочинів, які не мають терміну давності, таких як геноцид, злочини проти людяності, та військові злочини, їм слід спробувати, згідно своїм можливостям, викласти низку обґрунтованих оцінок».

Підсумовуючи, видається важливим вказати на кілька підставових моментів. Величезна увага до регламентації неприпустимого у професійній поведінці, яка присутня в усіх описаних етичних регламентаціях, першою впадає у вічі, хоча, звичайно, не повинна дивувати. Бо одним з головним призначень кодифікації професійної етики завжди був колективний опір нефаховості. Водночас повсюдна присутність застережень проти плагіату, маніпулювання підбором джерел, неприпустимості брехні у резюме (як окремо відзначається у програмовому документі Американського історичного товариства: історики «повинні виявляти таку саму точність та чесність при описі своїх здобутків, які професія вимагає застосовувати до історичних досліджень») чи звітах по проектах власне виказує поширеність подібних практик. Зрештою, і в українському академічному середовищі зростання уваги до проблем етики історичних досліджень відбувається зараз не тільки і не стільки через так званий «етичний поворот», а радше як протидія поширенню поведінки, що відверто ганьбить фах. Подібним чином виразно свідчить про нагальні турботи професійної спільноти і повсюдне наголошення на необхідності академічної солідарності, коректності оцінок колег, неприпустимості перенесення особистих конфліктів у площину наукових дискусій, і загалом стосунки з колегами постають чи не головним етичним мінним полем професії¹.

Водночас вочевидь справа не лише у потребі захисту від професійного недбальства. Навіть безвідносно змісту, багато про що говорить сам нещодавній час появи (або оновлення) описаних етичних стандартів. Самоочевидні та незаперечувані етичні норми зазвичай не потребують спеціальної фіксації, потреба у ній виникає, коли бачення «доброго» і «поганого» розмивається або виникають кілька конкуруючих розумінь. Спрощено кажучи, за умов панування позитивістських ідеалів нагадувати професійним історикам про необхідність пошуку правдивих та виважених відомостей про минуле видавалося б принаймні дивним. Можна припустити, що потяг до кодифікації етичних норм істориків є своєрідною відповіддю на епістемологічні виклики, що поставили під сумнів традиційне сприйняття природи історичного знання та відповідно можливостей та функцій людей, які його створюють, захисною реакцією на дисциплінарну кризу. У більшості описаних

¹ Автор вдячна за образ Євгену Чернову.

документів йдеться передусім про спротив тотальній релятивізації, яка підважує самі основи дисципліни.

При цьому частині описаних професійних етичних кодексів притаманна обережність рефлексії щодо специфіки продукування саме історичного знання та етичної відповідальності саме історика. Під багатьма їхніми положеннями ладна підписатися будь-яка людина, що зараховує себе до представників інтелектуальної праці, безвідносно спеціалізації. До певної міри, це є проявом тенденції ставити знак рівності між поняттями «етично відповідальний історик» та «етично відповідальний інтелектуал», окресленої рядом авторів спеціального, присвяченого історичній етиці історика, випуску часопису "History and Theory" (грудень 2004 р.). Особливо за умов, коли традиційні чесноти історика – безсторонність, уникання моральних вироку, опис минулого у його власних поняттях, непідпорядкування сучасним суспільним очікуванням частіше зазнають критики з точки зору загальної етики [4, с. 59–60], від історика дедалі частіше очікується продукування експертного знання, у конкретному випадку – знання про минуле, а при описі суспільної відповідальності найчастіше згадується компетентне висловлювання професійної думки на суспільний запит. У більшості випадків пріоритетною відповідальністю визнається відповідальність перед сучасниками: щодо почуттів інформанта, коректності характеристик, неприпустимості дискримінаційних висловлювань тощо; тоді як вимогу поважати гідність мертвих знаходимо лише у проекті міжнародного професійного етичного стандарту.

Прикладний характер частини описуваних документів можна пояснити не лише пануванням прагматичного розуміння професії чи жорсткішими правовими вимогами до будь-якого писання у країнах, де вони створені. Професійні норми, грубий порушник яких втрачає право називатися фахівцем, зафіксувати можливо, і наразі дедалі більше представників академічної спільноти говорять про потребу їхньої чіткої кодифікації і навіть визначення потенційних санкцій за відступ. Водночас однозначно, без численних обмовок та застережень, нормувати розуміння професійного покликання історика у захопленому релятивізмом світі стає дедалі складніше.

Література

1. *American Historical Association, Statement on Standards of Professional Conduct*. [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://www.historians.org/pubs/free/ProfessionalStandards.cfm>. Доступ – 10.04.2012.
2. *Code of Ethics and Professional Standards for Professional Historians in Australia*. [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://www.historians.org.au/acpha/bm~doc/code-2.pdf>. Доступ – 10.04.2012.
3. *De Baets Antoon, A Code of Ethics for Historians (proposal)* // Antoon De Baets, *Responsible History*. – New York/Oxford: Berghahn Books, 2009. Р. 188-196. [Електронний ресурс]. Режим доступу: http://www.concernedhistorians.org/content_files/file/et/148.pdf. Доступ – 10.04.2012.
4. *Jenkins Keith*. Ethical Responsibility and the Historian: On the Possible End of a History "of a Certain Kind" // *History and Theory*. 2004. Vol. 43. No. 4.
5. *Network of Concerned Historians: Codes of ethics for historians*. [Електронний ресурс]. Режим доступу: http://www.concernedhistorians.org/content/ethichist_print.html
6. *Professional Historians' Association of New Zealand, Code of Practice*. [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://www.phanza.org.nz/content/code-practice>. Доступ – 10.04.2012.
7. *Royal Historical Society Statement on Ethics*. [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://www.royalhistoricalsociety.org/aboutus.php>. Доступ – 10.04.2012.

Є. Г. СІНКЕВИЧ**ПРОБЛЕМА НАУКОВОЇ ШКОЛИ В ІСТОРІОГРАФІЇ
ТА ЕТИКА ВЗАЄМИН**

Резюме: Здійснено аналіз трактування поняття «наукова школа» в українській та закордонній історіографії. Визначено основні проблеми у функціонуванні наукових співтовариств на сучасному етапі. Відмічено важливість етичних взаємин по лінії: вчитель – учні, наукове співтовариство – суспільство.

Ключові слова: наукова школа, етика взаємин, історіографія.

Синкевич Е. Г. Проблема научной школы в историографии и этика взаимоотношений.

Резюме: Осуществлен анализ определения понятия «научная школа» в украинской и зарубежной историографии. Определены основные проблемы в функционировании научных сообществ на современном этапе. Отмечена важность этических взаимоотношений по линии: учитель – ученики, научное сообщество – общество.

Ключевые слова: научная школа, этика взаимоотношений, историография.

Sinkevych E. G. The problem of scientific school in historiography and ethics in relationships.

Summary: It was analysed the concept interpretation of "scientific school" in Ukrainian and foreign historiography. The main problems were determined in the functioning of scientific community in nowadays. The ethical relations were noted between: teacher – students, scientific community – society.

Keywords: scientific school, ethics in relationships, historiography.

Нечувана в минулі століття роль і значення науки змушує сьогодні розглядати її, у першу чергу, під кутом зору соціальної відповідальності науковця перед суспільством. Тому етичні питання в науці можуть виникати з різних причин та ставати підосновою різноманітних явищ – як нереалізовані ідеї, які бажано втілити в життя; або як конфлікти, де потрібно намагатися бути посередником; як дилеми, які потрібно зрозуміти та розв'язати; як сумнівна поведінка, яку необхідно обмежити і виправити; як «непрофесійна» поведінка і т.п. Історія розвитку науки і техніки у XX столітті засвідчила, що не всі відкриття вчених виявилися

© Сінкевич Є. Г.

благодатними для людства (наприклад, згубне вдосконалення новітньої зброї і техногенне забруднення довкілля). Однак, порятунок сучасної цивілізації, а тим паче її подальший поступ уже немислимі без якісно нових проривів у інтелектуальній сфері. Причому в парадигмі науково-технологічного прогресу сьогодні має домінувати принцип «не зашкодь» над принципом тотального прагматизму (заяви академіка А. П. Александрова про безпечність та дешевизну атомної енергетики). Рівень етичності окремої людини і суспільства загалом, моральні засади наукової діяльності у XXI столітті стають найважливішою умовою і найдієвішим фактором розвитку «на благо» – як у національному, так і планетарному вимірах [14].

В сучасних умовах зростає роль та відповідальність наукового керівника (лідера наукової школи). Учений із вадами морального характеру, з розмитими етичними критеріями спричиняє своїми діями розширене відтворення хибних рис у представників молодого покоління, з якими він взаємодіє. Адже, науковець – керівник дослідницького колективу визначає доцільність і корисність своєї праці. При цьому йому доводиться керуватися не тільки науковими аргументами й роздумами, а насамперед моральними засадами, оскільки не будь-яка мета виправдовує засоби її досягнення. Необхідно також враховувати і сентенцію висловлену знаними російськими дослідниками І. Дежиною та В. Кисельовою, що школа включає не тільки відносини типу «учень – вчитель», але й інші багатогранні форми зв'язків (дискусії, конференції), і саме в науці процес живого спілкування, тобто обміну знанням, має величезне значення [3].

Вимогами професійної етики, зокрема етики науки, є такі:

- бездоганне виконання своїх фахових обов'язків;
- повага до людини незалежно від її становища у суспільстві;
- діяльне ставлення до світу, спрямоване на досягнення певних цінностей, засад та ідеалів (а коли мораль порушується, то має бути соромно, бо сором – це гнів, звернений на себе);
- обстоювання істини («Платон мій друг, та істина дорожча»);
- побудова висновків на основі ретельно перевірених фактів;
- дотримання принципу «не зашкодь природі», адже не кожна мета виправдовує засоби її досягнення;
- використання науки на благо суспільства, відмова від ризикованих експериментів, особливо великомасштабних;

- уважне ставлення до конструктивної критики, сприйняття порад;

- проведення дискусій у такій формі, щоб вони не переростали у неприязнь або ворожість (яскравий приклад – дискусія Н. Бора з А. Ейнштейном [1]);

- особиста і професійна чесність;
- поширення знань та застережень від нерозумного використання досягнень науки й техніки;

- поєднання наукової сумлінності з особистою чесністю, засудження кон'юктурщини, кар'єризму, монополії наукових шкіл;

- активна боротьба з псевдонаукою, особливо в часи соціального бродіння в суспільстві, коли з'являється безліч «пророків», «ясновидців», «екстрасенсів» [15].

У поступі історіографії наукові школи є важливим явищем. Вони узгоджують індивідуальну і колективну працю, дозволяють працювати не лише у річищі визнаних і апробованих тенденцій, але й творити у межах нових підходів та ідей. Процес історичного пізнання – суб'єктивно-об'єктивний, що вимагає врахування активної ролі та особливостей суб'єкта (особистості) й об'єкта. Особистість (лідера, керівника наукової школи), окрім істориків вивчають соціологи, психологи, філософи, політологи, мистецтвознавці та інші представники гуманітаристики. Психологи вивчають комплекс психічних властивостей особистості. Соціологи прагнуть виявити в особистості соціально-типове, з'ясувати залежність її розвитку від стану соціальних груп та спільнот; подати духовний та життєвий шлях особистості через призму життя суспільства.

Необхідно враховувати, що природа соціально-наукового лідерства достатньо складна та не піддається однозначній інтерпретації. Тому, структуризація (формалізація) має виходити з аналізу певних функцій аналізованого об'єкта з урахуванням суспільної практики, тобто в тріаді структура – функції – суспільна практика, де вирішальну роль відіграє останній компонент. Таким підходам відповідає структурно-функціональний аналіз, який підсумовує переваги структурного і функціонального методів, дозволяє через суспільну практику з'ясувати активну роль наукових шкіл у творенні наукового знання.

У європейській та вітчизняній історіографії сформувалися різні підходи до трактування поняття “наукова школа” і до розуміння

того, кого можна відносити до засновників наукових шкіл та їх учнів [6-9]. Не зважаючи на численні публікації, поняття “історична школа” і досі є досить невизначеним, зрештою багатозначним. Попередні спроби його конкретизації і напрацювання загальної теорії історичних шкіл не є остаточними. Так, Е. Богардус природу лідерства пояснював видатними якостями особи, такими як розум, тверда воля, цілеспрямованість, організаторські здібності, компетентність. У свою чергу, Ф. Стенфорд дотримується теорії конституентів, коли лідерство розглядається як наявність послідовників, активістів, осіб, що підтримують наукові результати лідера. М. Дж. Херманн виділяє чотири узагальнених образи лідера: “прапорonosця”, “служителя”, “менеджера” та “пожежника”. Лідер-прапорonosець характеризується власним баченням дійсності, спроможністю захопити і повести за собою маси. Лідер-служитель є виразником та послідовником власних наукових ідей. Лідер-менеджер характеризується умінням привабливо донести свою програму. Лідер-пожежник відрізняється спроможністю швидко вирішувати складні комунікативні проблеми.

У Польщі жвава дискусія на тему лідерства і ролі наукових шкіл в історичній науці була започаткована під час відзначення в 1969 році сторічного ювілею відкриття в Ягеллонському університеті кафедри історії Польщі [22], а згодом розгорнулася і набула широкого розголосу в 1983-1984 роках на шпальтах “Historyki” [16, 18-21, 23]. Частина дослідників термін “історична школа” ідентифікувала з групою істориків, які сповідували загальні погляди на минувшину (загалом чи на якесь конкретне, але важливе історичне питання); їх опоненти в “історичній школі” вбачали угруповання науковців, які обстоювали (або відстоюють) певне, відмінне методологічне становище; для інших – це коло істориків, що займаються відповідною історичною субдисципліною; а ще для інших – група істориків, які посідають певне ідеологічне, радше політичне становище, послуговуються окресленим підходом історичного бачення, проживають і працюють в окресленому науковому осередку чи навіть регіоні [17, с. 16]. Очевидно в цьому контексті категорія “школа” займає особливе місце, оскільки, з одного боку, це поняття відтворює реально існуючі осередки історичної освіти та науки, з іншого боку – “школа” є інструментом пізнання науково-дослідницької та педагогічної діяльності істориків у межах певного наукового соціуму [13, с. 2].

Зазначимо, що наукова школа може виступати й своєрідним гальмом, коли кланові узи і консерватизм стають на заваді всього нового, прогресивного. В цьому контексті можемо погодитися з Юзефом Вечорек, що наукове середовище є на загал консервативне, тому проведення радикальних і швидких змін у нині функціонуючих системах науки натикається на сильний опір «старої гвардії» [24, с. 12].

Певна замкненість і елітарність наукового співтовариства не сприяє притоку нових креативних дослідників. Ця проблема не є суто українською «болячкою». Як зазначає Ю. Вечорек, «Нічого дивного, що чергові покоління польських науковців виїжджають за кордон чи віддається своєрідній внутрішній еміграції, змінюючи обрану професію. Ті, які залишилися у вузах, роблять кар'єру опираючись на давні засади ПНР – себто: «розмірено, пасивно, але вірно», через пристосування до пануючих правил гри. Це призводить до ситуації, що у підсумку «вирощування» появиться чергове покоління, яке буде вихвалитися габілітаціями і професорськими титулами – нічим більше» [24, с. 7-8].

Поняття “наукова школа” в його сучасному тлумаченні пов'язане з процесом зростання ролі особистості керівників наукових колективів. Цей процес чітко проявився ще на початку ХХ століття, коли почали створюватися наукові колективи, які об'єднували в одній лабораторії декількох видатних вчених. У цих колективах, поряд із функціями збору і систематизації інформації, розподілу сфер праці й управління, виникла педагогічна функція керівника, який у цих умовах виступав вже не тільки як науковець, але і як ментор – творець нового наукового напрямку. Ю. О. Храмов розробив модель сучасної наукової школи. Згідно цієї моделі, остання визначається як “неформальне творче співтовариство дослідників різних поколінь певного наукового напрямку, об'єднаних єдністю підходів до вирішення проблем, стилем праці та мислення, оригінальністю і новизною ідей і методів реалізації своєї дослідницької програми, яка отримала значні наукові результати, завоювала авторитет і суспільне визнання в даній галузі знань”, – зазначено у дисертації О. А. Копил [Див. 11].

Не менше дискусійних питань при аналізі поняття “наукова школа” виникає і у сучасних українських та російських дослідників. Так, Д. Д. Зербіно звернув увагу на ту обставину, що про наукові школи часто говорять, але не розкривають ці поняття і їх сутність. Плтають з іншим близькими, але по суті не аналогічними

визначеннями – “авторська школа”, з професійними школами – “школа геологів”, “школа терапевтів”, іноді додаючи – київська, московська. На його думку, наукова школа – це співдружність людей, що сформувалася під егідою особистості – вченого-лідера, що має ідеї, теми для розробки. Немає лідера – немає школи. Кращі школи ті, де послідовники лідера займаються активною дослідницькою працею в актуальних напрямках і об'єднані ідеями, методиками, науковими традиціями, розгалуженою співпрацею, пошуком нових фактів. У науковій школі висовують гіпотези, концепції, теорії. В ній не бояться дискусій, опонентів. Тут є (повинно бути!) все для свободи творчості [див. 4, 5].

У науковій школі переважають нові ідеї, ініціатива, самостійний пошук. У звичайному науковому колективі працюють по завданню – “від” і “до”. У науковій школі відбувається – постійний, багаторічний пошук із введенням нових методик, підходів, адекватних завданням. У науковому колективі пошук, дослідницька праця окремої особистості нерідко завершується захистом дисертації. Доречними є думки Я. Грицака про неможливість визначити формальні критерії шкіл через абстрактність методологічних ознак, що дозволяють відрізнити школи і ненадійність науково-педагогічного критерію через природність переходу учнів на інші історіософські позиції порівняно з учителями (ця особливість чітко проявилася на прикладі краківської історичної школи). Вчений пов'язує дану проблему з необхідністю відмови від позитивізму: “Треба раз і назавжди відмовитися від термінологічних суперечок у плані визначення формальних критеріїв”, оскільки “завжди будуть явища, які не підходять під наперед означені критерії” [2, с. 152].

Однією зі змістовних спроб дати лад цій контрверсійній проблемі здійснено у доробку С. І. Михальченка, що розміщений у навчальному посібнику під редакцією С. І. Посохова, який вийшов друком у Харкові [14]. Заслугує на увагу підхід до комплексного вирішення проблеми наукових шкіл та наукового середовища, запропонований І. І. Колесник на шпальтах видання “Ейдос” [9] та інших поважних наукових часописів [8]. Нажаль, лідери “інтелектуальної історії” послуговуючись при її визначенні такими критеріями як “приналежність до середнього класу”, “знання іноземних мов”, “інтеграція у світовий науковий простір” тощо, випускають із виду етичні аспекти взаємодії у науковому співтоваристві.

Слушною є думка Ю. Вечорек: “Очевидно існує проблема, що робити з кандидатами наук, які залишилися у вузі, але перестали бути креативними... Найбільшою популярністю користуються часом науковці, яких ніхто не може замінити. Але той престиж може мати різні прояви, в особливості, якщо стосується “вічних” директорів. Часто директори займають посаду мало не по життєво, бо практично ніхто не може їх замінити, інші набагато гірші” [24, с. 43]. Чи може в такому разі бути етичною поведінка керівника наукової школи, коли він оточує себе учнями за принципом «науковцем можеш ти не бути, а кандидатом наук бути зобов’язаний». Або ж, трапляються випадки, коли наукові керівники використовують своїх учнів у якості «інтелектуальних рабів». Той же автор зазначив: “Якщо аспіранта трактують як студента, використовуючи його для “чорнової роботи”, часто безплатної, то яка сила може його затримати в науці, коли динамічно його ровесник по закінченні навчання створює власну фірму чи робить кар’єру в бізнесовій корпорації, вже через пару років швидко dorостаючи до посади директора?” [24, с. 45].

Чи сумісні з етикою науковця заздрість, інтриги, перешкоджання кар’єрному росту колег тощо? Складно сперечатися із Ю. Вечорек, який пише: “Важко однак вважати за зразкового науковця, того, хто має на своєму рахунку достатньо вартісних праць, але намагався “перешкодити” кар’єрі багатьох інших науковців, які могли би зробити для науки ще більше ніж він. Видається очевидним, що наприклад особи, які в минулому належали до агентури таємних комуністичних служб, особи які доносили на своїх колег та особи, кар’єра яких була прилаштована відповідно до політичної ситуації, не повинні посідати ключових посад у навчальних закладах і державних наукових інституціях” [24, с. 71].

Таким чином, можемо констатувати, що сучасний стан вітчизняної науки є своєрідним віддзеркаленням суспільних процесів, які відбуваються в Україні. З іншого боку, наукове співтовариство, як інтелектуальна еліта суспільства зобов’язане запропонувати спільноті шляхи подолання кризи і бути взірцем дотримання етичних норм.

Література

1. Бор Н. Атомная физика и человеческое познание / пер. с англ. М., 1961.
2. Грицак Я. Чи була школа Грушевського? / Я. Грицак // Михайло Грушевський і львівська історична школа: Матеріали конференції (Львів, 24-27 жовтня 1994). Львів; Нью-Йорк, 1995.
3. Дежина И., Киселева В. Научные школы: форма стагнации или интеллектуальной капитализации? // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 10.
4. Зербино Д. Д. Научная школа как феномен. Киев, 1994.
5. Зербино Д. Д. Наукова школа: лідер і учні. Львів, 2001.
6. Золотарев В. П. Отечественные школы новейшей истории в меняющемся менталитете России и СССР / В. Золотарев // Историческая наука в меняющемся мире. – Казань, 1993. Вып. 1.
7. Историография истории нового времени стран Европы и Америки: учеб. пособ. / А. В. Адо, И. С. Галкин, И. В. Григорьева и др.; под ред. И. П. Деметрєва. М., 1990.
8. Калакура Я. С. Українська історіографія в структурі історичної науки // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики [Число 5]. Історіографічні дослідження в Україні [Вип. 10]: 36. наук. праць на пошану академіка НАН України В. А. Смолія: У 2 ч. / відп. ред. М. Ф. Дмитрієнко, Ю. А. Пінчук. К., 2000.
9. Колесник І. І. Культурно-інтелектуальна історія як дзеркало "нової наукової революції" // Ейдос: Альманах теорії та історії історичної науки. К., 2005. Вип. 1.
10. Колесник І. І. Інтелектуальне співтовариство як засіб легітимації культурної історії України. ХІХ століття / І. Колесник // Український історичний журнал. 2008. № 1(478).
11. Копыл О. А. Историко-научный анализ формирования и развития научно-конструкторской школы М. К. Янгеля / О. Копыл: Дисс. ... канд. ист. наук. К., 1998.
12. Мерніков Г. І. Наукові школи в системі історичної освіти та науки України кінця ХІХ – початку ХХ ст. // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії / за ред. С. Посохова. Х., 1997.
13. Мерніков Г. І. Школи в українській історичній науці другої половини ХІХ – початку ХХ ст.: проблеми теорії та історіографії: автореф. дис. ... канд. іст. наук / Г. Мерніков. Дніпропетровськ, 1997.
14. Михальченко С. І. Школа в науці (історичній) // Історіографічний словник: навч. посібник / за ред. С. Посохова. Х., 2004.

15. Наумовець А. Проблеми сучасності і мораль науковця / А. Наумовець, М. Находкін // Вісник НАН України. 2006. № 5. [Електронний ресурс]. Режим доступа: <http://www.nbu.gov.ua/portal/all/herald/2006-05/a1-5.pdf>. – Доступ 06.03.2012 р.
16. *Frančić M.* “Szkoła historyczna” – zjawisko realne czy zwyczaj językowy / M. Frančić // *Historyka*. 1985. Kraków. T. 15.
17. *Grabski A. F.* Orientacje polskiej myśli historycznej / A. Grabski. Warszawa, 1972.
18. *Hilaire M.* Co to jest szkoła historyczna / M. Hilaire // *Historyka*. Kraków, 1986. T. 16.
19. *Kula M.* “Szkoła” – ideał – rzeczywistość / M. Kula // *Historyka*. Kraków, 1983. T. 13.
20. *Olszewski H.* Rozważania o szkołach historycznych / H. Olszewski // *Historyka*. Kraków, 1984. T. 14.
21. *Serczyk J.* Wokół pojęcia szkoły historycznej / J. Serczyk // *Historyka*. 1983. T. 13.
22. *Spór o historyczna szkołę krakowską. W stulecie katedry historii Polski Uniwersytetu Jagiellońskiego. 1869-1969* / pod red. C. Bobińskiej. Kraków, 1969.
23. *Śreniowska K.* Co to jest szkoła historyczna? / K. Śreniowska // *Historyka*. 1983. T. 13.
24. *Wieczorek J.* Drogi i bezdroża nauki w Polsce. Kraków, 2008.

Розділ IV

Інтерв'ю

Від редакції: У попередньому випуску збірника з'явилася нова рубрика «інтерв'ю», в якій ми почали вести розмову із відомими історіографами – нашими сучасниками. Цього разу запитання були адресовані двом визначним науковцям: Р. Я. Пирогу та Л. П. Рєпіной.

РУСЛАН ЯКОВИЧ ПИРІГ

Руслан Якович Пиріг народився у м. Львові в родині військовослужбовця у переддень війни – 16 червня 1941 року. Війна закарбувалася трагічною сторінкою в житті родини: у перші дні війни від розриву бомби загинула дворічна сестра Руслана Яковича, восени 1943 року на фронті загинув батько, Яків Петрович. Матері вдалося дістатися рідних на Полтавщині. Там, у с. Супротивна Балка пройшли дитячі та шкільні роки Руслана Яковича. До речі, лише через кілька років після закінчення війни вдалося виправити свідоцтво, в якому днем народження Руслана

записали 30 червня, а місцем народження – с. Супротивна Балка.

Батьки Руслана Яковича за фахом історики, у 1930-х рр. закінчили історичний факультет Харківського педагогічного інституту. Утім, шлях Р. Я. Пирога до професії був непростим. Хоч шкільна медаль у 1958 р. й відкривала пряму дорогу до вузу, спочатку було навчання у медичному училищі, праця сільського фельдшера, служба в десантних військах, спроба вступу до медичного інституту. Нарешті в 1965 р. Р. Я. Пиріг став студентом історичного факультету Харківського державного університету імені О. М. Горького.

Він слухав лекції відомих учених В. І. Астахова, А. П. Ковалевського, С. М. Королівського, І. К. Рибалки, К. К. Шияна, © Пиріг Р. Я.

Б. А. Шрамка та інших. Саме в ті роки Р. Я. Пиріг зацікавився науковою роботою. Він брав активну участь у роботі студентського наукового гуртка, підготував працю про українську партію боротьбистів, яка посіла перше місце на республіканському конкурсі студентських наукових праць.

Відмінне навчання Р. Я. Пиріг поєднував з активною громадською роботою: виконував обов'язки секретаря комітету комсомолу, заступника секретаря парткому університету, долучився до редагування газети «Харківський університет», де часто з'являлися його замітки.

Закінчивши університет без жодної четвірки, Р. Я. Пиріг був рекомендований до аспірантури, і після захисту кандидатської дисертації деякий час працював у Харківському університеті старшим викладачем, деканом по роботі з іноземними студентами. Цей досвід став підґрунтям для рекомендації в 1976 р. Р. Я. Пирога на посаду інструктора відділу науки і навчальних закладів ЦК Компартії України, у 1983 році він став консультантом сектора суспільних наук.

Новий етап у житті Руслана Яковича розпочався в 1989 р., після призначення його заступником директора Інституту історії партії при ЦК Компартії України – завідувачем партійного архіву. Подальша діяльність Р. Я. Пирога була тісно пов'язана з архівною справою. Після здобуття Україною незалежності він займався передачею архівів Компартії на державне зберігання, у жовтні 1991 р. обійняв посаду директора Центрального державного архіву громадських об'єднань України (колишній архів ЦК КП України), згодом став членом колегії Головархіву, головою Ради директорів центральних державних архівів, був одним із фундаторів Спілки архівістів України. У березні 1998 року Указом Президента України Р. Я. Пирога (на той час вже доктора наук, професора) було призначено начальником Головного архівного управління України. Майже п'ять років він очолював архівну державну службу (1998 – 2002 рр.). Завдяки його зусиллям Головархів у 1999 р. здобув статус державного комітету. У досить складних умовах було розпочато процес перебудови архівної справи, зокрема відбулось розширення доступу до закритих раніше фондів, почалась комп'ютеризація архівної справи, налагоджувалось міжнародне співробітництво. Під керівництвом Р. Я. Пирога був підготовлений проект нової редакції закону «Про національний архівний фонд та архівні установи», прийнятий Верховною Радою України у грудні 2001 р.

У 2002 р. Р. Я. Пиріг залишив державну службу і перейшов на роботу до Інституту історії України, де працює головним науковим співробітником відділу історії Української революції, а з 2008 по 2011 рр. виконував обов'язки його завідувача. Втім, зв'язків з архівною

системою Р. Я. Пиріг не втрачає: бере участь у підготовці підручника «Архівознавство», термінологічного словника «Архівістика».

На сьогоднішній день Руслан Якович є автором понад трьохсот публікацій. Р. Я. Пиріг належить до числа піонерів вітчизняного грушевськознавства, він першим серед сучасних українських істориків захистив докторську дисертацію, присвячену останньому, найбільш драматичному періоду життя М. С. Грушевського. Ще наприкінці 1980-х рр. Р. Я. Пиріг долучився до вивчення теми голодомору 1932 – 1933 рр. в Україні. Результатом тривалої праці з виявлення тематичних джерел в архівосховищах України і Росії стала публікація в 2007 р. фундаментального збірника документів «Голодомор 1932 – 1933 років в Україні». В останні роки Р. Я. Пиріг зосередив головні дослідницькі зусилля на історії Української революції початку ХХ ст., зокрема одного з найскладніших її етапів – гетьманату Павла Скоропадського.

За вагомий внесок у розвиток історичної науки, сумлінну працю та професіоналізм Р. Я. Пиріг отримав високі державні нагороди та відзнаки: почесне звання «Заслужений діяч науки і техніки України» (2001), орден «За заслуги» III ст. (2007), Почесну грамоту Кабінету міністрів України (2001), Подяку Президента України (2002), Подяку Кабінету Міністрів України (2002), Почесну грамоту Верховної Ради України (2011).

1. Які етапи своєї творчої біографії Ви могли б визначити?

Свій творчий шлях науковця не можу вважати типовим. Життя склалося так, що тривалі його відтинки були віддані партійній та державній роботі. Хоч увесь цей час не полишав наукової та викладацької діяльності. Однак це були, так би мовити, супутні заняття. Щодо «чистої» науки, то можу виділити два періоди. Перший – прекрасна аспірантська доба (1973-1976 рр.), невіддільно пов'язана з Харківським університетом, коли власне і йшло формування особистості науковця, опановувалися методи та інструментарії дослідницької праці, набувався досвід роботи з джерелами, «виписувалися» перші тексти наукових публікацій. Як підсумок – достроковий захист кандидатської дисертації та формалізація статусу науковця.

Другий період – це останнє десятиліття (з 2002 р.). Завершивши державну службу, прийшов до Інституту історії України НАН України. Вважаю за велику честь працювати в колективі провідної профільної академічної установи держави. Повернувся до знайомої ще з аспірантських літ тематики революції та громадянської війни, зосередившись на дослідженні доволі контрверсійної історії

останнього українського гетьманату. За цей час підготував дві індивідуальні монографії, виступив співавтором у десяти фундаментальних видавничих проектах інституту, опублікував понад сто статей, взяв участь у десятках міжнародних та всеукраїнських наукових конференцій, близько ста позицій складає наукове редагування, впорядкування та рецензування. У царині підготовки наукових кадрів – додалося три доктори та чотири кандидати наук. Вважаю цей період найбільш плідним у своїй біографії науковця.

2. Кого Ви вважаєте своїм учителем в галузі історіографії?

Поза сумнівом, світлій пам'яті професора Віктора Івановича Астахова. Не забути його блискучі лекції з російської історіографії. Підручники і книги з його автографами є окрасою нашої фамільної бібліотеки. «Уроки» з аналізу історико-партійної (компартійної) літератури брав у старших колег по кафедрі – доц. Ю. В. Шиловцева, А. Д. Перезовова, проф. Л. С. Чорномаза та В. Л. Харитонова.

Не можу не згадати й відомого київського вченого проф. В. Г. Сарбея. Це був дійсно високопрофесійний історіограф, не дивлячись на вимушену обтяженість його праць офіційними ідеологічними догматами. З приємністю і вдячністю пригадую наші зустрічі і розмови на початку 1990-х рр., коли я взявся за докторську працю про останні роки життя і діяльності Михайла Грушевського. Принаймні, саме він був першим авторитетним науковцем, який дещо «охолодив» мої глорифікаційні оцінки цієї постаті, здебільшого навіяні діаспорною історіографією.

Безперечно, як і всі, хто намагається бути в курсі розвитку сучасного історіографічного процесу, не можу залишатися поза впливом оригінальних фахових візій Я. Грицака, І. Колісник, А. Портнова та інших.

Безмежно вдячний долі за можливість тривалої співпраці з визначним українським історіографом і джерелознавцем, продовжувачем традицій київської історіографічної школи проф. Я. Калакурою.

Для нас з дружиною, також випускницею історичного факультету ХДУ і професором, міцною ланкою зв'язку з *Alma mater* виступає відомий український історіограф проф. С. Посохов.

3. Які професійні якості мають характеризувати професійного історіографа?

Насамперед слід визначитися з формулою «професійний історіограф». Формально це науковець, який досліджує історію історичної науки. На мій погляд, далеко не всі кандидатські дисертації, номіновані науковим ступенем з відповідної дисципліни, є справді фаховими. Переконався в цьому будучи головою експертної ради ВАК України з історичних дисциплін. Формально праця ніби має всі атрибутивні ознаки, але залишається на анотаційно-бібліографічному рівні. Чимало кандидатів наук свої докторські перспективи не пов'язують з історіографією і набагато впевненіше почуваються на полі історичного наративу.

Щодо професійних якостей історіографа. То це:

- фундаментальна загальнофахова підготовка, оволодіння базовим дослідницьким інструментарієм;
- достатній рівень знань в галузі пограничних наук – архівознавства, археографії, джерелознавства тощо;
- виразні аналітичні здібності (природні чи набуті), здатність не тільки осмислювати, а й переосмислювати хід історіографічного процесу;
- достатнє оволодіння термінологічним апаратом, органічне його використання у дослідницькій практиці, усвідомлення шкоди механістичного та надмірного насичення історіографії інонауковими поняттями;
- широта бачення предметного поля, застосування порівняльних характеристик, чутливість до інноваційних методик;
- вміння долати природний суб'єктивізм як в оцінці історичних явищ, так й істориків;
- тонке відчуття «деформованих» ділянок історії та іманентна потреба деміфологізації історичного процесу;
- неодмінне знання іноземних мов як важливої умови розгляду вітчизняного історіографічного процесу у європейському та світовому контексті.

Цілком усвідомлюю, що перелічені якості та прикметні риси не є абсолютно властивими тільки для фахового арсеналу історіографа.

4. Висловіть свою думку про роль історіографії у системі вищої історичної освіти сьогодні.

Історіографія як навчальна дисципліна повинна залишатися неодмінною базисною умовою повноцінної вищої історичної освіти. Водночас масова підготовка фахівців-історіографів можлива у найрейтинговіших університетах. Думаю, що високопрофесійні історіографи, зокрема докторського рівня, виростають з талановитих і працелюбних істориків, які тривалий час «товклися» на тематично актуальному полі, знають праці всіх його гравців, мають достатній науковий авторитет і сміливість в оцінках. Іншою запорукою плідного оволодіння студентами істфаків вишів цією начальною дисципліною є наявність сучасних підручників, начальних посібників – «гарних і різних». Адже у цій царині необхідність оновлення історіографічного приросту знань зовсім не адекватна історично-часовій дистанції. Гадаю, що зайве говорити про фаховий рівень та методичну майстерність викладачів історіографічних дисциплін. Не останнє місце в успішному поступування історіографії як навчальної дисципліни мають відігравати традиційні підвищення кваліфікації, обмін досвідом, стажування тощо.

5. Які Ви бачите перспективи історіографії як наукової та навчальної дисципліни?

Обидві іпостасі історіографії вважаю абсолютно перспективними. Про її значення для фахової підготовки істориків вже йшлося вище. Щодо наукового аспекту, то без розвитку історіографічних досліджень історія як наука буде приречена на стагнацію. Вона втратить орієнтири розвитку подальших наукових напрямків, позбавиться певних маркерів щодо актуальності та повноти досліджень. Саме історіографія виступає своєрідним барометром наукової новизни історичних праць. Крім того вона виконує комунікативні функції як в міжпредметному полі історичних дисциплін, так й стосовно зарубіжної історіографії.

РЕПИНА ЛОРИНА ПЕТРОВНА (род. 29.09.1947 г.)

В 1971 г. закончила исторический факультет МГУ

им. М. В. Ломоносова, в 1974 г. аспирантуру Института всеобщей истории. В 1975 г. защитила кандидатскую диссертацию «Сословие горожан и феодальное государство в Англии XVI века». С 1975 г. научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. В 1998 г. защитила докторскую диссертацию по теме «Социальная история и историография XX века: научные традиции и новые подходы». С 1999 г. – заместитель директора Института всеобщей истории РАН, руководитель Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН. В

2002 г. присвоено ученое звание профессора. С 2011 г. член-корреспондент РАН. Заведующая кафедрой теории и истории гуманитарного знания историко-филологического факультета Института филологии и истории РГГУ. Заместитель директора, профессор Центра зарубежной истории РГГУ. Главный научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А. В. Полетаева (ИГИТИ) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Главный редактор таких авторитетных изданий как "Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории" и "Адам и Ева. Альманах гендерной истории". Член Всероссийской ассоциации медиевистов и историков раннего Нового времени, Международного Общества интеллектуальной истории (ISIH), Международной комиссии по истории городов при Международном конгрессе © Репина Л. П.

исторических наук, Ассоциации британских исследований, член редколлегии журнала: «Новая и новейшая история», а также ежегодников «Средние века» и «Социальная история», президент Межрегиональной общественной организации «Общество интеллектуальной истории». Автор более 300 научных работ.

1. Прошу Вас хотя бы штрихами обозначить собственный «историографический автопортрет» (учителя – научная школа – ученики; основные результаты работы, любимые/перспективные темы, специфика творческой лаборатории/организации научной работы и пр.).

На мой выбор профессии историка больше всего повлиял круг чтения в школьные годы. С раннего детства меня окружали книги, и я читала, как раньше говорили, «запоем». Мой отец был историком, и в огромной домашней библиотеке рядом с многочисленными томами художественной прозы, классической и современной, русской и зарубежной, находились полки, заставленные историческими сочинениями разных эпох, научно-популярными изданиями и солидными монографиями. Этот круг чтения во многом определил мой выбор, когда в 1966 году, окончив школу с физико-математическим уклоном, я – вопреки ожиданиям и родителей, и любимых учителей – поступила не на физфак или мехмат (ведь в 1960-е годы это было так модно!), а на исторический факультет МГУ.

Мой главный учитель – известный медиевист, специалист по истории средневековой Англии и по историографии истории средних веков профессор МГУ Евгения Владимировна Гутнова (1914 – 1992), ученица выдающегося советского историка – Евгения Алексеевича Косминского. Я начала работать под ее руководством со второго курса, а затем готовила с ней дипломную работу и кандидатскую диссертацию, материалы которой позднее составили основу моей первой монографии «Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV века» (М.: «Наука», 1979). Сначала это был обычный семинар на втором курсе по истории средних веков и традиционная курсовая работа, с которой, кстати, и начался мой интерес к истории английского средневекового города. Но в решении специализироваться на кафедре средних веков главным был все же не столько интерес к эпохе или к проблеме, а личность будущего научного руководителя, стиль и метод ее работы со студентами. Никогда не забуду наше первоначальное совместное

чтение, перевод и комментирование трудных источников (голова к голове – ученица и наставница), а потом – многократные критические обсуждения написанных текстов, и на кафедре, и у Евгении Владимировны дома, с последующим непременно чаепитием и беседами уже втроем, с мужем Евгении Владимировны, замечательным художником Эльбрусом Александровичем Гутновым, обо всем – об истории, литературе и искусстве, о жизни и творчестве.

Специализация на кафедре Средних веков под руководством моего учителя дала мне необходимый исследовательский инструментарий, базовые профессиональные навыки, которые принято называть ремеслом историка. Это прежде всего навыки работы с источниками самых разных типов, в том числе весьма «неразговорчивых», но не в меньшей мере – умение «увидеть» и поставить проблему, подобрать и – по необходимости – корректировать применяемые методы, подвергать критическому анализу не только изучаемые документы и тексты, но и собственные наблюдения и выводы. Евгения Владимировна «школила» меня и в университете, и во время учебы в аспирантуре Института всеобщей истории АН СССР (ныне – Институт всеобщей истории Российской академии наук). Эту исследовательскую школу я стараюсь передать своим ученикам, независимо от проблематики их работ.

Медиевистика всегда была экспериментальным полем методологических новаций в историографии, поскольку медиевисты, с одной стороны, имеют в своем распоряжении более обширный и разнообразный корпус источников, чем антиковеды, а с другой – отнюдь не задавлены их изобилием, как специалисты по более поздним периодам, да к тому же постоянно вынуждены искать ключи к своим «зашифрованным» текстам. Медиевисту труднее открыть новый документ в архиве. В таких условиях все усилия сосредоточены на постановке новых проблем и разработке оригинальных подходов и методов анализа имеющихся в научном обороте текстов.

Темы моей дипломной работы и кандидатской диссертации, включенные в более широкое пространство социальной истории средних веков и исторической урбанистики, во многом определили и мой последующий интерес к социальной истории как магистральному направлению мировой историографии второй половины XX столетия.

В институциональном плане мой «историографический поворот» был связан с работой в первые годы после окончания аспирантуры в секторе научной информации и зарубежной историографии. В соответствии с этим центральное место в плане моей исследовательской работы занял анализ текущего состояния исторической науки на Западе, прежде всего в Великобритании (см. коллективную монографию: Согрин В. В., Зверева Г. И., Репина Л. П. Современная историография Великобритании. М.: «Наука», 1991). Анализу интенсивного процесса обновления исторической науки и неизмеримо разросшегося в этот период исследовательского поля и методологического инструментария социальной истории посвящен самый большой комплекс моих научных работ 1980-х – первой половины 1990-х годов, которые затем были обобщены в моей книге «“Новая историческая наука” и социальная история» (М.: ИВИ РАН, 1998; 2-е изд. – М.: УРСС, 2009).

Конечно, мой интерес к истории историографии и к историографии современной сложился под влиянием Евгении Владимировны Гутновой. Мои историографические штудии, как и исследования по истории средневековой Англии, – это, во многом, «наследство» моего научного руководителя, которым Евгения Владимировна оставалась, по существу, всегда, до самой своей смерти осенью 1992 года. Одним из импульсов в том же направлении и очень полезной школой для меня стало также многолетнее сотрудничество с Аллой Львовной Ястребицкой (1932–2010) в подготовке аналитических обзоров обширного корпуса исследований, отражавших состояние современной историографии, для реферативных журналов и сборников Института информации по общественным наукам.

Другой выдающийся ученый, которого я осмеливаюсь считать своим учителем, хотя он формально никогда им не был, это крупнейший советский историк-методолог Михаил Абрамович Барг (1915–1991). Не принадлежа к его научно-педагогической школе, я много общалась с ним во второй половине 1970-х – 1980-е годы и испытала его мощное интеллектуальное влияние, которому я обязана своим новым «поворотом» – к теории и методологии истории, к проблемам исторического сознания и исторической культуры, над которыми я начала систематически работать с конца 1990-х годов. Михаил Абрамович был настоящим генератором идей и щедро делился ими, предлагая молодым коллегам диалог на

равных и стимулируя таким образом ответную работу мысли. Уверена, что еще далеко не все грани его научной интуиции мы можем сегодня оценить.

Чрезвычайно многому я научилась за годы работы сначала в группе по подготовке «Истории крестьянства в Европе», а позднее – в семинаре по истории частной жизни и повседневности под руководством замечательного историка Юрия Львовича Бессмертного (1923–2000), всегда работавшего «по гамбургскому счету», неизменно открытого к восприятию научных новаций и сумевшего создать подлинно творческую атмосферу коллективной работы в рамках своих оригинальных научных проектов. В русле одного из них, начавшись с интереса к исторической демографии, получили наиболее развитие мои занятия историей женщин и гендерной историей. Анализ успехов и перипетий этого междисциплинарного направления исторических исследований занял большое место в целом ряде моих научных работ конца 1990-х – 2000-х годов, включая книгу «Женщины и мужчины в истории: новая картина европейского прошлого» (М.: РОССПЭН, 2002), и нашел свое продолжение в выпускаемом с 2001 г. по настоящее время периодическом издании «Адам и Ева: альманах гендерной истории» (Вып. 1–20. М.: 2001– 2012). опираясь на широкий спектр имеющихся разработок как в истории гендерных представлений, так и в изучении гендерной асимметрии в имущественной и правовой сферах, экономической и политической жизни, институтов брака и семьи, воспитания и образования.

2. Пожалуйста, определите основные тенденции развития мировой исторической науки и, в связи с этим, главные задачи современной российской (постсоветской) историографии.

Именно на эти вопросы я искала ответ, анализируя в своей последней по времени монографии «Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика» (М.: «Кругъ», 2011) те сложные процессы в современном социогуманитарном пространстве, которые привели к новому пониманию природы исторического познания, к качественным изменениям в предметном поле, проблематике и методах исследования, в структуре исторического знания.

Новое в историографии, как и в любой науке, проявляется сначала не в монографиях, а в статьях или в докладах на научных форумах, которые публикуются в периодических изданиях.

Вдумчивое чтение научных журналов, не выборочное – «под свою тему», а сплошное, фронтальное, может дать представление не только о реальном положении дел (что, разумеется, проявляется в солидных монографических исследованиях), но главное – о новых, только нарождающихся, неявных тенденциях, что и позволяет определить будущие перспективы развития науки. Конечно, это нужно суметь увидеть, но помимо исследовательского чутья и специального интереса к перипетиям научной жизни такая трудоемкая работа требует и отнюдь не интеллектуальных качеств – усидчивости и упорства.

Изучение трендов мировой историографии показывает, что, по сути, на протяжении последних двух десятилетий происходит формирование новой исторической культуры и нового образа исторической науки. Мною были рассмотрены условия и последствия методологических поворотов в историографии второй половины XX – начала XXI века, но особое внимание я как раз сосредоточила на наиболее плодотворных из текущих тенденций, отражающих обновление и определяющих перспективы последующего развития исторической науки в XXI веке. В книге предпринят анализ достижений и нерешенных проблем современной историографии, представлен широкий спектр теорий и методов, обогативших арсенал исторической науки и ее эвристические возможности, открывающиеся в точках пересечения разных исследовательских перспектив и призванные преодолеть абсолютизацию и противопоставление истории структур и деятельности, условий и представлений, индивидуального и коллективного, частного и публичного, микро- и макроистории. Анализ смены парадигм в исторической биографии, социальной, гендерной, культурной и интеллектуальной истории, истории памяти и исторического сознания позволил продемонстрировать эвристический потенциал предложенных моделей междисциплинарного синтеза в историческом исследовании. Думаю, что аналогичные тенденции вполне отчетливо проявляются и в современной российской историографии, что, безусловно, обнадеживает. Кроме того, общим и весьма позитивным трендом западной и постсоветской историографии (особенно в России и Украине) считаю становление и развитие современных концепций глобальной, региональной и локальной истории.

И в связи с этим хотелось бы вновь привлечь внимание к одному из ведущих интердисциплинарных направлений

социогуманитарного знания – исторической урбанистике. Город как форма социальной жизни – интереснейший объект для исследования. Город находится в центре исследовательских полей исторической географии и социальной топографии, исторической демографии и экономической истории, исторической психологии и истории социальности, и политической истории, и культурной истории, и истории локальной и региональной, национальной, и транснациональной, и даже глобальной. Город выступает и как «локомотив экономики», и как «юридическое лицо», и как средоточие межличностных, межгрупповых и межкультурных коммуникаций. Историко-урбанистические исследования в современной историографии истории России занимают важное место, однако, к сожалению, вынуждена признать, что история города недостаточно привлекает внимание российских историков-всеобщников. Огромные нереализованные возможности – особенно если учесть состояние источниковой базы – остаются в изучении истории городов раннего Нового времени, не говоря уже о более поздних периодах.

Огромное пространство для приложения сил наших историков составляют проблемы исторической памяти и исторического сознания, и меня радует, что исследования в этом направлении «набирают обороты»: выходят в свет тематические сборники и коллективные труды (в том числе книги серии «Образы истории», подготовленные Центром интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН), фундаментальные монографии, как, например, замечательная книга Ольги Борисовны Леонтьевой «Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX в.» (Самара: «Книга», 2011), тематика обсуждается на многочисленных научных форумах разного уровня. В свете нового понимания содержания и механизмов трансформации исторического сознания и исторической культуры общества переживают актуализацию и концептуальное обновление историко-историографические исследования.

Не могу не упомянуть еще об одном направлении, имеющем весомый познавательный потенциал, хотя и труднореализуемый. Сегодня еще многие на постсоветском пространстве, и не только читающая публика, но – что гораздо прискорбнее – профессионалы, рассматривают гендерную историю как некое преходящее увлечение, просто как моду. На мой взгляд, мода в науке – это вещь вполне реальная и допустимая, но в данном случае я хотела бы

сказать несколько слов и в адрес тех, кто упрекает гендерных историков не только в следовании моде, но и в излишней идеологизированности и политизированности. И то, и другое имеет место во многих областях историографии. Повод к подобного рода оценкам гендерной истории дают те ее адепты, которые используют обретенный ею относительно недавно научный статус сугубо инструментально: либо как «дубину» в борьбе за равенство полов, либо в качестве «бренда» для получения грантов поощряющих феминистскую проблематику фондов. Помимо общественной значимости, я вижу в гендерной истории другое – ее научный потенциал, а иначе вовсе не стала бы ею заниматься. Согласно гендерной теории, гендер – это первичное поле, в котором артикулируется власть, осуществляется дифференцированный контроль над материальными и символическими ресурсами и доступ к ним. Показательно, что тех представителей первого ряда историков, работы которых составили «золотой фонд» гендерной истории (таких выдающихся современных ученых, как, например, Натали Земон Дэвис), привели к гендерной методологии не только (а быть может, и не столько) их идейные убеждения и активная общественная позиция, сколько научные поиски в плане расширения теоретико-концептуальных оснований социальной и культурной истории.

3. Как возникла идея создать РОИИ и как Вы оцениваете основные результаты деятельности этой организации?

Многие годы занимаясь изучением зарубежной историографии XX столетия, я всегда старалась рассматривать ее в широком контексте современных тенденций интеллектуальной жизни, разглядеть тот ее общий мыслительный «субстрат», который определял своеобразие эпохи, проявляясь во всех формах творческой деятельности. Само понятие «интеллектуальная история» не раз меняло свое содержание: за более чем столетие своего бытования в пространстве гуманитарного знания интеллектуальная история существенно преобразилась, пройдя – вместе со всеми историческими науками – сквозь череду методологических «поворотов» прошедшего века. Нынешняя историографическая ситуация не просто возродила интеллектуальную историю: она качественно изменила свою проблематику, причем ее отличия от других областей историографии лежат не в исключительном обладании особым корпусом исторических свидетельств или

набором методов, а в том аспекте прошлого, который она ставит своей целью осветить, а именно – в приоритетном изучении когнитивного и рефлексивного аспектов прошлого человеческого опыта. Именно интеллектуальная история ориентирована на реконструкцию исторического прошлого каждой из областей и форм знания (включая знания до-научные и паранаучные, религиозные, эстетические) как части целостной интеллектуальной системы, переживающей со временем неизбежную трансформацию, и призвана выявлять исторические изменения фундаментальных принципов, категорий, методов и содержания познания, изучать процессы становления и развития научной картины мира, стиля мышления, средств и форм научного исследования – в общем контексте духовной культуры конкретной эпохи.

Познакомившись с манифестом междисциплинарного сообщества ученых, объединившихся в 1994 г. под флагом International Society for Intellectual History (Международного Общества интеллектуальной истории), который провозгласил «второе рождение» интеллектуальной истории, я поняла, что уже давно «говорю прозой» – на одном с ними научно-методологическом «языке». Но я рискнула предложить более широкое понимание предметного поля интеллектуальной истории – как истории социокультурных условий, форм и результатов всех видов творческой деятельности человека, и встретила многие десятки единомышленников и энтузиастов. В результате было создано Российское Общество интеллектуальной истории (сегодня оно насчитывает 35 региональных отделений и около четырехсот членов). С самого начала деятельность этой профессиональной ассоциации опиралась на активное взаимодействие представителей академической науки, столичных и региональных классических и педагогических университетов, а также широкой сети других высших учебных заведений разного профиля. Выполняя свои уставные цели РОИИ содействует координации научных исследований и публикации научных работ по интеллектуальной истории, способствует продвижению тематики интеллектуальной истории в учебных программах российских вузов, организации специальных лекционных курсов и семинаров в университетах и других учебных заведениях России, организует обмен научной информацией по проблематике интеллектуальной истории между российскими и зарубежными учеными, проводит ежегодные научные конференции, а также круглые столы и семинары и т.д.

Общество открыто не только для научных сотрудников и преподавателей, но и для аспирантов и студентов. С 1999 г. в Москве и региональных центрах проводятся ежегодные научные конференции. Реализуются крупные научные проекты, в том числе: «Интеллектуальные традиции Античности и Средневековья», «История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени», «Идеи и люди: интеллектуальная жизнь в Европе Нового времени», «Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад» и другие.

Основа инфраструктуры Общества – Центр интеллектуальной истории Института всеобщей истории Российской Академии наук (создан в конце 1998 г.), постоянно действующий научный семинар и научный журнал «Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории», который выходил с 1999 г. два раза в год, а с 2006 г. выходит ежеквартально (с 2007 г. является изданием, рекомендованным ВАК для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук). Общество также выпускает информационно-аналитическое издание «Вестник РОИИ». Не стоит, однако, переоценивать роль центральных институций: многие исследовательские, научно-организационные и издательские проекты Общества проводятся именно по инициативе региональных отделений, а некоторые из них реализуют собственные комплексные программы (Екатеринбург, Казань, Омск, Ростов, Пермь, Санкт-Петербург, Ставрополь, Челябинск и др.)¹. Вместе с тем, общей проблемой остается все еще весьма относительная совместимость старых научных школ и новых направлений. Трения между ними в значительной мере объясняются неоднозначностью длинной траектории развития интеллектуальной истории в рамках профессиональной историографии XIX–XX столетий и появлением в ней разнонаправленных векторов на рубеже XX–XXI вв.

¹ Среди них следующие периодические издания: «Ставропольский альманах Общества интеллектуальной истории» (издается с 2001 г.), серия «Интеллектуальная история» в екатеринбургском «Imagines mundi» (с 2004 г.), омский ежегодник «Мир историка» (с 2005 г.); ростовские ежегодники «Человек второго плана в истории» (с 2004 г.) и «Cogito: альманах истории идей» (с 2006 г.).

4. Какие Вы видите перспективные направления сотрудничества российских и украинских историографов? Есть ли успешный опыт сотрудничества историографов на постсоветском пространстве, который вы могли бы отметить?

Говоря об успешном опыте и перспективных направлениях сотрудничества российских и украинских историографов, я ограничусь той областью широкого и многообразного взаимодействия историков двух стран, в которой принимаю непосредственное участие и ситуация в которой мне хорошо известна. Речь идет о широко понимаемой предметной сфере интеллектуальной истории, включающей теорию историографии, методологию и историю исторической науки. Мне представляется чрезвычайно полезным и ценным (надеюсь, что для обеих сторон) опыт сотрудничества между Институтом всеобщей истории РАН и рядом региональных университетов России, с одной стороны, и специалистами Института истории Украины НАН Украины, историческим факультетом Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина и других региональных университетов Украины, совместное участие в научных конференциях и регулярный «обмен» научными публикациями историков двух стран на страницах таких периодических изданий, как «Ейдос», «Регіональна історія України», «Харківський історіографічний збірник».

На мой взгляд, это взаимодействие заложило прочный фундамент, на котором наличествующие регулярные научные контакты могли бы получить дальнейшее развитие уже в форме долговременных сетевых научно-исследовательских проектов, ставящих своей целью решение крупных трансдисциплинарных проблем.

Л. П. Репина
14.05.2012

В. Ю. ІВАЩЕНКО, В. О. КУЛІКОВ

КОНТЕНТ-АНАЛІЗ ЗОБРАЖЕНЬ В ПІДРУЧНИКАХ З ІСТОРІЇ УКРАЇНИ ДЛЯ СТАРШИХ КЛАСІВ

Резюме: Стаття представляє собою результати контент-аналіза візуального ряду двох шкільних учебників по історії України ХХ в. Аналіз учебників показав, що шкільна історія всё ещё являється переважно політичною, але помітна тенденція до диверсифікації напрямів історичного минулого. Відзначаються технічні та методичні недоліки в підборі та підписах до зображень: відсутність єдиних принципів підписів, невідповідність зображень контексту, майже виключно ілюстративна, а не аналітична функція і ін.

Ключові слова: шкільний учебник, візуальна історія, контент-аналіз.

Розділ V

Історична освіта

Іващенко В. Ю., Куліков В. О. Контент-аналіз зображень в підручниках з історії України для старших класів.

Резюме: Стаття являє собою результати контент-аналізу візуального ряду двох шкільних підручників з історії України ХХ ст. Аналіз підручників показав, що шкільна історія все ще є переважно політичною, але помітна тенденція до диверсифікації напрямів історичного минулого. Відзначаються технічні та методичні недоліки у підборі та підписах до зображень: відсутність єдиних принципів підписів, невідповідність зображень контексту, майже виключно ілюстративна, а не аналітична функція і ін.

Ключові слова: шкільний підручник, візуальна історія, контент-аналіз.

Ivashenko V. Yu, Kulikov V. O. Content-analysis of Images in Textbooks on the History of Ukraine for Senior Classes.

Resume: The article presents the results of visual series content-analysis of two textbooks on the history of Ukraine(the XX-th century). Analysis of textbooks has shown that school history is still largely political, although trend toward diversification of the past is noticeable. Technical and methodological imperfections in the selection and captions to the pictures are marked: the lack of uniform principles of signature,disparity between imagesand contextetc.

Keywords: school textbook, visual history, content analysis.

© Іващенко В. Ю., Куліков В. О.

Шкільні підручники з історії неодноразово ставали предметом наукового аналізу [1-8; 11 та ін.]. У 2007 р. Український інститут національної пам'яті ініціював проведення робочої наради з моніторингу підручників історії України для середніх загальноосвітніх навчальних закладів. Для проведення моніторингу та розробки концепції історичної освіти в Українському інституті національної пам'яті було створено Робочу групу, до складу якої увійшли історики-науковці з різних регіонів України. Результатом кількох нарад стали видання «Шкільна історія очима-істориків науковців: матеріали Робочої наради з моніторингу шкільних підручників історії України» [8] та «Пропозиції до концепції історичної освіти в Україні: матеріали III Робочої наради з моніторингу шкільних підручників історії України», а також було запропоновано проект концепції та програми викладання історії України в школі [5].

Утім зазвичай об'єктом дослідження виступає текстовий компонент підручника, тоді як візуальні матеріали привертають значно менше уваги. У 2010/2011 р. автори даної статті взяли участь у проекті «Викладання історії в школі: на шляху до толерантності» [<http://fond.sociology.kharkov.ua/report/>], у межах якого за допомогою методу контент-аналізу було здійснено спробу оцінити як текстову, так й ілюстративну складову двох підручників з історії України [3]. Дане дослідження продовжує роботу у цьому напрямку й покликане визначити методичний потенціал візуальних матеріалів шкільного підручника з історії.

Візуальні матеріали є важливим методичним інструментарієм, оскільки вони формують образне мислення учнів, допомагають «вжитись» в епоху, можуть виступати спеціальним об'єктом аналізу історичного минулого і т. ін. [див. докл.: 2; 9]. Твердження, що ми «живемо в епоху візуалізації» і щораз відходимо від «галактики Гутенберга в бік аудіовізуального виміру культури» вже давно не викликає заперечень, однак питання, наскільки підручникова реальність відповідає сучасним викликам, ще вимагає спеціального дослідження.

Основним методом аналізу ілюстративного ряду став метод контент-аналізу (про методи аналізу підручників див. докладніше статтю Дж. Ніколза [10]). Суть контент-аналізу – це оцінка частот. Досліджувані текст або візуальні матеріали, зводяться до обмеженого набору певних елементів, які потім піддаються підрахунку й аналізу на базі фіксації частоти повторюваності символів та їхньої кореляції

один з одним. Контент-аналіз – методика автоматичної класифікації документів за змістом та (або) виявлення частоти появи у тексті певних характеристик (елементів, або кодифікованих ознак), що цікавлять дослідника. Ця методика дозволяє зробити деякі висновки стосовно намірів автора тексту або можливих реакцій адресата. Контент-аналіз проводиться з метою підвищення об'єктивності висновків аналізу тексту/зображень, але кількісний аналіз має бути доповнений герменевтичним, який дозволяє нам виявити те, що не може бути обчислено.

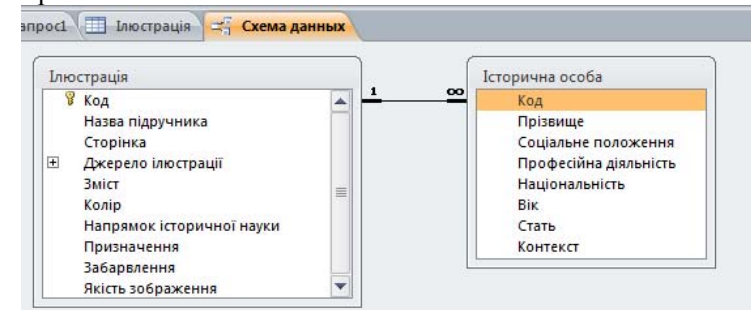
У нашому дослідженні проаналізовано два підручники з історії України, рекомендовані Міністерством освіти і науки, молоді та спорту України.

Реєнт О., Малій О. Історія України: підруч. для 10 кл. загальноосвіт. навч. закл. Рівень стандарту, академічний рівень / О. Реєнт, О. Малій. – К.: Генеза, 2010. – 240 с.: іл., карти.

Струкевич О. К., Романюк І. М., Дровозюк С. І. Історія України: Підруч. Для 11 кл. загальноосвітн. навч. закл. – К.: Грамота, 2011. – 320 с., іл.

Для аналізу ілюстрацій у підручниках була створена реляційна база даних в СУБД MS Access, що складається з двох таблиць: «Ілюстрація», яка містить поля з атрибутивними та дескриптивними характеристиками, та «Історична особа», що містить опис осіб, зображених на ілюстраціях (див. модель БД на схемі. 1).

Схема. 1. Інфологічна модель БД по аналізу візуальних матеріалів

Звернемось спочатку до загальної характеристики візуальних матеріалів, кількість яких дозволяє прослідкувати певні тенденції: у підручнику для 10 класу подано 193 ілюстрації, у підручнику для 11 класу – 175.

Абсолютну більшість зображень підручника 10 класу за якістю можна вважати задовільними, а от в підручнику для 11 класу 35 % зображень ми віднесли до незадовільних за якістю і тільки 14 % до високоякісних (решта – з оцінкою «задовільно»). Основними критеріями для визначення якості були розмір та чіткість запропонованих зображень.

У підручнику для 10 класу типовий розмір зображень становить 10×5 см, хоча зустрічаються й маленькі (6×4). У підручнику для 11 класу переважають дрібні ілюстрації: 4,5×5,5 см, до того ж чіткість та контрастність більшості зображень є вкрай низькими. При цьому, якщо невеликий розмір зображень є цілком виправданим у випадках з портретами, оскільки навіть у такому форматі дозволяє створити уявлення про зовнішній вигляд тієї чи іншої особи, то у випадку із жанровими зображеннями («Австрійські військовополонені», «Поїзд з російськими військовополоненими в Карпатських горах. 1915 р.» [10 кл., с. 93]; «Бій на правому фланзі оборони м. Севастополя [11 кл., с. 27], «Наступ радянських військ на Харків [11 кл., с. 53] та ін.) ускладнює або навіть унеможливає роботу учнів з наочністю. Як наслідок – підручник у відношенні наочності та дизайну значно поступається медіа-джерелам (інтернет, телебачення), оскільки сучасний школяр звик до якісної мультимедійної інформації.

Крім того, досить цікавою виглядає співвідношення монохромних та кольорових зображень: у підручнику для 10 класу воно становить 25/75 %, у підручнику для 11 класу – 52/48 %. Низька частка кольорових зображень в підручнику для 11 класу дивує, оскільки в другій половині ХХ ст. кольорове фото не було рідкісним, а з 1970-х років в СРСР стає масовим явищем.

Розташовані ілюстрації здебільшого рівномірно, але в обох підручниках зустрічається кількосторінкові фрагменти тексту без ілюстрацій, тоді як на окремих сторінках розміщено по два–три зображення. Найбільш насиченими за кількістю ілюстрацій є параграфи, присвячені розвитку української культури, передусім, мистецтва.

Абсолютна більшість зображень, наведених у підручниках, виконують ілюстративну функцію: у підручнику для 11 класу – це майже 100 % зображень (хіба що карти можна вважати аналітичним матеріалом); щодо підручника для 10 класу, то тут 58 % ілюстрацій можна віднести до аналітичних.

Переважає більшість зображень в обох підручниках – це документальні джерела, зокрема, фотографії (табл. 1). В обох

підручниках пропонується велика кількість картин та «поштівок», однак потенціал таких форм, як плакат та карикатура в обох підручниках використаний недостатньо. Плакат акумулює в собі ідеологічні стереотипи доби, а карикатура – вади власної системи та її ворогів через образ Іншого. Аналіз відповідних джерел виховує в учнів критичне мислення, сприяє руйнуванню загальноприйнятих в суспільстві стереотипів. У підручнику для 10 класу пропонуються також інші документальні зображення: обкладинки книг, репродукції картин, листівки, зображення пам'ятних монет, медалей, пам'ятників, а також документів. При цьому використання останніх невиправдано, оскільки розмір зображення не дає можливості ознайомитися із текстом запропонованих документів – «Маніфесту 17 жовтня» [10 кл., с. 25], IV Універсалу Української Центральної Ради [10 кл., с. 139], газети «Нова рада» [10 кл., с. 210], «Актом проголошення незалежності України» [11 кл., с. 235] і т.п.

Табл. 1. Джерело ілюстрації

Показник	10 клас		11 клас	
	абс.	%%	абс.	%%
Точасна фотографія	101	52,3	135	77,1
Картина	18	9,3	12	6,9
«Поштівка», поштова марка	17	8,8		
Схема	14	7,3		
Символіка	9	4,7		
Картографічні матеріали	7	3,6	5	2,9
Плакат, карикатура	5	2,6	3	1,7
Обкладинка	4	2,1		
Сучасна фотографія	3	1,6	10	5,7
Газета	3	1,6		
Зображення документу	3	1,6	3	1,7
Бони, монети	2	1,0	1	0,6
Листівка	1	0,5		
Пам'ятник, скульптура	4	2,1	1	0,6
Пам'ятна медаль, нагороди	1	0,5	1	0,6
Кадр з кінохроніки			4	2,3

Візуальний образ української історії ХХ століття – це здебільшого образ політики (табл. 2). Абсолютна більшість ілюстрацій підручника 10 класу присвячена політичним подіям та політичним діячам, досить помітним цей сегмент є і в підручнику для 11 класу, хоча в останньому випадку за кількісними показниками домінують зображення з історії культури (або політики в галузі культури). При цьому варто зазначити, що історія культури в обох підручниках здебільшого персоніфікується, особливо в напрямку історії науки, де ілюстрації зводяться до подання портретів науковців, що не сприяє розвитку образного мислення. Водночас жодного зображення з історії моди, дизайну і т.п. не наводиться. Майже не представлена неофіційна культура та різні субкультури, які були помітним явищем в історії УРСР, особливо з 1960-х років.

Табл. 2. Галузь історії, якій присвячено ілюстрацію

	10 клас		11 клас	
	абс.	%%	абс.	%%
Політична історія	72	37	43	25
Культурна історія	61	32	61	35
Воєнна історія	28	15	34	19
Економічна історія	19	10	27	15
Історія повсякденності	8	4	4	2
Інше	5	3	6	3
Разом	193	100	175	100

Позитивним є те, що зображення мирного життя привалює над зображенням війни, хоча щодо підручника для 10 класу можна говорити про яскраво виражену мілітарність зображень. Це пояснюється специфікою запропонованого для вивчення періоду і наголосом на таких подіях, як Перша світова війна та Українська революція. Утім, поряд з батальними сценами можна побачити зображення, що ілюструють воєнну повсякденність.

Взагалі особливістю підручника для 10 класу в підборі ілюстративного ряду є активне використання зображень повсякденного життя. Людина в її повсякденному оточенні надає історії нового, антропоцентричного звучання. Утім, при формуванні відеоряду підручників спостерігаються і певні диспропорції, особливо помітні в підручнику для 11 класу. Понад

34 % зображень – це портрети історичних осіб (не рахуючи колективних), великою є частка зображень історичних будівель та промислових об'єктів, тоді як зображення картин повсякденного життя зустрічаються нечасто.

У підручнику для 10 класу у темі «Україна на початку ХХ століття» переважають зображення вулиць, будівель, промислових об'єктів: 20 зображень із 68, включаючи карти та схеми. Фото будівель ілюструють економічне життя, розвиток культури (поряд з пам'ятками архітектури подаються будівлі освітніх закладів, зображення яких супроводжують текст про розвиток освіти в Україні на початку ХХ ст.), розвиток міст, повсякденне життя. Зазначимо, що відповідні зображення візуалізують переважно міський спосіб життя. Сільське населення, яке на початку ХХ ст. кількісно переважало, представлено фотографіями «Хутір Глоди Полтавської губернії. Початок ХХ ст. Поштівка», «Селянська родина. Київщина. Початок ХХ ст.» [10 кл., с. 11], «Українські емігранти за роботою в полі. Канада, 1904 р.» [10 кл., с. 44]. У наступних темах зображення селян також є поодинокими, до того ж вони ілюструють інші процеси – культурні та військові: картина Ф. Красицького «Гість із Запоріжжя» [10 кл., с. 63], фото «Російські солдати в Галичині. 1914 р.» [10 кл., с. 82] та «Залишки одного з російських сіл, спаленого за наказом командування під час відступу російських військ. 1915 р.» [10 кл., с. 44]; триптих художника В. Кричевського «Життя» [10 кл., с. 213], картина В. Кричевського «Ярмарок у Сорочинцях» [10 кл., с. 207] тощо.

У темі «Українська революція (березень 1917 – початок 1918 р.)» переважають зображення демонстрацій, мітингів та інших масових заходів (8 із 25), причому більшість з них є малоінформативними через низьку якість або невдалий ракурс: так, учасники демонстрації полуботківців [10 кл., с. 107], мітингу на Софійській площі в березні 1917 р. [10 кл., с. 110], Всеукраїнського національного конгресу [10 кл., с. 112] сфотографовані зі спини.

Практично не висвітлюється релігійне життя у країні: окрім портретів А. Шептицького [10 кл., с. 67] та В. Липківського [10 кл., с. 225], воно ілюструється зображенням пам'ятника В. Липківському в м. Баунд-Брук (США) [10 кл., с. 226] та більшовицьким пропагандистським плакатом антирелігійного змісту [10 кл., с. 225]. А от в підручнику для 11 класу релігійне життя, навпаки, представлено майже виключно церковними будівлями та портретами церковних діячів.

Також нерівномірно висвітлені деякі сюжети: параграф «Воєнні дії на території України в 1914–1917 рр.» містить три фотографії російських солдат («Солдати російської армії у поході. 1914 р.», «Російські війська біля Львівського вокзалу. 1915 р.», «Російські солдати в Галичині. 1914 р.») та по одній фотографії австро-угорських вояк та українських січових стрільців [10 кл., с. 81–85]. Наступний параграф «Посилення економічної та політичної кризи в Російській та Австро-Угорській імперіях. Життя на фронті та в тилу» також нерівномірно представляє воюючі сторони, зокрема поряд із одним фото австрійських військовополонених розміщено два фото з російськими полоненими [10 кл., с. 93–94].

В підручнику для 11 класу радянський Рух опору представлений портретами С. Ковпака та Т. Строчака, а також фотографією партизанського загону на р. Случ [11 кл., с. 44], а націоналістичний Рух опору – тільки одним зображенням – фотографією А. Шептицького. При цьому в обох підручниках немає жодного портрету керівників ОУН та УПА.

В підручнику для 11 класу підрозділи «Наш край» представлені майже виключно картинами українських художників. Причому у підписах є лише прізвище художника, назва картини та рік.

Принцип відбору ілюстрацій у ряді випадків також викликає запитання. Не завжди рівномірно представлені різні регіони України: так, характеризуючи архітектуру початку ХХ ст. автори підручнику для 10 класу подають зразки будівель м. Києва (будинок з химерами, костел Св. Миколая, Бесарабський критий ринок, педагогічний музей). Як виключення у цьому ряду виглядає будинок Полтавського земства, що репрезентує український модерн [10 кл., с. 59–60].

У підручнику для 11 класу аналогічна ситуація. Наприклад, у підрозділі «Релігійні конфесії у сучасній Україні» [11 кл., с. 296–297], чотири зображення релігійних споруд – костюлу, синагоги та православних монастиря і собору (варто було б, мабуть, ще помістити уніатську споруду). Але всі вони розташовані в Києві. Чому б, наприклад, замість київської не помістити харківську синагогу, найбільшу в Україні?

Поширеним недоліком є невідповідність підібраних ілюстрацій контексту. Наприклад, ілюструючи творчість відомого українського живописця О. Мурашко, учням пропонується ознайомитися з картиною «Парижанки біля кафе» [10 кл., с. 62]. Крім того, що назва картини подана не зовсім точно (правильна назва – «Парижанки. Біля

кафе»), не зовсім зрозумілим є сам вибір картини, адже в тексті робиться акцент на картині «Карусель», яка «справила велике враження на художню громадськість» і здобула золоту медаль на Х Міжнародній виставці в Мюнхені в 1909 р. [10 кл., с. 61]. Ілюстрація «Львівський університет» [10 кл., с. 47] розташована поряд із текстом, що ілюструє національно-визвольний рух у західноукраїнських землях, тоді як будівлі Харківського Київського та Новоросійського університетів, а також Київського політехнічного інституту [10 кл., с. 51–52] супроводжують розповідь про стан освіти в Україні на початку ХХ ст.

У підручнику 11 класу також чимало недоречностей у підборі малюнків. Наприклад, на стор. 166 зображено Третій Всесоюзний з'їзд колгоспників 1969 р., при тому, що контекст є суто економічним. Мабуть, подане зображення мало б сенс при розповіді про політичну систему УРСР; але в контексті сюжету про зростання технічного оснащення та хімізації сільського господарства, доречніше було б помістити зображення нових зразків техніки, або агітаційний плакат, присвячений хімізації сільського господарства.

Жодне зображення обох підручників не містить спеціальних запитань; більше того, є чимало зображень, інформаційна цінність яких дорівнює нулю. Наприклад, в підручнику 11 класу на с. 12 є зображення з підписом «Після приєднання Північної Буковини до УРСР», на якій можна розібрати натовп людей, які тягнуть руки вгору. Але зрозуміти: чи то вони голосують, чи радіють, чи, навпаки, обурюються абсолютно неможливо. Або на с. 111 того ж підручника поміщено фотографію 13 чоловіків з підписом «Спецпоселенці із Західної України. С. Котиковці Іркутської області. 1956 р.». Яке інформаційне чи емоційне навантаження має нести ця фотографія, не зрозуміло.

Досить серйозні зауваження викликають підписи до ілюстрацій. Автори не змогли обрати єдиного принципу: окрім назви події, що зображена, в окремих випадках вказується дата, вид джерела («поштівка», «плакат») та його походження («фото з книги»). Однак цієї схеми вони дотримуються не завжди: у більшості випадків походження візуального джерела незрозуміло, лише в одному випадку зазначено автора фотографії («Аероплан «Руський витязь». 1915 р. Фото Карла Булли») [10 кл., с. 54], а стосовно ілюстрацій до подій радянсько-польської війни, зазначається, що вони взяті із книги Н. Дейвіса «Білий орел – червона зірка: польсько-радянська війна 1919 – 1929 рр.» [10 кл., с. 196–197, 199].

Часто один і той же тип зображення має різний за структурою підпис: так, в одному випадку опис зображення будівлі включає призначення будівлі, дату будівництва та походження джерела («Прибуткові будинки Києва. Початок XX ст. Поштівки») [10 кл., с. 93-94], в іншому випадку поряд із типом будівлі вказується архітектор («Будівля страхового товариства «Дністер» у Львові. Архітектор І. Левицький») [10 кл., с. 46]. У жодному випадку не повідомляється, чи збереглася будівля до нашого часу. Більшість відповідних зображень мають документальний характер, хоча подано і кілька сучасних фотографій. На жаль, у підпису це жодним чином не відображено: так, щодо будівлі страхового товариства «Дністер» хронологія взагалі не визначена, тоді як сучасне фото садиби Харитоненків на Сумщині супроводжує лише дата будівництва – 1890 р. [10 кл., с. 14].

У підписах до картин художників початку XX ст. лише в одному випадку вказується на особливості техніки («Задунайський запорожець. Акварель. Художник С. Васильківський. 1900 р.») [10 кл., с. 62]. Не зрозуміло, що автори хотіли сказати назвою «Г. Нарбут. Поштові марки. Ювілейні поштові марки, 2008 р.» [10 кл., с. 214].

На форзацах та шмуцитулах підручника для 10 класу повторюються зображення, які найбільш яскраво репрезентують окрему тему або період в цілому, але кілька ілюстрацій з'являються тут вперше (тема «Наш край у 1900 – 1921 рр.»), і оскільки тут вони не підписані, виникають труднощі з їхньою ідентифікацією.

В підручнику для 11 класу [11 кл., с. 22] є зображення із підписом «А. Гітлер і Ф. фон Паулюс обговорюють план воєнних дій». При цьому на фотографії три людини (не позначено хто є хто) і всі вони нічого не обговорюють а, очевидно, просто дивляться на карту». На стор. 156 зображено якусь політичну нараду (до двох десятків чоловік), а підпис – «Прийняття Конституції УРСР. 1978 р.». На тій же сторінці у тексті написано, що Конституцію прийняла Верховна Рада УРСР. Отже, співвідносячи текст з зображенням не зрозуміло, чи то така Верховна Рада нечисленна, чи насправді Конституція приймалась іншою політичною інституцією. Отже, в даному випадку підпис є не адекватним малюнку.

Інший приклад: на с. 254 та 256 підручника для 11 класу представлені нафтогазові підприємства, але фотографії мають підписи «Газотранспортне господарство України» [11 кл., с. 254] та «Нафтогазове господарство України» [11 кл., с. 256]. Хіба два

підприємства представляють собою все нафтогазове господарство України? Зрозуміло, що вони є тільки елементами нафтогазовотранспортної системи.

Так само, як звичайний текст, візуальний дискурс може створювати позитивний або негативний образ милого через експресію зображень. Співвідношення ілюстрацій, що можуть викликати позитивні або негативні емоції показано в табл. 3 У цілому можна констатувати домінування нейтрально-позитивної тональності, що є головним достоїнством запропонованого ілюстративного ряду.

Табл. 3. Експресивність зображень

	10 клас		11 клас	
	абс.	%%	абс.	%%
Нейтральне	129	67	116	67
Позитивне	42	22	36	21
Негативне	22	11	20	12
Разом	193	100	172	100

Як було зазначено вище, серед зображень абсолютно домінують портрети історичних діячів. Аналіз соціального походження осіб, портрети яких подані у підручниках, виразно демонструють певні пріоритети авторів: більшість портретів належать представникам інтелігенції. В підручнику 10 класу це 79 % портретів, 11 класу – 70 %. Пояснити такий вибір не важко: невеликий у процентному відношенні прошарок інтелігенції у XIX – XX ст. відігравав у суспільстві вельми помітну роль. Однак досить парадоксальним виглядає той факт, що у країні, де більшість населення була пов'язана з фізичною працею, підручники фактично оминають відповідні візуальні образи: в обох підручниках всього кілька портретів селян і жодного – робітників.

Якщо поглянути на професійну діяльність історичних осіб, чиї зображення подані в підручниках (табл. 4), то в очі впадає беззаперечне домінування політичної еліти суспільства – державних та громадсько-політичних діячів. Досить добре представлені діячі культури – більше третини портретів. Однак вочевидь недостатнім виглядає портретна галерея підприємців та спортсменів. У підручнику для 11 класу є портрети фігуристки Оксани Баюл, футболіста Андрія Шевченка, боксерів Володимира та Віталія Кличків. Це можна віднести до позитивних рис

підручника, адже на сьогодні українські спортсмени є одними з найбільш впізнаваних символів України. У той же час, радянський спорт візуально абсолютне представлений.

Табл. 4. Професійна діяльність

	абс.	%%	абс.	%%
Політичний діяч	45	46	21	34
Митець	17	18	8	13
Військовий	10	10	7	11
Письменник, поет	9	9	4	6
Вчений, педагог	5	5	10	16
Релігійний діяч	3	3	7	11
Спортсмен		0	3	5
Інше	8	8	2	3
Разом	97	100	62	100

Однозначно слід вітати намагання авторів збільшити питому вагу жіночих образів (табл. 5), хоча вона все одно залишається невеликою.

Табл. 5. Стать особи на портретах

	10 клас		11 клас	
	абс.	%%	абс.	%%
Чоловік	89	91	55	92
Жінка	9	9	5	8
Разом	98	100	60	100

Водночас, досить парадоксальним виглядає той факт, що в літературі, розрахованій на дитячу аудиторію, «присутність» дітей практично не відчувається. Візуальна історія в шкільному підручнику – це історія дорослих людей. У підручнику для 11 класу тільки 2 з 98 портретів – дитячі, в підручнику 11 класу – жодного.

Етноцентричність підручників знайшла відображення і в ілюстративному ряді (табл. 6). Хоча на портретах можна зустріти представників інших етносів, крім українського, це переважно не українські громадяни. Наприклад, в підручнику 11 класу це грузин Й. Сталін, англієць – У. Черчіль, німці – А. Гітлер та Ф. фон Паулюс і т. ін. Натомість, слабо або зовсім не представлені такі національні меншини, як євреї та татари.

Табл. 6. Етнічна приналежність особи на портретах

	10 клас		11 клас	
	абс.	%%	абс.	%%
Українець	73	81	28	61
Росіянин	8	9	5	11
Росіянин/українець		0	5	11
Поляк/українець	3	3		0
Німець	3	3	4	9
Єврей	2	2		0
Болгарин	1	1		0
Грузин	0	0	2	4
Англієць, американець		0	2	4
Разом	90	100	46	100

Таким чином, проаналізувавши ілюстративний ряд підручників, можна в цілому зробити висновок про наявність позитивної тенденції, яка проявляється в диверсифікації напрямків історичного минулого. Поряд з політичною історією, яка все ще переважає, у підручниках з'являються зображення повсякденного побуту; ці зображення подаються у вигляді різних документальних джерел – фотографій, картин, плакатів тощо. Утім, запропоновані ілюстрації обходять увагою певні соціальні та професійні групи (робітників, підприємців), національні меншини. Все ще недостатньо представлені візуальні образи жінок та дітей.

Серйозною проблемою є низька якість зображень. На фоні форсованої мультимедізації сучасних інформаційних систем, підручник у відношенні наочності та дизайну значно поступається медіа-джерелам.

Подекуди наведений ілюстративний ряд має методичні вади: невідповідність ілюстрацій текстовому супроводженню, відсутність системи при відборі ілюстрацій, відсутність єдиних принципів підписів зображень а то й взагалі – невдалий підбір ілюстрацій. А головне – автори підручників зазвичай забувають про можливість використання візуальних джерел у процесі творчої роботи учнів. Потенціал наочних матеріалів використовується слабо, у більшості випадків вони даються поза контекстом рішення навчальних завдань.

Література

1. Багдасарян В. Э. Школьный учебник истории и государственная политика / В. Э. Багдасарян, Э. Н. Абдулаев, В. М. Клычников и др. – М., 2009.
2. Гора П. Методические приемы и средства наглядного обучения в средней школе. – М., 1971. – 221 с.
3. Іващенко В. Ю. Викладання історії у школі: на шляху до толерантності. Контент-аналіз підручників з історії України / В. Ю. Іващенко, В. О. Куліков // Методичний вісник історичного факультету Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. – 2012. – № 10.
4. Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств / Ред. А. А. Данилов, А. В. Филиппов. – М, 2009.
5. Пропозиції до концепції історичної освіти в Україні: Матеріали III Робочої наради з моніторингу шкільних підручників історії України (Київ, 18 жовтня 2008 року) / Зведення та упор. пропозицій Н. Яковенко. – К., 2009.
6. Удод О. Сучасні українські підручники з історії в оцінці польських та німецьких істориків // Шкільна історична освіта України: зміст, проблеми, пошуки / Уп. О. А. Удод. – Х., 2010.
7. Чупрій Л. Шкільні підручники з історії України як чинник формування історичної пам'яті молоді. Аналітична записка / Л. Чупрій. – 2010 [Ел. документ]. Режим доступу: <http://www.niss.gov.ua/articles/241/>.
8. Яковенко Н. Шкільна історія очима істориків-науковців: Матеріали Робочої наради з моніторингу шкільних підручників історії України / Упор. та редакція Наталі Яковенко. – К., 2008.
9. Янік М. Фотографія у викладанні та вивченні історії / М. Янік, Б. Урбанович // Історична освіта і сучасність. Як викладати історію школярам і студентам. – К., 2007. – С. 339–353.
10. Nicholls J. Methods in School Textbook Research. [e-Document]. Access mode: <http://www.heirnet.org/IJHLTR/journal6/nichollsrev.pdf>
11. Pingel F. UNESCO Guidebook on Textbook Research and Textbook Revision. – 2nd revised and updated edition / F. Pingel. – Paris/Braunschweig, 2010.

Розділ VI

Спогади

ВІД РЕДКОЛЕГІЙ:

Володимир Іванович Кадєєв народився 8 червня 1927 р. в м. Харкові в родині робітника. В 1935 р. вступив до школи № 1 м. Харкова, де закінчив 6 класів. Подальше навчання було перервано війною та німецько-фашистською окупацією. Продовжив навчання у січні 1944 р. у машинобудівному технікумі при заводі імені В. О. Малишева, який закінчив у березні 1948 р. за фахом «тепловозобудування». Після технікуму працював у конструкторському бюро заводу спочатку техніком-конструктором, а з 1950 р. – інженером-конструктором.

У 1951 р. вступив до історичного факультету Харківського державного університету, де спеціалізувався на кафедрі стародавньої історії та археології. З 1953 р. одночасно з навчанням на стаціонарі працював завідувачем Археологічним музеєм ХДУ та брав участь у роботі археологічних експедицій під керівництвом Б. А. Шрамка, С. О. Плетньової, Д. Я. Телегіна і Д. Т. Березівця, які досліджували пам'ятки раннього залізного віку, слов'ян та салтівської культури. Після закінчення в 1956 р. університету працював в Археологічному музеї ХДУ і одночасно викладачем археології та історії первісного суспільства на вечірньому відділенні історичного факультету. З 1959 по 1961 рр. був аспірантом кафедри стародавньої історії та археології Харківського університету (наук. керівник – проф. К. Е. Гриневич). У 1962–1963 рр. – викладач кафедри стародавньої історії та археології. В 1963 р. захистив кандидатську дисертацію «Ремесла и промыслы Херсонеса Таврического». В 1964–1977 рр. – доцент кафедри стародавньої історії та археології, з 1977 р. (осінній семестр) – в. о. завідувача цієї кафедри. У 1978 р. за його ініціативою була створена кафедра історії стародавнього світу та середніх віків, якою завідував з моменту заснування до 2007 р. У 1968 р. затверджений у вченому званні доцента. Для завершення праці

над докторською дисертацією в 1973–1974 рр. перебував у докторантурі при Інституті археології АН СРСР (наук. консультант – В. Д. Блаватський). Докторську дисертацію «Херсонес Таврический в I–III веках н. э.» захистив у 1975 р., в 1979 р. був затверджений у вченому званні професора. У 1978–1982 рр. був деканом історичного факультету ХДУ. У 1963 р. організував Херсонеську археологічну експедицію, яка здійснювала дослідження Херсонесу Таврійського під його керівництвом до 1984 р. Багато уваги приділяв підготовці археологів та істориків вищої кваліфікації. У 1978–1981 рр. був головою спеціалізованої ради ХДУ з захисту кандидатських дисертацій, з 1978 до 1993 рр. – членом спеціалізованої ради Інституту археології НАН України з захисту докторських дисертацій, з 1982 до 2003 рр. – членом спеціалізованої ради ХДУ з захисту докторських дисертацій. Під його керівництвом підготовлено та захищено 12 кандидатських і одна докторська дисертація. З кінця 1970-х рр. брав активну участь у науково-організаційній роботі: в 1978–1993 рр. – член координаційної ради «Археологические исследования на Украине», у 1979–1989 рр. – член секції історії, заступник голови комісії з археології та етнографії Науково-технічної ради Мінвугу СРСР; у 1994 р. – один з ініціаторів створення Харківського історико-археологічного товариства, співголовою якого був з 1995 по 2001 рр. Багато років був членом редколегії та головним редактором «Вестника ХГУ» (серія «История»), «Болгарского ежегодника» і щорічного видання «Древности», входив до редколегії журналу «Археологія» НАН України, був рецензентом журналів «Советская археология», «Вестник древней истории» АН СРСР. У 1970–80-х рр. неодноразово був учасником міжнародних конференцій і семінарів істориків і археологів у Єревані, Софії, Варні, Велико Тирново та Празі. У 1980 р. був ініціатором і заступником голови оргкомітету Всесоюзної конференції істориків, археологів-античників, філологів-класиків, що відбулася у Харкові на базі ХДУ; був одним з керівників кількох міжнародних наукових конференцій археологів, організованих Харківським історико-археологічним товариством у 1990-ті рр.; входив до складу оргкомітетів «Дриновских чтань», які відбулися у Харкові. Автор близько 200 друкованих праць, у тому числі 10 монографій. У 1993 р. за наукові досягнення йому було присвоєно звання «Заслужений діяч науки і техніки України», в 1999 р. – «Заслужений професор Харківського державного університету». Нагороджений відзнаками Міністерства освіти та науки «Відмінник освіти України» (2002 р.), «Антон Макаренко» (2005 р.), «За наукові досягнення» (2007 р.). Нагороджений Почесною грамотою, Дипломом і стипендією Харківської обласної державної адміністрації, у 2000 р. був дипломантом обласного конкурсу «Вища школа Харківщини – кращі імена» серед завідувачів кафедр вузів.

В. И. КАДЕЕВ**ГОДЫ СТУДЕНЧЕСКИЕ**

После нескольких лет работы (1948–1951) в конструкторском бюро завода № 75 (ныне завод им. Малышева), куда я был направлен по окончании машиностроительного техникума при этом заводе, я решил получить высшее образование и поступил на вечернее отделение подготовительных курсов при Политехническом институте. Там я познакомился с Борисом Мигалем и Владимиром Любарским, последний собирался после курсов поступать в Политехнический институт. Мы же с Борисом Мигалем учились на курсах, но не решили, куда будем поступать учиться дальше.

В свободное время мы посещали футбольные матчи на первенство Советского Союза. Несколько раз с нами на футбол ходил старший брат Бориса – Владимир, который в то время заканчивал исторический факультет Харьковского университета. Он всячески агитировал нас поступить на исторический факультет, учеба на котором, по его мнению, очень интересная. В результате этих бесед мы приняли решение поступать на исторический факультет Харьковского университета.

После вступительных экзаменов, среди которых были: история, география, иностранный язык и сочинение, в 1951 году мы были зачислены на первый курс исторического факультета и стали посещать там занятия.

Жили мы на улице Дарвина. Борис в доме № 1, а я в доме № 16. И каждое утро мы встречались у дома № 1 и направлялись на исторический факультет, который тогда находился в нынешнем здании клиники Института профзаболеваний на пересечении проспекта Правды и улицы Тринклера. Перед фасадом этого здания был сквер.

Исторический факультет занимал второй этаж и часть первого этажа. В другой части первого этажа находилась военная кафедра университета. Чтобы попасть на факультет, нам нужно было подняться по небольшой наружной лестнице. Здание было кирпичное, без облицовки, и имело довольно мрачный вид.

Обычно на занятия, которые начинались в 8 часов, мы шли по Совнаркомовской улице, затем переходили Сумскую и далее шли © Кадеев В. И.

через сад им. Шевченко. А затем, перейдя площадь Дзержинского попадали на улицу Тринклера и направлялись через сквер на исторический факультет. Помещений на факультете было сравнительно немного: деканат, несколько аудиторий, кабинеты четырех кафедр (древней истории и археологии, средних веков, истории СССР и новой и новейшей истории). Был на факультете небольшой проходной зал, а также фотолаборатория, камеральные комнаты, в которых обрабатывали археологические находки. Почти все эти помещения размещались на втором этаже, и только кафедра новой и новейшей истории была на первом этаже.

Заведующим кафедрой древней истории и археологии был проф. С. А. Семенов-Зусер, но он умер в сентябре 1951 года и исполняющим обязанности заведующего кафедрой стал доц. В. А. Гольденберг.

Кафедрой истории средних веков заведовал проф. Н. М. Пакуль, зав. кафедрой истории СССР был доц. С. Н. Короливский, а кафедрой новой и новейшей истории заведовал проф. А. П. Ковалевский.

Лаборантом кафедры древней истории и археологии была Галина Сологуб, лаборантом кафедры истории средних веков – Гайане Пингирян, лаборантом кафедры истории СССР – Александра Кривошеева, лаборантом кафедры новой и новейшей истории – Раиса Власенко.

На кафедре древней истории и археологии кроме кабинета, в котором хранилась литература, была фотолаборатория, в которой работал Валентин Васильевич Кулешов, и еще одна комната, в которой хранились археологические материалы и было несколько витрин археологической экспозиции. Здесь обычно происходили заседания членов кафедры и студенческого археологического кружка.

Занятия студентов исторического факультета проходили в первую смену, а во вторую смену в аудиториях занимались студенты факультета иностранных языков.

Деканом исторического факультета был доцент Антон Григорьевич Слюсарский, который читал у нас лекции по истории СССР эпохи феодализма. О деканате Антон Григорьевич говорил: «Деканат – це Люся и я». В то время, действительно, по штатному расписанию был лишь декан и секретарь факультета. Эту последнюю должность занимала тогда Люся – девушка, которая жила в Мерефе и каждый день на работу приезжала в Харьков. Она имела определенное влияние на декана и это заметили студенты. И когда нужно было решить

какой-то мелкий вопрос, то обращались обычно к Люсе. Антон Григорьевич был порядочным и очень добрым человеком. К студентам он относился с симпатией, выделяя перспективных студентов, которые потом становились лаборантами, аспирантами и преподавателями факультета. Он был «посаженым отцом» на свадьбе нашего однокурсника Юрия Шиловцева. Благодаря Антону Григорьевичу молодожены получили в студенческом общежитии университета по проспекту Ленина 20 комнату.

Общие лекции для студентов первого курса, состоявшего из пятидесяти человек, читались в аудитории № 13. Здесь мы с Борисом Мигалем садились на самом заднем столе возле стены. Как и говорил Владимир Мигаль, агитируя нас, учиться на историческом факультете Харьковского университета было очень интересно. Уже на первом курсе нам читали лекции по таким предметам как основы археологии, история первобытного общества, о которых я раньше понятия не имел. Преподавались древнерусский и латинский языки.

Большое внимание уделялось практическим занятиям по истории СССР, истории Древнего Востока, истории Древней Греции и Рима, к которым приходилось готовиться по первоисточникам. При подготовке к этим занятиям постоянно приходилось обращаться в кабинеты кафедр на факультете и ходить в читальный зал Центральной научной библиотеки университета. Особенно я заинтересовался археологией, о которой до университета практически также ничего не знал. Уже в октябре 1951 года я отправился на археологические разведки в село Огульцы, Харьковской области, по соседству с которым находился археологический памятник раннего железного века. В разведке участвовало несколько студентов под руководством молодого преподавателя Бориса Андреевича Шрамко. Это было мое первое практическое знакомство с археологией.

На лекции ходил регулярно, хотя не всегда они были интересными. Лучшим лектором на первом курсе был Владимир Александрович Гольденберг, читавший нам историю Древнего Востока и историю Древней Греции и Рима. Он был руководителем моей курсовой работы, которая носила название «Борьба Октавиана с Антонием». Свободного времени в течение первого года обучения на историческом факультете у меня практически не было, поскольку я очень старался при подготовке к практическим занятиям, коллоквиумам, а также при написании курсовой работы и

во время экзаменационной сессии. К тому же во втором семестре я стал посещать заседания научного кружка по археологии, члены которого на заседаниях выступали с научными докладами. Я тоже подготовил доклад «Ремесла Древнего Новгорода», с которым выступил на одном из заседаний кружка. Этот доклад на областном конкурсе студенческих научных работ был отмечен грамотой.

Помню и неприятный эпизод, произошедший со мной во время летней сессии на первом курсе. Во время экзаменов Борис Мигаль в процессе подготовки к экзаменам готовился самостоятельно, но при этом для надежности составлял шпаргалки. Часть этих шпаргалок он оставлял у себя, а другую передавал мне, хотя знал, что я ими не пользуюсь. Так было и на экзамене по истории Древней Греции и Рима, который принимал доцент В. А. Гольденберг. Во время подготовки ответов на вопросы билета я услышал басистый шепот Бориса: «Володя, дай мне шпаргалки». Это услышал и экзаменатор, который воскликнул: «Какие шпаргалки? Вы пользуетесь шпаргалками?», – обратился он ко мне. После этого во время моего ответа на вопросы билета посыпались дополнительные вопросы, не имевшие отношения к тем, которые были в билете. Я стал на них отвечать, но от волнения что-то не смог вспомнить. В результате вместо пятерок, которые были у меня до этого, по античной истории я получил 4 балла. Прошло четыре года, и я при получении диплома увидел лист с оценками, там у меня по истории Греции и Рима значилась оценка 5 баллов. Это было вызвано тем, что сразу после экзамена к Владимиру Александровичу направилась группа моих однокурсников, живших в общежитии по Артема 49, с которыми я готовился к экзамену, в том числе и те, кто получил пятерки. Они сказали Гольденбергу о том, что я лучше их знаю предмет и, видимо, поэтому экзаменатор исправил оценку в ведомости, а в зачетке осталась прежняя.

Несмотря на существование на историческом факультете специализации по кафедрам, курсовые работы по существовавшему тогда учебному плану студент должен был писать по всем кафедрам. На I курсе по тематике кафедры древней истории и археологии. На II курсе по тематике кафедры истории средних веков. На III курсе курсовую работу писали по тематике кафедры истории СССР. На IV курсе курсовая работа была по кафедре новой и новейшей истории.

На втором курсе в 1952 -1953 гг. на историческом факультете читались общие курсы: история СССР эпохи капитализма (доцент

И. Я. Мирошников), история средних веков (Л. П. Калущая), история Украины (доцент И. К. Рыбалка), история средневекового Востока (профессор А. П. Ковалевский), история КПСС (доцент А. Е. Немирова), латинский язык (И. Сидорова), английский язык (З. М. Могилянская). Проводились практические занятия по истории СССР, истории средних веков и истории КПСС. Курсовую работу я писал по истории средних веков на тему «Социально-политический строй франков по данным Саллической правды». Научным руководителем по этой теме был аспирант Анатолий Ильич Митряев.

В сентябре в выходные дни нас несколько раз посылали на уборку урожая в районы области. Обычно приходилось копать картофель, так как у селян для этой работы не хватало рабочих рук.

Из преподавателей исторического факультета на втором курсе особенно запомнился доцент Иван Яковлевич Мирошников, который читал курс истории СССР эпохи капитализма. В его лекциях была своеобразная лексика и много выражений, которые обычно вызывали смех у студентов. Эти выражения студенты называли «афоризмами Жака Жака Мирошникова». Они записывались, а потом передавались из рук в руки с соответствующими комментариями. Во время его лекций студенты нашего курса давились от смеха, услышав очередной афоризм. Одни это делали открыто, а другие смеялись, но старались не привлекать внимание лектора. Во время лекции И. Я. Мирошников внимательно следил за реакцией студентов на его выражения, а потом снижал оценки на экзаменах или не принимал зачета у наиболее смешливых студентов. К сожалению, я эти афоризмы не записывал, не переписывал и те, которые ходили по рукам, поскольку всегда испытывал нехватку времени. По памяти могу воспроизвести только два афоризма Мирошникова: «в 1904 году японцы напали на русские пограничные столбы», «не для протокола, а для смеха будет сказано, что Николай Палкин [Николай I] приказал, запороть шпицрутенами две тысячи солдат».

В зимнюю сессию И. Я. Мирошников не принял зачет у одной из самых смешливых на нашем курсе студенток, у Яны Сегель и она со слезами на глазах пришла домой. Ее мать, преподаватель в одном из вузов Харькова, стала расспрашивать, в чем дело? Дочь рассказала, что И. Я. Мирошников не поставил ей зачета, поскольку неоднократно видел, как она смеялась во время его лекций.

Через несколько дней в гости к Сегелям приехал из Москвы известный в то время писатель, фамилию, которого я теперь не

могу вспомнить. Вполне естественно, что ему рассказали об инциденте, происшедшем на зачете, а потом показали тетрадь с афоризмами И. Я. Мирошникова. Подруги Яны принесли свои записи, с которыми ознакомился этот писатель. В результате, через некоторое время, в «Литературной газете» появилась статья, в которой рассказывалось о лекциях доцента И. Я. Мирошникова. Буквально через несколько дней после этой публикации в обком партии был вызван ректор Харьковского университета И. Н. Буланкин «на беседу». После этого доцент И. Я. Мирошников, который был секретарем партийного бюро истфака, был уволен из Харьковского университета.

Запомнился экзамен по истории средневекового Востока, этот курс нам читал профессор Андрей Петрович Ковалевский. Иногда на лекции он начинал вспоминать о том, как работал экскурсоводом в Эрмитаже и эпизоды проведения экскурсий с высокопоставленными иностранными гостями. И таким образом мы слушали интересные истории из его жизни, но весьма далекие от предмета, читавшегося нам курса лекций, а в библиотеке был лишь один экземпляр учебника Заходера «Истории средневекового Востока». Читали его лишь отдельные студенты, а большинство в руках не держало этого учебника. Таким образом, даже те студенты, которые не пропускали лекций А. П. Ковалевского, не знали полного содержания этого курса. Но студенты народ находчивый и нашли выход из положения, захватив на экзамен учебник Заходера, тем более знали, что Андрей Петрович никогда не ставил двоек на экзамене. Экзамен происходил вечером, не помню, по какой причине. Учебник Заходера передавался друг другу экзаменующимися, а потом следовали ответы на вопросы, поставленные в билетах. Все шло очень хорошо до того как внезапно погас свет, а экзамен продолжался. Среди тех, кто был застигнут темнотой оказался и я. К счастью перед этим я был почти готов к ответу.

На втором курсе я стал активно участвовать в обработке археологических материалов хранившихся на кафедре древней истории и археологии, из раскопок профессора С. А. Семенова-Зусера на Салтовском городище и могильнике, а также материалов, которые получил Б. А. Шрамко вовремя своих исследований памятников раннего железного века. Занимались мы этим с Евгением Пузаковым, который заканчивал факультет, и Валентином Васильевичем Кулешовым – фотографом факультета.

Продолжал я работать над научным докладом по теме «Славянские гончарные клейма Харьковщины». Эти клейма ставились гончарами на доньшках сосудов и происходили из Донецкого городища, расположенного на берегу реки Уды. Часть материалов была в коллекции кафедры, а другие были найдены мною во время археологических разведок на селище, примыкавшем к Донецкому городищу. Эти разведки я проводил весной и осенью 1952 года. Много приходилось работать в Центральной научной библиотеке университета в поисках необходимой научной литературы. Именно тогда я впервые почувствовал вкус к настоящей научной работе, к открытиям нового в науке. Это бывало тогда, когда я находил новые решения в интерпретации изучаемых археологических материалов.

В мае 1953 года на факультете появилась должность заведующего археологическим музеем. И я 9 мая был назначен на эту должность. Работали в то время со мной Евгений Пузаков и фотограф В. В. Кулешов. Мы не только обрабатывали новые находки, но и фотографировали их, составляя при этом неготекку этих предметов. В дальнейшем эти материалы были выставлены в экспозиции музея при кафедре. Таким образом, с этого времени я стал научным сотрудником исторического факультета, будучи студентом второго курса. Антон Григорьевич Слюсарский сделал меня своим помощником при составлении расписания занятий на историческом факультете. Это дело оказалось довольно хлопотным из-за того, что некоторые преподаватели при составлении расписания пытались диктовать свои условия. Особенно часто это делали доценты кафедры истории КПСС А. Е. Немирова и Протопопов. По их мнению, предмет, который они читали, настолько важный, что его следует ставить исключительно на первую пару занятий. Если я этого не делал, то они жаловались на меня декану факультета А. Г. Слюсарскому, впрочем, он обычно не обращал внимания на эти жалобы «столпов науки».

Летом 1953 г. я работал в археологических экспедициях, которыми руководил Б. А. Шрамко. Сначала мы проводили раскопки «золника» скифского времени у села Островерховка Харьковской области. В составе этой экспедиции были студенты, закончившие первый курс: Леонид Сотник, Валерия Устинова, Эмилия Чалая, а также фотограф и повар одновременно В. В. Кулешов и я. Перед раскопками «золника» его площадь мы разбили на метровые квадраты и забили колышки. Во время раскопок каждая находка

фиксировалась по квадратам на плане, а так же фиксировалась глубина ее залегания: первый штык, второй штык и т.п. В процессе раскопок ежедневно велась опись всех находок, а Б. А. Шрамко вел дневник, в котором фиксировал находки и делал их зарисовки. Такая методика и фиксация находок применялась на всех раскапываемых нами памятниках Харьковщины.

Ночевали мы на чердаке сарая, принадлежавшего хозяину дома, весьма пожилому человеку, который по его рассказам в свое время работал на Харьковском паровозостроительном заводе, т.е. на нынешнем заводе им. Малышева. Из бесед с ним, среди прочего, выяснилось, что он наивно считал, что голландские и швейцарские сыры, продававшиеся в то время, действительно привезены из Голландии и Швейцарии.

Очень колоритно в Островерховке выглядел В. В. Кулешов, который обнажившись до пояса, вместо пояса надевал патронташ с охотничьими патронами, брал с собой охотничье ружье, а в руках держал фотоаппарат. В таком виде он приходил на раскоп и ходил по селу, где фотографировал всех желающих в обмен на продукты для нашей экспедиции. Утром он готовил завтрак, а потом когда мы уходили на раскоп, ложился спать и поэтому иногда не успевал приготовить обед к нашему приходу. В результате нам приходилось питаться недоваренной едой. Когда ему об этом говорили, Валентин Васильевич обычно отвечал, что мы слабо разбираемся в его блюдах, так как он старается готовить в традициях французской кухни.

Позднее в 1953 г. археологическая экспедиция Б. А. Шрамко, в несколько измененном составе, производила раскопки на скифском городище у села Караван недалеко от Люботина. В составе экспедиции были Елена Лекарь, Валерия Устинова, Эмилия Чалая, Леонид Сотник и я. Жили мы в селе и ежедневно ходили на раскопки городища, оставляя дежурного по кухне, и в помощь ему на некоторое время еще кого-нибудь из членов экспедиции. Чаше других готовила обед Е. Лекарь, которая умела готовить. Однажды помощником дежурного по кухне был Б. А. Шрамко, который поручил руководить раскопками мне в его отсутствие. В этот день во время раскопок мы обнаружили очень любопытные находки в виде глиняных моделей зерен злаков, в несколько раз по величине превышавшие натуральные зерна. Мы собрали эти глиняные модели в коробочку, и когда на раскоп пришел Б. А. Шрамко, то показали их ему. Он взял в руки несколько моделей, а потом раздавил их, решив, что мы его «разыгрываем». Мы были

возмущены его поведением и открыто ему высказали свое недовольство, поскольку находки были уникальными. К слову, позднее он посвятил им специальную публикацию в академическом периодическом издании. Через некоторое время я узнал, чем была вызвана реакция Б. А. Шрамко на эти уникальные находки. Оказывается, когда он, будучи студентом, участвовал в раскопках Салтовского могильника, то он и студент Иващенко, работавший художником в экспедиции, в катакомбе при свете свечи из воска или парафина лепили невероятные фигурки и под видом новых находок передавали их профессору С. А. Семенову-Зусеру, а тот «ломал голову», что это за находки.

Последним объектом археологических исследований в 1953 г. экспедиции, которой руководил Б. А. Шрамко, было поселение Гайдары, куда мы ежедневно ходили от биологической станции университета, где располагался палаточный лагерь. Именно тогда в составе экспедиции впервые появилась Елена Черепанова, в дальнейшем ставшая постоянным членом нашей экспедиции. Шеф-поваром и фотографом у нас был как и ранее В. В. Кулешов. Здесь он увлекся прогулками на лодке по реке Северский Донец. Экспедиция производила разведки и была кратковременной.

Позднее в этом сезоне, по рекомендации Б. А. Шрамко, мне пришлось принять участие в работе Московской археологической экспедиции Светланы Александровны Плетневой на средневековом поселении Мохнач. Эта экспедиция состояла из студентов исторического факультета МГУ и одного из аспирантов Института археологии АН СССР. Здесь я познакомился и подружился с Марком Алешковским, который был членом студенческого научного общества кафедры археологии МГУ. Во время бесед с Марком у нас возникла идея провести Всесоюзную студенческую археологическую конференцию на историческом факультете МГУ в Москве с приглашением на нее студентов археологов не только Москвы, но и Ленинграда, Харькова, Воронежа и других городов Советского Союза. Марк Алешковский решил переговорить по этому поводу с деканом исторического факультета МГУ профессором А. В. Арциховским и результат переговоров обещал сообщить мне.

На третьем курсе (1953-1954 учебный год) студенты получили возможность специализироваться по кафедрам, но при условии, что курсовую работу нужно писать по истории СССР. Я выбрал специализацию по кафедре древней истории и археологии. Кроме

меня в группе по этой специализации были Борис Зайцев, Борис Борисов, Валерия Жаднова, Мария Воробьева, Ляля Велигина. Среди общих курсов, которые читались в этом учебном году, были: история СССР – доцент С. М. Короливский, новая история Востока – профессор А. П. Ковалевский, новая история – доцент Р. С. Альпер, диалектический материализм – доцент А. И. Ристо, политэкономия – доцент В. А. Ковалёва. Читались и специальные курсы: древнегреческий язык – преподаватель М. С. Лапина (этот предмет ввели по нашей просьбе, с приглашением преподавателя с кафедры классической филологии), нумизматика – старший преподаватель Б. А. Шрамко, методика камеральной музейной работы – Б. А. Шрамко.

Курсовую работу по истории СССР по теме «Древнерусский город Донец» я писал под руководством доцента А. Г. Слюсарского. По истории СССР, новой истории проводились практические занятия, к которым приходилось готовиться по первоисточникам.

Запомнились практические занятия у Романа Савельевича Альпера, который обычно не вызывал, а говорил: «Сейчас хочет выступить товарищ Кадеев». Я в ответ ему говорил: «Я не хочу выступать, но могу». Он соглашался на такой вариант, и я выступал с ответами на поставленные вопросы.

На третьем курсе я готовил научный доклад на тему «Славянские гончарные клейма Харьковщины», материалы для которого, как я уже отмечал, мною были частично собраны при посещении Донецкого городища. Среди гончарных клейм я выделил четыре группы: круг и производные от него, фигуры более сложные, геометрические изображения и две группы знаков Рюриковичей в виде двузубцев и тризубцев. Последние две группы гончарных клейм свидетельствовали о том, что на Донецком городище княжеские гончарные мастерские существовали в XI-XII вв. н.э. Этот доклад иллюстрировался таблицами с изображениями гончарных клейм в натуральную величину.

В 1953 г. на кафедру древней истории и археологии пришел новый преподаватель – профессор Константин Эдуардович Гриневиц, которому тогда было 62 года. До этого он работал в Томском университете и Нежинском педагогическом институте. Будучи доктором исторических наук и профессором, он стал заведующим нашей кафедры и сменил на этой должности доцента В. А. Гольденберга. Он был выпускником нашего университета и

считал себя учеником В. П. Бузескула. Работал сначала доцентом в Ленинграде и одновременно директором Херсонесского музея, который в 20-х годах был основан на месте монастыря, а потом работал в Москве в Главнауке. В 30-х годах К. Э. Гриневич был репрессирован по доносу о том, что на спиритическом сеансе он якобы «вызывал дух штурмовика Рема». После этого он сначала был выслан в Новосибирск, а потом оказался в Карагандинском лагере, где пробыл несколько лет в заключении. Потеряв зубы от цинги и тяжело больной, Константин Эдуардович был реабилитирован в 1939 г., но без права проживания в Европейской части Советского Союза. Так он стал сначала доцентом Томского университета, а после защиты в Москве докторской диссертации «Система обороны Херсонеса Таврического» в 1942 г. – профессором этого университета. При первой возможности уехать из Сибири, К. Э. Гриневич переехал в Нальчик, где преподавал в Кабардинском университете, а затем переехал в Нежин и, наконец, вернулся в родной Харьковский университет.

В конце декабря 1953 г. я получил известие из Москвы о том, что Всесоюзная археологическая конференция студентов назначена на март 1954 г. и будет проходить на историческом факультете МГУ. Позднее я получил приглашение принять участие в этой конференции и выступить с докладом «Славянские гончарные клейма Харьковщины». В Москву мы поехали со студентом четвертого курса Александром Лесковым, который подготовил сообщение о раскопках 7-го Симферопольского кургана экспедицией (ею руководил археолог Столяр из Ленинграда). Этот памятник относился к Кизил-Кобинской культуре бронзового века.

Студенческая конференция проходила 19-21 марта 1954 г. В ней приняли участие студенты – археологи Москвы, Ленинграда, Харькова, Воронежа, Ташкента, Ижевска и других городов. После конференции нас пригласили в деканат исторического факультета МГУ к Артемию Владимировичу Арциховскому, который нас поздравил с успешными докладами и сказал, что он видит перед собой элиту археологической науки второй половины XX века. При этом он пообещал, что попросит Полевой комитет Института археологии академии наук СССР выдать «открытые листы» на археологические разведки всем тем студентам, которые ведут самостоятельные исследования. Свое обещание он выполнил, и я в 1954 году получил «Открытый лист» на археологические разведки. С этим документом я проводил самостоятельные археологические исследования и обнаружил несколько десятков новых археологических памятников

Б. Зайцев, Л. Велигина, М. Воробьева, В. Кадеев ...

Курс истфака, набор 1951 у входа в здание факультета

эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья по берегам рек Волчьей, Лопани, Уд и Северского Донца. Разведку я провел и на известных уже науке памятниках того времени. Б. А. Шрамко, пользуясь моей неопытностью, в первый год моих исследований

уговорил меня их результаты включить в его отчет о полевых исследованиях, став, таким образом, автором моих первых археологических открытий на Харьковщине. В последующие годы, поняв, в чем дело, я стал писать самостоятельные отчеты и отсылать их в Полевой комитет. Наряду с самостоятельными разведками, летом я продолжал участвовать в работе археологической экспедиции под руководством Б. А. Шрамко на городище Караван.

На IV курсе (1954–1955 учебный год) мы слушали общие курсы: исторический материализм – доцент Бейгель, политэкономия – доцент В. А. Ковалева, новейшая история – доцент Г. А. Сапожникова, история южных и западных славян – доцент С. И. Сидельников. Читались нам и спецкурсы: греческая эпиграфика – профессор К. Э. Гриневиц, методика полевых исследований с основами топографии – доцент Б. А. Шрамко. Факультативно читался спецкурс «Основы научной работы» – профессор А. П. Ковалевский. Запомнилось, что Гита Абрамовна Сапожникова, проводившая практические занятия по новейшей истории, требовала от студентов конспекты трудов классиков марксизма. При отсутствии у студентов таких конспектов, она не допускала их к сдаче зачетов. Студенты нашли выход из положения в том, что делали конспекты двух-трех работ, а потом передавали эти конспекты другим, получая от них конспекты других работ классиков марксизма. Так создавался коллективный конспект классиков марксизма, который предоставляли доценту Сапожниковой и получали зачет. Курсовую работу на IV курсе я писал под руководством профессора А. П. Ковалевского на тему «Великий поход китайской Красной Армии».

В то же время в студенческом научном кружке я начал работать по теме «Обработка цветных металлов у племен Салтовской культуры». В процессе работы над этой темой пришлось использовать результаты спектральных и металлографических анализов разнообразных изделий из этих металлов, определять их химический состав и технологию их изготовления. Первоначально я пользовался результатами анализов, которые мне предоставлял один из научных сотрудников Института металлов по ул. Дарвина № 20, которого звали Михаил Скляр. С этим сотрудником мы были знакомы, и он охотно согласился мне помочь. В дальнейшем, с разрешения заведующего кафедрой качественного анализа доцента И. У. Мартынченко, я сам освоил спектральный анализ и стал производить самостоятельные исследования изделий из цветных металлов на химическом факультете Харьковского университета. Это позволило выявить и интерпретировать медные, бронзовые и

латунные изделия. Особенно важным оказалось выявление латуни среди изделий у племен Салтовской культуры, так как в традиционном металловедении считалось, что латунь – это сплав, который появился в новое время. В дальнейшем я познакомился с металловедами кафедры технологии металлов Харьковского автодорожного института Леонардом Александровичем Солнцевым и Леонидом Дмитриевичем Фоминым, которые провели металлографические анализы изделий Салтовской культуры, что позволило установить технологию их изготовления. Это сотрудничество с Л. А. Солнцевым и Л. Д. Фоминым продолжалось и позднее, когда я работал над кандидатской диссертацией, посвященной ремеслам Херсонеса Таврического. У нас вышло несколько совместных печатных работ.

На V курсе (1955–1956 учебный год) учебные занятия были только в первом семестре. В это время мы слушали общие курсы: «История философии», который читал доцент Слабкий (имени-отчества его не помню, так как студенты обычно его называли «Семен Наум Слабкий»). Другой общий курс назывался «Основы государства и права». Основное внимание было сосредоточено на подготовке дипломной работы на тему «Обработка цветных металлов у племен салтовской культуры». Научным руководителем дипломной работы был доцент Б. А. Шрамко. Эта работа была моим самостоятельным исследованием, с использованием результатов многочисленных анализов (спектральных и металлографических), позволивших выявить химический состав металлов и сплавов, а также технологию их производства. Таким образом, дипломная работа имела научный характер и была первым исследованием такого рода. Перед защитой дипломной работы рецензию на неё, по просьбе Б. А. Шрамко, написал профессор А. П. Ковалевский. Защитив дипломную работу и сдав государственные экзамены, из которых помню только историю КПСС, мне в июне 1956 года был выдан диплом с отличием об окончании исторического факультета Харьковского государственного университета по специальности история.

С. М. КУДЕЛКО

ЭСТЕТИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ. Л. П. КАЛУЦКАЯ

Общение в коллективе, помимо чисто профессиональных (производственных) отношений, которые зачастую имеют формальную природу, в отдельных случаях приобретает характер некой «школы» (по-разному понимаемой в различные эпохи и в различных научных сообществах), и в этом случае свою важную роль играет эстетика профессионального общения. Прекрасное и безобразное также присущи отношениям в среде историков, как и во всяком другом человеческом сообществе. Мораль, этика поведения часто

соприкасаются с эстетикой, и такое взаимодействие требует к себе внимания.

Несколько десятилетий (50-е – начало 80-х гг. прошлого столетия) образцом корректности и изящества в соприкосновении с окружающими на историческом факультете Харьковского государственного университета имени А. М. Горького была историк (скорее историограф) медиевист Любовь Павловна Калуцкая (1921–1983)¹. Оставляя в стороне анализ ее научного наследия, которое было посвящено историографии средневековой Франции (ее кандидатская диссертация, выполненная под руководством известного историка профессора Н. М. Пакуля «Политические идеи кардинала Ришелье», была защищена

¹ Л. П. Калуцкая была одинокой, в партии не состояла. В среде харьковской интеллигенции пользовался популярностью кружок, который собирала у себя дома сестра Любови Павловны – Надежда Павловна, куда входили Е. Д. Радкова и др.

в 1951 году). Сосредоточим наше внимание на личности этого историка так сказать с внешней (эстетической) точки зрения.

Мое знакомство с ней началось в 1970 году как студента и продолжалось до ее кончины в 1983 году уже как коллеги. Одно время (с 1975 по 1977 год) Любовь Павловна работала на нашей кафедре, которая носила тогда название «историографии и средних веков».

В студенческие годы я (но, конечно же, мои однокурсники, прежде всего) обратили внимание на ее манеру одеваться: она никогда не приходила на занятия в одном и том же платье. Ее костюм – продуманное сочетание академизма и женственности. Долгие годы студенты и коллеги не могли определить возраст Любовь Павловны, т.к. внешне она десятилетиями казалась в одном возрасте. Как это ей удавалось остается только гадать.

В ее манере держаться в аудитории было нечто скованно-сдержанное, аристократически-отдаленное. Она никогда не сближалась со студентами, называла всех исключительно на «вы», но при этом была предупредительно-любезной, подчеркивая дистанцию, которую иные преподаватели демонстративно разрушали, показывая себя «своими» и демократически доступными.

Не могу судить о качестве ее лекций, т. к. западноевропейское средневековье меня мало интересовало. Остались в памяти бесконечные войны, династические споры, религиозные противоречия. Помню, как кто-то из студентов задал Л. П. вопрос: «как правильно делать ударение в фамилии М. Стюарт, на первом или на втором слоге?». Она ответила: «Видите ли, в английском языке, а она была английской королевой, ударение делается на первом слоге, но Мария Стюарт – шотландка по происхождению, а у шотландцев, как и у французов, ударение будет на втором слоге. В общем, как Вы не скажите, все это будет правильно, если, конечно, сможете это объяснить своему собеседнику».

Во время моего ответа ее коллеге, также медиевисту доц. Г. В. Фризману, мне выпал на экзамене вопрос о средневековых университетах Западной Европы. И экзаменатор попросил меня рассказать ему об устройстве первых западноевропейских университетов. Отвечая на вопрос, я сказал, что возьмем, к примеру, университет во Флоренции, на что, обратившись к присутствовавшей на экзамене Л. П. Калуцкой, Генрих Венецианович спросил, а разве во Флоренции в тот период

был университет? Л. П. ответила: «Очень короткое время». Дома, после экзамена, я уточнил этот вопрос и убедился, что действительно во Флоренции университет возник в XIV веке, но уже в XV был переведен в Пизу, она была права.

Любовь Павловна с вдохновением вела кружок по истории средневекового искусства, который посещали студенты, стремившиеся разобраться в классическом европейском художественном наследии. Больше всего ее интересовали проблемы высокого Возрождения. Уже после окончания университета, она как-то на кафедре дала мне совет: «Вам, Сережа, я рекомендую заняться искусством». Но у меня тогда были уже другие обязательства и планы. Интересно отметить характеристику известного российского медиевиста Л. М. Баткина¹ – ученика Любови Павловны, о ее значении в его судьбе. Опуская крайне негативное (и по-моему мнению предвзятое отношение к историческому факультету Харьковского университета его времени) воспроизвожу его оценку Л. П. Калущкой: «С 1952 г. мне довелось слушать общий курс, а затем и специализироваться по западному средневековью, у молодой (ныне тоже, увы, давно покойной) Л. П. Калущкой. Совершенно выпадавшая из обстановки помянутого зверинца, застенчивая до густого румянца, всем существом своим тихо ненавидевшая советский режим, интеллигентная и трудолюбивая Калущкая свою диссертацию о «Завещании» Ришелье готовила (если не ошибаюсь, в заочной аспирантуре) под руководством проф. Александры Дмитриевны Люблинской. Именно дорогой Любове Павловне Калущкой я и оказался всецело обязан знакомством с Люблинскими вкуче со всеми воспоследовавшими питерскими чудесами. Вот как сложилось их начало. Весной 1953 г. я заканчивал третий курс и Л. П. загорелась желанием переслать два моих студенческих опуса, включая курсовую работу об «идеологии Данте» Александре Дмитриевне дабы узнать ее мнение» [1, с. 224].

Во время нашего тесного общения на кафедре (а я был оставлен на факультете именно по кафедре истории средних веков на ставке,

¹ Л. М. Баткин (р. 1932) – российский историк, доктор исторических наук, профессор, литературовед, культуролог, общественный деятель, действительный член Американской академии по изучению Возрождения, Лауреат премии по культуре за 1989 Совета министров Итальянской республики (за книгу о Леонардо да Винчи). Окончил Харьковский университет в 1955 г.

которая оказалась вакантной после отъезда в Москву для учебы в аспирантуре МГУ П. Н. Щербаня¹), мне пришлось готовиться к проведению практических занятий по основному курсу «история средних веков» (разбор «Салического закона» – памятника обычного права салических франков и т.д.), проверять большое число курсовых работ по истории средних веков и даже уже зашла речь о подготовке квалификационной работы по данному направлению, но зав. кафедрой проф. И. Л. Шерман быстро меня переориентировал на историографию и источниковедение.

В этот период я особенно близко мог рассмотреть образ Л. П. Калущкой. Во всех ее движениях, манере говорить было что-то утонченное. Особенно замечен был контраст при сравнении ее, например, с заведующим кафедрой И. Л. Шерманом, который отличался резкостью в суждениях и многие слова, нелицеприятные для собеседника, высказывал ему прямо в лицо. Помню такой эпизод, когда во время довольно неприятной сцены на кафедре, Исая Львович обвинил нас в том, что у него со стола «похитили статью». Потом я догадался, что это была уловка, чтобы лишить нас ключей от кабинета зав. кафедрой, т.к. его раздражало, что мы, преподаватели, все время маячили перед его глазами. После заявления И. Л. возникла неловкая пауза. Любовь Павловна, которая сидела в кресле как раз напротив заведующего, ответила за нас всех: «Исай Львович, но нельзя же жить, подозревая всех в краже». Он ответил: «Вас я не подозреваю». На что Л. П. парировала так: «Однако во всех детективах преступником оказывался именно тот, кого меньше всего подозревали». Так изящно Л. П. вывела нас из этой неловкой ситуации. И во многих других случаях она, всегда становилась на защиту тех преподавателей и студентов, вина которых не была однозначно доказанной.

Помнится и такой эпизод. Л. П., находясь под впечатлением только что закончившегося кружка, где рассказывалось об истории Лувра, когда разошлись студенты и остались мы втроем (вместе с И. Л. Шерманом, который писал какой-то текст), вслух сказала: «Как мне хочется опять побывать в Париже». И, спохватившись, спросила: «Исай Львович, Вы бывали в Париже?». Тот (лишенный

¹ П. Н. Щербань, впоследствии декан и зав. кафедрой исторического факультета Сумского государственного педагогического университета имени А. С. Макаренка, защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Наемные рабочие английских городов XVI – начала XVII ст.».

всякой сентиментальности), не отрываясь от своих бумаг, коротко, не поднимая головы, ответил ей: «Был». К сожалению, никогда после, в течение нашего долгого знакомства, он не рассказывал мне о своих визитах в Англию, Францию, Швецию и другие страны, где побывал.

Мне трудно не только оценить научный вклад Л. П. Калущкой, но и ее как преподавателя. Не скажу также, что ее лекции были самыми популярными на факультете. К этим последним тогда относились занятия, которые проводили В. И. Астахов, С. И. Сидельников, Н. П. Подлесный, Ю. Г. Литвиненко и некоторые другие, но, несомненно, что именно формой своего поведения, манерой общения, культурой речи и даже безукоризненным подбором своего гардероба, она оставила заметный след в памяти многих поколений студентов. Она не была эстетом с негативным (эпатажным) оттенком, можно с полной уверенностью утверждать, что уже само пребывание такой личности, какой была Любовь Павловна, исторический факультет был обогащен с эстетической точки зрения.

Показателен и трагический эпизод ее преждевременного ухода из жизни. Любовь Павловна никогда не вела никаких разговоров о здоровье и никогда не пропускала занятия или другие формы университетской работы из-за болезни. В этом она мне напоминала знаменитую актрису Аллу Тарасову, которая всегда являлась в театр задолго до спектакля и на протяжении нескольких часов готовилась к нему.

Любовь Павловна всегда и везде демонстрировала ровность настроения, неизменную доброжелательность, избегала даже малейших намеков на какие-либо обстоятельства ее личной жизни. Это-то ее и подвело. Почувствовав себя неважно в начале 1982/1983 учебного года, она решила не изменять себе и довести этот учебный год до конца, чтобы во время длительного преподавательского отпуска заняться своим здоровьем. И ей действительно удалось выполнить свое решение. Но когда в июне 1983 года она обратилась к врачам, оказалось, что болезнь зашла слишком далеко и не подлежала лечению. Она стала жертвой собственной педантичности и стремления всегда быть образцом безукоризненного с любой точки зрения преподавателя.

Литература

1. Баткин Л. М. Начинаящий медиевист из провинции – в гостях у Люблинских / Л. М. Баткин // Одиссей: Человек в истории. – М., 1998. – С. 223–245.
2. Калущкая Любовь Павловна // Кафедра историографии, источниковедения и археологии Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина – 35 лет: биобиблиогр. указ. / [сост. Б. П. Зайцев, С. М. Куделко, С. И. Посохов, В. Д. Прокопова]. – Х., 1999. – С. 91.
3. Калущка Любов Павлівна // Біобібліографічний словник учених Харківського університету / [уклад. Б. П. Зайцев, С. І. Посохов, В. Д. Прокопова та ін.]. – Х., 2001. – Т. 2: Історики. – Ч. 2: 1933–2000 рр. – С. 190–192.
4. Калущкая Любовь Павловна // Кафедра истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина. 30 лет / [авт.-сост. В. И. Кадеев, С. Б. Сорочан]. – Х., 2008. – С. 46–47.

М. П. МИРОНЕНКО**МАТЕРИАЛЫ О ХАРЬКОВСКИХ ИСТОРИКАХ XIX – НАЧАЛА XX в. В «КАТАЛОГЕ ЛИЧНЫХ АРХИВНЫХ ФОНДОВ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОРИКОВ»**

Резюме: Статья посвящена описанию архивных материалов историков – профессоров Харьковского университета, выпускников этого университета, уроженцев Харьковской губернии, ученых и литераторов, работавших в Харькове. Данные материалы представлены в научно-справочном издании «Каталог личных архивных фондов отечественных историков», издающемся Российской академией наук.

Ключевые слова: харьковские историки, личные архивные фонды, научно-справочные издания.

М. П. Мироненко. «Матеріали про харківських істориків XIX – початку XX в. в «Каталозі особистих архівних фондів вітчизняних істориків»».

Резюме: Стаття присвячена опису архівних матеріалів істориків-професорів Харківського університету, випускників цього університету, уродженців Харківської губернії, вчених і літераторів, що працювали в Харкові. Зазначені матеріали представлені в науково-довідковому виданні «Каталог личных архивных фондов отечественных историков», який виданий Російською академією наук.

Ключові слова: харківські історики, особисті архівні фонди, науково-довідкові видання.

M. P. Mironenko. «Proceedings of the Kharkov historians XIX – early XX century in the “Catalogue of personal archives of local historians”».

Summary: The article speaks about the descriptions of the archives of historians Kharkov University professors, graduates of this university, natives of Kharkov province, scholars and writers who worked in Kharkov, in the scientific reference work «Catalogue for personal archives of local historians», publishing by the Russian Academy of Sciences.

Key words: kharkov's historians, personal archives, scientific reference work

«Каталог личных архивных фондов отечественных историков» – научно-справочное издание, включающее описания личных архивов и документальных коллекций ученых, биографические справки, библиографию, а также научную литературу об их
© Мироненко М. П.

Розділ VII**Документи та матеріали**

архивах, собраниях и документах¹. Включены в «Каталог» также сведения о личных библиотеках и коллекциях, собранных историками, и литература о них.

В первый выпуск вошло описание архивов 75 историков, живших в России в XVIII в., во второй – описание личных фондов 180 ученых первой половины XIX в. Третий выпуск посвящен архивам историков, чья научная деятельность протекала в основном в период от 1860-х до конца 1910-х гг. (В то же время среди историков этого периода было немало тех, кто дожил до 1920-х и 1930-х гг., а в отдельных случаях – и до 1940-х гг.). Бурный рост числа учебных заведений во второй половине XIX в., появление новых направлений и новых специальных дисциплин в исторической науке, возникновение и развитие исторической периодики вызвали резкий рост численности историков и, соответственно, значительное увеличение объемов сохранившихся архивных материалов ученых. Соответственно вырос и объем описаний. Это сделало необходимым издавать материалы этого выпуска отдельными частями. В первую часть 3-го выпуска «Каталога» вошли описания архивов 136 историков, чьи фамилии начинаются с букв «А-В».

В «Каталоге» представлены сведения об архивах не только собственно историков, археологов, этнографов, фольклористов, археографов, историков искусства, но также и краеведов, архивистов, музейных работников, коллекционеров рукописей и исторических древностей. Одним из принципов составления «Каталога» является стремление показать широкую картину исторической науки России в ее становлении и развитии. Поэтому в издание включены сведения не только о крупных деятелях науки, оставивших обширное научное наследие, но и о менее известных ныне авторах, разрабатывавших различные аспекты исторической проблематики. Главным критерием для включения в «Каталог» являлось наличие у историка личного архивного фонда или отдельного комплекса документов, входящего в состав иных фондов.

¹ [Первый выпуск: Каталог личных архивных фондов отечественных историков. Вып.1. XVIII век. М., 2001; Второй выпуск: Каталог личных архивных фондов отечественных историков. Вып.2. Первая половина XIX века. М., 2007. Третий выпуск: «Вторая половина XIX века – начало XX века. Часть I: А-В» сдан в издательство и должен выйти в свет до конца 2012 г.]

Особое внимание в описании архивов в «Каталоге» уделено историческим трудам и подготовительным материалам к ним (являющимся научной лабораторией ученого), мемуарам и дневникам, переписке, биографическим и служебным документам. Подробное описание материалов фонда дает возможность представить себе время создания документа, его объем, понять, является ли он подлинником или копией, черновиком или беловиком. Описание архивов велось составителями в федеральных и региональных архивохранилищах, рукописных отделах библиотек, музеев и научных учреждений. Большую помощь в этом оказали сотрудники ряда государственных хранилищ, в сотрудничестве с которыми шла работа над «Каталогом». Составленные ими описания фондов (различной степени подробности) были использованы при подготовке статей об архивах историков.

Среди материалов «Каталога» значительное место занимают описания архивов профессоров Харьковского университета, историков, родившихся и учившихся в Харькове, изучавших историю Харькова, издававших в Харькове книги и журналы. Во 2-м выпуске, посвященном первой половине XIX в., размещены статьи о личных фондах основателя Харьковского университета В. Н. Каразина (ОР РНБ, РО ИРЛИ, ЦГИА Украины в г. Киеве), профессора Харьковского университета, впоследствии ректора П. П. Гулак-Артемовского (ОР РНБ, ОР ИЛ НАН Украины), профессоров Д. И. Каченовского (РО ИРЛИ, ЦГИА Украины в г. Киеве) и Т. Ф. Степанова (ЦГИА Украины в г. Киеве), замечательного историка, выпускника Харьковского университета П. И. Кеппена (ПФА РАН, АГО, ОР РНБ), еще одного выпускника Харьковского университета, преподавателя харьковской гимназии и редактора журнала «Харьковский еженедельник» (1812) археографа, филолога И. Н. Лобойко (ОР РНБ, РО ИРЛИ), автора «Историко-статистического описания Харьковской губернии» В. В. Пассека (ЦГИА Украины в г. Киеве), уроженцев Харькова и Харьковской губернии: историка и источниковеда академика П. Г. Буткова (ПФА РАН, Архив СПб. ИИ РАН), историка, издателя журнала «Вестник Европы» М. Т. Каченовского (РГАЛИ), путешественника, историка, директора Азиатского департамента МИД Е. П. Ковалевского (ОР РНБ, РО ИРЛИ), историка русского гражданского права, директора канцелярии обер-прокурора Синода А. Ф. Тюриня (Архив СПб. ИИ РАН),

В данной статье мы подробнее рассмотрим материалы харьковских историков, сведения о которых вошли в третий выпуск «Каталога».

Наиболее значительным среди них по объему является архив фольклориста, этнографа, собирателя и издателя народных песен и стихов, профессора Харьковского университета, заведующего кафедрой славянских наречий П. А. Бессонова (РГАЛИ, ОР РГБ, ОПИ ГИМ).

В РГАЛИ (Ф. 2866, 106 ед. хр., 1813–1900 гг.) среди творческих материалов П. А. Бессонова – автографы исследования о рукописи Ф. Миклошича "Язык болгар в Трансильвании" ([1856]- 1857, 59 л.), статей «О Славяно-греко-латинской академии» [1851], о приемных университетских испытаниях (1859, 24 л.), лекции «О русском народном песнотворчестве», прочитанной в доме А. И. Кошелева (1868–1869, 44 л.); заметки и выписки об А. С. Пушкине ([1850-е гг.], автограф, 23 л.), И. И. Дмитриеве, Г. Р. Державине, Н. М. Карамзине, В. А. Жуковском, И. А. Крылове и др., о литературном процессе первой половины XIX в. Среди биографических и служебных материалов – послужной список П. А. Бессонова (1855-1900, 27 л.) и материалы о его деятельности в должности библиотекаря Московского университета (1861–1886, 96 л.). Безусловный интерес представляет карандашный портрет П. А. Бессонова работы М. Соколова [1850-е гг.]. Особый раздел фонда составляет комплекс материалов, собранных Бессоновым для работы над биографией К. Ф. Калайдовича: автограф труда К. Ф. Калайдовича "Исследование из жития славян" ([1820-е гг.], 27 л.), письма к нему Н. Н. Новосильцева (1824), Н. И. Фуса (1825), К. А. Полевого (1828), письма о Калайдовиче Н. П. Румянцева (1822) и Г. [М]. Безобразова (1826) А. Ф. Малиновскому, К. В. Нессельроде Д. В. Голицыну (1828), копия акта о разборе бумаг и вещей К. Ф. Калайдовича (1828). Кроме этого, в фонде имеется еще два комплекса собранных П. А. Бессоновым материалов – проповеди и биографические материалы священника А. Т. Соколова и материалы литератора и этнографа, собирателя и издателя украинской и русской народной поэзии Н. А. Цертелева (1790-1869), включающие рукописи исследования по истории гражданского и земельного права, статей, стихотворений, писем, а также автограф и гранки монографии П. А. Бессонова «Князь Николай Андреевич Цертелев: Эпизод из истории русской

литературы и педагогической деятельности на протяжении полувека» (1894– [1898], 270 л.).

В ОР РГБ архив П. А. Бессонова объединен с архивом П. В. Киреевского (Ф. 125, 146 ед. хр., XVIII – втор. пол. XIX в.). Научные рукописи Бессонова представлены здесь статьей «История белорусского края, ее потребность и возможность» ([1859], автограф, 35 л.), версткой и корректурой изданных им сборников народных песен (материалы к изданию «Песен, собранных П. В. Киреевским» составляют около 60 картонов и включают, в частности, черновые записи свадебных, бытовых, разгульных, лакейских и «нехороших» песен, романсов, баллад-элегий и др. с указателем к черновикам «Песен» по первой строке стиха (437 л., 348 л.).

Наиболее интересный и обширный комплекс рукописей Бессонова находится в его фонде в ОПИ ГИМ (Ф. 56, 721 ед. хр., XVIII – кон. XIX в.). Это материалы по античной словесности (рукописи по истории древнегреческого и древнеримского фольклора и литературы, о древнеримской поэзии и религии), по истории искусства и архитектуры Древней Греции и Древнего Рима (б. д., 60 л.), черновые записи о древнеримской истории, римскому праву и народном творчестве. Обширный раздел в фонде составляют материалы по славяноведению: рукописи о происхождении славян (б. д., 53 л.), об истории славянских народов (1881, 148 л.), о разработанной П. А. Бессоновым периодизации истории южных и западных славян, народах, живущих по Дунаю (б. д., 59 л.), о славянском книгопечатании; статьи «Памятники западных славян» (б. д., 73 л.), «Очерк истории и географического значения Дуная» ([1880-е гг.], черновик, 34 л.), заметки о славянах в период Римской империи и о средневековой истории славян. Среди материалов о Болгарии и Сербии – статьи «Описание книг новоболгарских» (б. д., 104 л.) и «Каравеловский круг в Болгарии», рукопись о современном положении Болгарии и Сербии ([1880-е гг.], 136 л.), о болгарском и сербском эпосе (45 л.) и др. Материалы по истории Чехии: рукописи о чешских библиях, о сопоставлении различных изводов и переводов Библии на чешский язык (б. д., 198 л., 93 л., 105 л.); материалы по истории Польши, польской литературы и языка. Среди рукописей по русской истории и литературе – работы по истории Москвы: статьи «Памятная книжка Москвы», «Очерк Московской губернии», «Окрестности Москвы», историческая заметка о селе Медведково; статьи об А. В. Кольцове

и подготовительные материалы к ним (1890-е гг.), работы о русских ученых и деятелях культуры: К. Ф. Калайдовиче, М. Н. Каткове, В. Ф. Одоевском, Н. Г. Рубинштейне, В. А. Черкасском, А. А. Шаховском, Д. А. Славянском, Н. С. Тихонравове и др.; некрологи корректору Московской синодальной типографии В. М. Громову и почетному гражданину Харькова В. Г. Пономареву и др.

Интереснейший раздел составляют материалы по истории имени Шереметевых «Кусково»: статья «Прасковья Ивановна графиня Шереметева, ее народная песня и родное ее Кусково» (1872, черновик), работы о роде П. И. Шереметевой, собрание исторических документов: указы, распоряжения и инструкции гр. П. Б. Шереметева, переписка гр. Н. П. Шереметева с Кусковской вотчинной конторой, документы о театре Шереметевых в Кускове.

В фонде также хранятся рукописи по этнографии (в частности, статья об этногенезе славян, черновики статей и заметок П. А. Бессонова о различных народах Европы и Азии и народах, населявших Российскую империю), по сравнительному языкознанию, по истории русского, церковнославянского, белорусского, болгарского, сербского, чешского и польского языков, словари, составленные П. А. Бессоновым: славянских языков (кириллица – 1664 л., латиница – 2816 л.), древнерусского языка (3037 л.), словарь новгородских летописей (1044 л.), Ипатьевской летописи (727 л.).

П. А. Бессоновым были опубликованы сочинения Юрия Крижанича «О русском государстве в половине XVII века» (М., 1860) и «О промысле» (М., 1861). В его архиве сохранился большой комплекс материалов к этим изданиям: сделанный П. А. Бессоновым перевод труда Ю. Крижанича о Русском государстве («Политика»), предисловия, послесловие, примечания и заметки Бессонова к этому труду (1858), корректура [1859–1860], заметки об издании «Русского государства» (1890); рукопись труда Ю. Крижанича «О промысле» с предисловием и примечаниями Бессонова; статьи о Ю. Крижаниче (1860–1884), в т.ч. «Три труда русского писателя XVII века Юрия Явканицы Крижанича, доселе неизвестные русской литературе» (1860, рукопись и корректура), «Знаменитый славянин в числе славных географов и этнографов древней Руси» (после 1870 г.), «История открытий и сведений о трудах Юрия Крижанича» (1884, рукопись и корректура), «Судьбы

рукописей Крижанича» (б. д., черновые записи); отзыв В. Ягича на работу Бессонова о Крижаниче (1872, сербский язык, 28 л.).

Важнейшей стороной научной деятельности П. А. Бессонова было соби́рание и издание народных песен и духовных стихов: сохранился огромный объем материалов по подготовке и изданию сборников «Болгарские песни из сборника Ю. И. Венелина, Н. Д. Катранова и других болгар» (М., 1855. Вып. 1-2), «Песни, собранные П. В. Киреевским» (М., 1860-1874. Ч. 1-10), «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым» (М., 1861-1862. Ч. 1-2), «Калики перехожие» (М., 1861-1862. Ч. 1-2. Вып. 1-6), «Детские песни» (М., 1868), «Белорусские песни (с подробным объяснением их творчества и языка, с очерками народного обряда, обычая и всего быта)» (М., 1871), «Памятники народного песнотворчества» (1897), былины, исторических, солдатских, хороводных, свадебных и др. народных песен, рукопись П. А. Бессонова о русских народных песнях (б. д., 209 л.), статья «Знаменательные года и знаменитейшие представители последних двух веков в истории русского церковного песнопения» (1872, 148 л.) и др. Народным музыкальным инструментам и музыкальным обществам посвящены статьи и заметки П. А. Бессонова с рисунками и комментариями (1869).

Обширен раздел биографических материалов, среди которых воспоминания П. А. Бессонова, в частности, о Н. В. Гоголе, его дневники (1845, 1852), записные книжки (1850, 1892). Имеются рукописи его стихотворений и пьес. Материалы фонда дают подробное представление о служебной и общественной деятельности П. А. Бессонова в должности секретаря Московской синодальной типографии, директора Виленского раввинского училища, Виленской гимназии и училищ Виленской губернии, сообщают о его деятельности в Виленской комиссии по разбору древних актов, Виленской публичной библиотеке и Виленском музее древностей, о заведовании библиотекой Московского университета, об организационно-издательской работе.

Одним из самых представительных разделов фонда является комплекс материалов о деятельности П. А. Бессонова в Харьковском университете. Он открывается документами о переводе П. А. Бессонова на службу в Харьковский учебный округ, содержит материалы о назначении его ординарным профессором кафедры славянской филологии Харьковского университета (1880), назначении профессором кафедры русской словесности (1891) и др.

Здесь черновики докладных записок П. А. Бессонова министру народного просвещения И. Д. Делянову с просьбой передать ему чтение лекций по истории русского языка и литературы ввиду смерти профессора А. А. Потемкина, возглавлявшего кафедру русской словесности (1891 и б. д., 29 л.), его заметки об организации учебного процесса и научной работы в Харьковском университете, материалы об участии П. А. Бессонова в подготовке университетского устава 1884 г., его рукопись "Студенческие выборы профессоров, предметов, часов занятий", содержащая выпады против университетской автономии [кон. 1880-х – нач. 1890-х гг.], заметки о студенческих волнениях в Харьковском университете [1882-1884]. В большом объеме сохранилась переписка П. А. Бессонова по университетским делам: с И. Д. Деляновым о различных вопросах университетской жизни, о выдаче денежных пособий и представлениях к награде за научные труды (1887-1896), с попечителем Харьковского учебного округа и Министерством народного просвещения – о преподавании итальянского языка (1880-1894, 64 л.), с правлением историко-филологического факультета – об утверждении планов и семинаров по славянской этнографии, церковнославянскому, польскому, сербскому и итальянскому языку, о порядке чтения лекций и ведения семинаров и приема экзаменов (1879-1895). Сюда же относятся прошения П. А. Бессонова на имя ректора Харьковского университета об утверждении программ лекций и семинарских занятий по истории средних веков, польской словесности, о преподавании «новых языков» и др. (1879-1896).

Тематика лекций П. А. Бессонова, сохранившихся в его архиве, поражает своей энциклопедической широтой: по археологии, античной словесности, «славянскому народописанию, истории Болгарии и Сербии», «славянским древностям», о южных и западных славянах, по истории эпоса западных славян, их исторической географии, истории придунайских славян, славянской археологии, римской истории, русской истории, философии, этнографии, языкознанию, словесности, церковнославянскому языку, по истории чешского языка и многим другим предметам. Среди учебных материалов: программы курсов П. А. Бессонова на историко-филологическом факультете Харьковского университета в 1879-1896 гг.: по церковнославянскому языку, западнославянским языкам и литературе, расписания его лекций и семинаров по славянской филологии, польскому, чешскому, болгарскому и

сербскому языку, истории южных и западных славян, церковнославянскому языку, русскому языку и литературе, славянской этнографии, древнеримской литературе, итальянскому языку; экзаменационные билеты по церковнославянскому языку, составленные П. А. Бессоновым (1890, 48 л.), расписания экзаменов и лекций (печатн.), списки студентов и вольнослушателей Харьковского университета (печатн., 1880-1881, 1883-1884), списки студентов историко-филологического факультета, записавшихся на лекции П. А. Бессонова (1886-1895, 101 л.).

Отдельного упоминания заслуживают студенческие работы по русской истории и литературе [1878-1898] и переводы «Энеиды» Вергилия и «Божественной комедии» Данте, выполненные под руководством П. А. Бессонова, его отзывы на студенческие сочинения (1879-1895), намеченные им темы студенческих работ по кафедре славяноведения (1880).

Интересны материалы об организации библиотеки при Харьковском университете (1882-1894), в т. ч. заявление П. А. Бессонова в правление историко-филологического факультета о порядке комплектования университетской библиотеки (1882), докладная записка П. А. Бессонова о состоянии университетской библиотеки (1894), его расписки в получении книг из библиотеки и списки затребованных им книг (1890-е гг.).

Имеются в фонде также материалы об участии П. А. Бессонова в деятельности других учебных заведений Харьковского учебного округа – Харьковского технологического института, окружных гимназий и др. (1880-1895, 62 л.) и об участии Бессонова в Комиссии по еврейскому вопросу при Министерстве народного просвещения (1879-1885, 375 л.). Материалы научных обществ при Харьковском университете включают отчеты о деятельности Харьковского историко-филологического общества (1878-1883) и Общества испытателей природы при Харьковском университете за 1883-1896 гг.

Дополняет информацию об этом ученом «Список книг, оставшимся после умершего профессора Харьковского университета П. А. Бессонова» (1899, 54 л.), хранящийся в фонде С. А. Белокурова в РГАДА (Ф. 184. Оп. 1. Д. 1141). Здесь также имеется коллекция документов о студенческом движении в Москве, Петербурге и Харькове (1901-1902).

Большой комплекс материалов слависта, историка языка и культуры славянских народов, профессора Харьковского

университета П. А. Лавровского хранится в фонде археографа, многолетнего хранителя Отделения рукописей и старопечатных славянских книг имп. Публичной библиотеки, затем директора Публичной библиотеки А. Ф. Бычкова в ПФА РАН (Ф. 764. Оп. 4). В этом комплексе широко представлены научные труды Н. А. Лавровского. Кириллу и Мефодию посвящены большая работа «Cyrillo-Methodiana» (116 л.) и статья «Итальянская легенда». Критический обзор исследований и мнений о ней; значение ее для истории жизни и деятельности славянских первоучителей» (25 л.). Имеется здесь также целый ряд статей по истории славянских стран и народов – украинцев, сербов, хорватов, болгар, поляков, славян, живших на балтийских землях: «О малороссийском народе и времени его распространения в Южной России» (1861), «Источники для истории Сербии и хорватов» (б. д.), «Этнографическое обозрение сербов и хорватов» (б. д.), «История и литература наречий сербо-лужицких и балтийских» (26 л.), «История и литература наречия польского» (59 л.), «Краткий очерк древностей польских», «Этнография поляков», «Древности славян балтийских» (24 л.). Источникам по истории славянских народных верований посвящены работы «Еще один южнославянский список “Сказания о двенадцати пятницах” и значение этого сказания в ряду народных верований» (1873), «Материалы для язычества древних руссов по древнерусским памятникам», «Религиозные секты в Болгарии и их значение в литературе». Статья «Судьба славянского единства и значение съезда славян в России» (18167), посвященная Славянскому съезду 1867 г., проводившемуся в Москве и Санкт-Петербурге, имеет помету «отослано 26 октября 1887 Георгиевскому». (Видимо, имеется в виду историк, деятель народного просвещения, редактор ЖМНП, друг Ф. И. Тютчева А. И. Георгиевский). Здесь также хранятся статьи Лавровского «Заметки по сравнительному языкознанию», «Древний период русской литературы и образованности» (1876). Особый раздел в этом комплексе материалов занимают лекции П. А. Лавровского: по истории и литературе славянских наречий (1853/1854, 43 л.), «Порядок лекций по курсу старославянской грамматики, читанный студентам II и III курсов в 1861/62 академическом году в Харьковском университете» (1861, 25 л.), лекции для 3 и 4 курсов «Общий обзор истории чехов» (1861/1862, 51 л.), «Лекции по сравнительной грамматике в 1871/1872 академическом году» (24 л.), «Лекции по славянским

древностям» (29 л.), «Лекции по истории Польши» (61 л.), «Обзор лекций по истории литературы чешской» (73 л.). Биографические материалы представлены дневником, который П. А. Лавровский вел в течение 1861–1884 гг. Имеется также личная и служебная переписка П. А. Лавровского (в частности, записка 1873 г., адресованная И. Д. Делянову, о назначении на новую службу), отзыв на университетский устав 1884 г., речь при закладке здания 2-й гимназии в Одессе (1885. 11 л.), печатный список трудов П. А. Лавровского с правкой и др.

В фонде историка русской литературы, философии и общественной мысли, переводчика Е. А. Боброва в РО ИРЛИ хранится рукопись статьи историка литературы, директора Нежинского историко-филологического института Н. А. Лавровского (брата П. А. Лавровского) «Эпизод из истории Харьковского университета (И. –Б. Шад)» (1873), посвященной изгнанию из университета в 1816 г. философа, последователя Канта, Фихте и Шеллинга И. –Б. Шада, высланного в том же году за границу (РО ИРЛИ. Ф. 677. Д. 318). В своей книге «Философия в России. Материалы, исследования и заметки» (Казань, 1899-1902. Вып. 1-6). Е. А. Бобров вслед за Н. А. Лавровским подробно осветил этот эпизод из истории университета.

Еще один профессор Харьковского университета, описание архива которого включено в «Каталог», – историк античности, историограф академик В. П. Бузескул. В фонде В. П. Бузескула в ПФА РАН (Ф. 825, 335 ед. хр.) в большой раздел собраны рукописи, машинописные экземпляры и корректуры его фундаментального научного труда «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века». Ч. I-III (опубл.: Л., 1929, 1931; СПб., 2008) и других работ по историографии: статей «Разработка древнегреческой истории в России ([после 1917 г.], 78 л.), «Эрнест Лависс (1842-1922)», посвященной второй годовщине со дня смерти Э. Лависса [1924], «М-ме де Сталь и последующие истории французской революции» (рукопись и машинопись (не позднее 1929 г.), «Изучение истории Ближнего Востока в России» (1930), «Изучение истории Византии с 70-х годов прошлого века» (1931, машинопись, 220 л.). Античности посвящены разрозненные части работ «История Греции» ([После 1915 г.], 168 л.), статьи «Международный третейский суд в древнегреческом мире» (1917, 38 л.), «Изучение древностей северного побережья Черного моря и их значение с точки зрения

греческой и мировой истории» ([до 1927 г.], 36 л.). Представлены также лекции: материалы и конспекты курсов лекций «Людовик XIV» (1890, 1894, 1896, 1898, 1901, 183 л.), «История XVIII в.» (1891), по истории Востока (Египет, Ассирия-Вавилония, Финикия), истории эллинизма (1902), историографии, истории средних веков и новой истории (б. д., 691 л.). В отдельный раздел собраны рецензии и отзывы о трудах Б. Л. Богаевского, О. Л. Вайнштейна, С. А. Жебелева, Е. Е. Кагарова, Н. И. Кареева, А. Коцевалова, Н. И. Новосадского, Д. М. Петрушевского, П. Г. Риттера, Б. А. Тураева, А. И. Церетели, выступление памяти преподавателя второй Харьковской гимназии Н. Ф. Одарченко.

Среди материалов университетской деятельности В. П. Бузескула: письмо на имя ректора Харьковского университета с возражениями против исключения студентов за участие в университетских волнениях (1901), объяснительные записки и программы по истории культуры, западноевропейской историографии, истории социальных отношений и идеологий, с постановлением Харьковского методического комитета об этих программах (1923). Имеются материалы об издании научных трудов (договоры, письма к В. П. Бузескулу из учреждений и др.), отчеты о командировках, материалы о деятельности во Всеукраинской Академии наук (1928-1930, 83 л.), переписка: отпуская писем В. П. Бузескула к разным лицам и письма ему.

Небольшой фонд В. П. Бузескула в Институте архивоведения Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского НАН Украины (Ф. 228, 7 ед. хр.) сформирован в основном из биографических материалов 1869-1929 гг.

Одна из статей «Каталога» посвящена сохранившимся архивным материалам профессора Харьковского университета, историка, специалиста по истории средневекового папства и католической церкви, публициста А. С. Вязигина, убитого большевиками в 1919 г. Его небольшой фонд (всего 3 ед. хр.) находится в ЦГИА Украины в г. Киеве (Ф. 2108) и включает черновые рукописные материалы А. С. Вязигина (записки, выписки, заметки, списки литературы, тезисы и пр.) по темам: «Борьба Генриха IV с Григорием VII» (б. д., 187 л.), «Вступление Гильденбранда (папы Римского Григория VII) на папский престол» (б. д., 66 л.), «Первые шаги Гильдебранда» (б. д., черновая рукопись, 50 л.).

В личном фонде издателя «Русского архива» П. И. Бартенева в РГАЛИ (Ф. 46. Оп. 2. Д. 317) хранится статья бывшего студента

Харьковского университета, учителя Харьковской гимназии, впоследствии директора школ Области Войска Донского, Т. И. Селиванова «О роде Селивановых и первых профессорах Харьковского университета» (1878, автограф, 48 л.).

Нельзя не упомянуть о рецензии на работу В. А. Городцова «Результаты археологических исследований в Изюмском уезде, Харьковской губернии, 1901» (1905) археолога, председателя имп. Археологической комиссии А. А. Бобринского (Рукописный архив ИИМК РАН. Ф. 25. Д. 24). Там же его путевые заметки, содержащие впечатления от поездок в Петербург, Москву, Харьков, Симферополь, Бахчисарай, Севастополь, Херсонес, Ялту (189, 28 л. Д. 22).

«Каталог» включает архивы не только исследователей, но и собирателей рукописных коллекций, одним из которых является литератор, библиограф, переводчик, мемуарист И. Е. Бецкий. Он учился на философском факультете Московского университета (1834-1841), а завершал свое образование в Харьковском университете (1841-1843), после чего служил секретарем в Харьковском губернском правлении (1844-1848). В 1843-1844 гг. Бецкий издал в Харькове три выпуска украинского литературного сборника «Молодик» (последний, 4-й вып. вышел в Петербурге в 1844 г.). С 1852 г. вплоть до своей смерти в 1890 г. И. Е. Бецкий жил в Италии и занимался коллекционированием рукописей, книг, картин, медалей, которые передавал в Харьковский университет, имп. Публичную библиотеку и Румянцевский музей. В личном фонде И. Е. Бецкого в ОР РГБ (Ф. 32) хранится редакционный портфель сборника "Молодик", включающий статьи и публикации В. Г. Анастасевича, Н. И. Костомарова, М. И. Погодина, М. И. Сементковского, И. И. Срезневского, П. А. Корсакова, В. Н. Каразина, Н. Ф. Щербины и др., литературные произведения, переписку П. И. Миллера и И. Е. Бецкого и др. Любопытно письмо В. Н. Каразина к И. Е. Бецкому 1842 г со списком лиц в Харьковской губернии, подписавшихся на «Молодик». В этом фонде также воспоминания И. Е. Бецкого, его литературные произведения, повести, библиографические труды, переводы им произведений немецкого писателя-сентименталиста Ж. -П. Рихтера, в т. ч. «Антологии из сочинений Жан-Поль Рихтера» (1844, автограф с правкой И. Е. Бецкого и П. А. Вяземского), записи лекций профессоров Московского университета, переписка. Сохранилась также коллекция собранных И. Е. Бецким исторических материалов 1725-1879 гг., содержащая, помимо

пергаменных патентов на чины с подписями-автографами русских императриц, писем Я. Б. Княжнина, Екатерины II к С. Р. Воронцову, письма В. И. Штейнгейля к Николаю I из Петропавловской крепости от 11 янв. 1826 г. (в списке 1830-х гг.), фрагменты личных архивов А. Надаржинской (урожд. Тютчевой), кн. П. Б. Козловского, директора МГАМИД М. А. Оболенского, Трубецких, В. П. и С. А. Голицыных, материалы из архива Н. А. Полевого. В маленьком фонде И. Е. Бецкого в ОР РНБ (Ф. 71, 9 ед. хр.) – составленные им записи лекций профессоров Московского университета (М. Т. Каченовского, Д. Л. Крюкова, М. Терновского, М. П. Погодина, П. А. Щедритского, С. А. Шевырева), а также профессоров Харьковского университета (192 л.): М. М. Лунина по курсу древней истории, А. О. Валицкого «История греческой литературы» (1840-1841), М. Н. Протопопова – по философии, В. А. Якимова – по русской литературе, А. П. Рославского – по статистике; перечень вопросов по русской истории по курсу П. П. Гулак-Артемовского (1840–1841).

Этот краткий обзор архивных материалов харьковских ученых и собирателей, отраженных в «Каталоге личных архивных фондов отечественных ученых», подтверждает выводы его составителей о том, что выявление и введение в научный оборот информации о хранящемся в архивах историографическом (в том числе неопубликованном) наследии расширяет источниковую базу истории отечественной исторической науки, дает возможность исследователям составить представление о содержании личного архива историка до того, как они придут изучать его в государственное архивохранилище (часто находящееся в другом городе), помогает исследователям истории исторической науки, преподавателям, студентам и аспирантам в изучении историографии на конкретном архивном материале.

Д. А. ЦЫГАНКОВ

К ИСТОРИИ НАУЧНЫХ КОНТАКТОВ В. И. ГЕРЬЕ И В. П. БУЗЕСКУЛА

Одним из вопросов, находящимся в центре внимания исследователей истории исторической науки в России начала XX века, является проблема формирования единого поля гуманитарной науки в дореволюционной России¹. Дожившая до позднесоветской историографии оценка рубежа XIX – начала XX вв. как кризиса исторической науки² в настоящее время все более и более изживает себя. Современные ученые пытаются показать сложный характер развития исторического знания к началу XX века, отказаться от упрощенных оценок этого очень неоднозначного периода в истории русской науки. Характерными становятся исследования различных научных школ³, изучаются проблемы коммуникации историков – например, вовлеченность русских ученых в сетевые научные сообщества как внутри России, так и за ее пределами; исследуется формирование единого поля исторических исследований посредством формирующейся культуры научных журналов.

Частным примером этой общей тенденции может служить представленная ниже публикация писем харьковского профессора Владислава Петровича Бузескула⁴ к московскому коллеге – профессору Владимиру Ивановичу Герье⁵.

Письма охватывают период с 1903 по 1915 год и дают редкую возможность для современных исследователей творчества В. И. Герье представить себе круг проблем, волновавших Владимира Ивановича именно в этот период его жизни, мало исследованный специалистами. Так, если представления о том, что Владимир Иванович был недоволен наличным составом профессоров всеобщей истории Московского университета в начале XX века, являются общепринятыми, то приводимое ниже свидетельство о том, что он попытался воспользоваться ситуацией 1911 года и вместе с новым ректором М. К. Любавским провести на кафедру всеобщей истории близкого себе по научным взглядам историка, каким и был Бузескул, фактически открытие. Правда, справедливости ради стоит заметить, что ближайшим друзьям

Бузескула факт приглашения харьковского профессор в Московский университет было известен⁶.

Весьма интересным выглядит факт, что «сделавший себя сам» Бузескул, который впервые побывал за границей уже зрелым ученым (в 1908 и 1911 гг.), в качестве модельных ориентировался на труды московской школы историков, а его письма к Герье подтверждают факт сочувствия к московской культурологической школе Герье. Бузескул резко выделяет труды Герье и его ближайшего ученика М. С. Корелина в современной ему научной литературе, видно, что к экономическому направлению в историографии рубежа веков он не благоволил. Сам факт влияния школы Герье на Харьковский университет дополняет сведения о географии распространения идей школы Герье в сетевом пространстве русских всеобщников и позволяет включить в пространство влияния московской школы не только Одессу, Киев, Юрьев, где были реальные ученики Герье, но и Харьков, где представителей московской школы не было. При этом весьма интересно выглядят сами контакты лидера направления, если таким признавать Герье, с входящими в сетевую структуру учеными. Ведь письма Бузескула свидетельствуют о том, что он готов был рассматривать себя «учеником Герье», познакомившись только с произведениями ученого, не испытав личного влияния и даже простого контакта с «учителем».

Наконец, письма дают возможность еще и еще раз поговорить о профессорском либерализме начала XX в. и соотнесенности с ним термина академизм. Дело в том, что среди политизированных профессоров столичных университетов Герье утратил «почетное» звание либерала и рассматривался в начале XX века как реакционер⁷, если не ренегат. Вместе с тем, Бузескул явно видел в москвиче представителя близкой ему профессорской культуры, для которой одинаково характерно противостояние всем политикам в университете – начальству и студентам. В письмах Бузескула очевидно, что академизм (приоритет культурных, научных, академических ценностей) является базой для объединения ученых различных политических взглядов.

Наконец, письма – образчик теплых, доброжелательных, тонких отношений, характерных для университетских интеллектуалов рубежа веков с присущими для них языковыми тропами, фигурами умолчания и намеками.

Письма В. П. Бузескула к В. И. Герье

№ 1.

Харьков.

1903 27 декабря.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

Я получил Вашу книгу⁸, столь интересную и столь поучительную, особенно для нашего времени... И те, кто уже был знаком с большинством статей, вошедших в нее, и те, для кого она является новинкой должны порадоваться и поблагодарить Вас глубоко за то, что Вы издали их вновь отдельной книги, такой прекрасной. Сердечно признателен Вам за этот подарок и за Ваше внимание, весьма лестное для меня, давнего Вашего почитателя, с величайшим интересом и уважением относящегося к Вашим трудам, глубоко сочувствующего тому направлению, выражение которого я вижу и на заглавном листе, и избранном Вами эпиграфе...⁹

Очень сожалею, что мне до сих пор не удалось лично познакомиться с Вами; когда я бывал в Москве и заезжал к Вам, Вас не было в городе.

Пользуюсь случаем, чтобы поздравить Вас с наступающим новым годом и от всей души желаю Вам здоровья и сил еще на многие годы.

Искренно уважающий Вас

В. Бузескул.

ОР РГБ. Ф. 70. Ед. хр. 38. Д. 26. Л. 1–2.

№ 2.

Гурзуф (Таврич.[еской] губ.[ернии])

1910 г., 2 августа.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

Проводя лето вдали от наших главных центров, на Южном берегу Крыма, я только теперь узнал об исполнившемся недавно 50-летию Вашей деятельности¹⁰. Позвольте же мне обратиться к Вам с этими запоздалыми, но и искренними строками и поздравить Вас с знаменательным моментом в Вашей жизни – знаменательным не только для Вас лично, но и для всех, кому действительно дорога наука, университет, культура.

Пользуюсь случаем, чтобы выразить Вам, как высоко всегда ценил я Ваши труды, Вашу ученую и профессорскую деятельность вообще, и Вашу школу, к которой принадлежал и незабвенный

Мих.[аил] Серг.[севич] Корелин¹¹, Ваше «культурное» направление, Ваше отношение, как историка, к «идеям» – особенно ценное во время чуть не повального увлечения «экономизмом». Ваши труды, особенно по истории Франции XVIII ст.[олетия], составляют гордость русской науки, и мы, всеобщие историки, даже и те, кто не имел счастья быть питомцем Московского университета, во многом Вам обязаны и до некоторой степени тоже Ваши ученики. Я всегда видел в Вас достойного преемника Грановского¹² и Кудрявцева¹³. В числе тех имен, которые поддерживали славу Московского университета, было и Ваше имя.

Позвольте мне от всей души пожелать Вам сил, здоровья на многие лета и продолжения Вашей деятельности, столь плодотворной для науки, университета, просвещения.

Глубоко уважающий Вас и преданный почитатель Ваш
В. Бузескул.

ОР РГБ. Ф. 70. Ед. хр. 38. Д. 26. Л. 4–5.

№ 3.

12 янв.[аря] 1911.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

Сердечно благодарю Вас за Ваше письмо. Ваше доброе отношение ко мне глубоко тронуло меня. Нечего и говорить, как я дорожу Вашим мнением и как отраден для меня Ваш лестный отзыв...¹⁴ Еще на этих днях я перечитывал Вашу книгу о Тэне¹⁵, только что вышедшую, и живо мне вспомнились мои студенческие годы, когда я увлекался Вашими статьями о Тэне, печатавшимися тогда в «Вестнике Европы»¹⁶. Вспомнились – по поводу грозящих университетских осложнений – и Ваши статьи по университетскому вопросу¹⁷. – Тяжело положение русского профессора: чувствуешь себя лишним человеком. Удары грозят и слева, и справа, и сверху, и снизу. Для крайних левых – университет лишь орудие для достижения их целей и мы, профессора, – ненужный хлам; а сверху на нас смотрят как на неудобное зло, лишь терпимое стыда ради перед Европой... Кто пережил недавние годы, близко стоя к университетским событиям, чьи силы уже подорваны всем пережитым, тому теперь вдвойне тяжело при виде надвигающихся туч... И не видишь выхода из этой тяжелой действительности¹⁸.

Простите, что заговорился, но для меня, любящего университет и дорожающего им, горько и больно видеть то, что происходит. Не

знаю, позволят ли обстоятельства, и хватит ли сил довести до конца работу, стоящую теперь у меня на очереди, – отработку общего курса греческой истории.

Не теряю надежды когда-нибудь лично свидеться с Вами. До сих пор мне приходилось бывать в Москве в неудобное время, и я не заставлял Вас там.

Прошу принять уверения в моем глубочайшем уважении и преданности.

Давний и неизменный почитатель Ваш

В. Бузескул.

ОР РГБ. Ф. 70. Ед. хр. 38. Д. 26. Л. 6–7.

№ 4.

17 апр. 1911.

Харьков, Мироносицкая ул., д. 13.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

Сегодня получил Ваше письмо и спешу ответить на него.

Письмо это меня взволновало... Меня тронуло доброе Ваше отношение ко мне, столь лестное предложение...¹⁹

Я вспомнил, с каким уважением, могу сказать – с каким благоговением я всегда, еще с юности, относился к Московскому университету. Это – единственный университет, в который я готов был бы перейти, покинув горячо мною любимую *almamater*, и раньше, несколько лет тому назад, при иных обстоятельствах, я бы, не колеблясь, ответил согласием на Ваше предложение. Но теперь, увы! Мне уже поздно переходить хотя бы даже в Московский университет: фактически уже исполнилось 30 лет моей службы, а через несколько месяцев, в конце будущего семестра и формально заканчивается мое 30-летие, и я должен буду выйти из штата. Менять Харьков на Москву всего на одно полугодие, конечно, не имеет смысла. – К тому же, Московскому университету нужен, по-видимости, специалист по средней истории (сужу по тому, что ушедшие П. Г. Виноградов²⁰ и Д. М. Петрушевский²¹ были по преимуществу медиэвисты), я же хотя прежде, по временам, и вел преподавание по средней истории²², но, собственно говоря, моими отделами были и теперь являются история греческая²³ и новая. Таким образом, мне пришлось бы в Москве на старости лет или взять на себя почти новый для меня отдел; или вести преподавание по тем же отделам, что и Виппер²⁴ и Савин²⁵ (Не говорю уже об обстоятельствах, при которых пришлось бы теперь вступить в

среду Московского университета). Я глубоко признателен Вам и проф. М. К. Любавскому²⁶ за лестное предложение и очень сожалею, что не могу воспользоваться им.

Прошу Вас принять от меня оттиск двух моих статей, помещенных в последних книжках «Вестника Европы».²⁷

С глубочайшим уважением и сердечной благодарностью остаюсь преданный Вам В. Бузескул.

ОР РГБ. Ф. 70. Ед. хр. 38. Д. 26. Л. 8–9.

№ 5.

Харьков, Мироносицкая ул., 13.

1915, 18 марта.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

Сегодня получил Вашу «Философию истории...»²⁸ и спешу принести Вам горячую благодарность за подарок, за внимание и добрую память. С живейшим интересом, пока, конечно, лишь бегло, просмотрел книжку. Ее первая редакция – «Очерк развития исторической науки»²⁹ – принадлежит к числу тех книг, с которыми у меня связаны самые светлые воспоминания молодости, когда я увлекался чтением Вашего «Очерка». И теперь уже на старости лет часто обращаюсь к нему и рекомендую его вниманию наших студентов. Уже поэтому не могу не радоваться появлению его в новом виде³⁰.

Одновременно с этим письмом посылаю оттиски моей статьи из «Русской мысли» о «Современной Германии и немецкой исторической науке»³¹. Собираюсь переиздать эту статью отдельной брошюрой с некоторыми дополнениями. Между прочим, хочу добавить [неразборчиво написано] относительно Гервинуса³², его взгляд на победы Пруссии в 1870 г. А пока прошу Вас принять упомянутый оттиск и вместе с тем поздравление с праздником, искренние пожелания Вам здоровья, сил бодрости душевной и всего доброго от глубокоуважающего Вас и преданного, давнишнего почитателя Вашего.

В. Бузескул.

ОР РГБ. Ф. 70. Ед. хр. 38. Д. 26. Л. 11.

Харьков.

1915 г. 20 марта.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

Дня два тому назад я получил Вашу книгу и тотчас же написал Вам, а сегодня дошло до меня и Ваше письмо (одна из наших аномалий: из Петрограда к нам письма идут два дня, а из Москвы три или четыре). Очень благодарен Вам за него. Что касается оценки Бургкардта³³, то мой отзыв о его «Griechischekulturgeschichte»³⁴, может быть, и несправедлив; но он вызван именно тем, что я чрезвычайно высоко ставил Бургкардта, в особенности, как автора очерка по культуре Италии в эпоху Возрождения; ждал слишком многого от его «Истории греч.[еской]культуры», а это часто бывает невыгодно для автора: чем сильнее ожидание, тем горше бывает разочарование. Теперь под влиянием Ваших замечаний постараюсь проверить свои первые впечатления: перечту вновь труд Бургкардта по истории греч.[еской]культуры при первой возможности.

Глубоко уважающий Вас Ваш преданный почитатель В. Бузескул.

ОР РГБ. Ф. 70. Ед. хр. 38. Д. 26. Л. 12.

¹ См. напр. Бычков С. П., Корзун В. П. Введение в историографию отечественной истории XX века. Омск, 2001.

² Слонимский А. Г. Кризисные явления или кризис буржуазной исторической науки: критерии для определения // Вопросы методологии, историографии, источниковедения. Томск. 1984; Ковальченко И. Д., Шикло А. Е. Кризис русской буржуазной исторической науки в конце XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 1982. № 1; Оценку ситуации в целом см.: Рамазанов С. П. Кризис исторической науки в России в начале XX века: В 2-х частях. Волгоград, 1999.; Корнаухова И. А. Историографические модели исторической науки конца XIX – начала XX вв. // История мысли. Историография. М., 2002. С. 53–54.

³ Гришина Н. В. «Школа В. О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре. Челябинск, 2010; Свешников А. В. Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск, 2010.

⁴ См. о нем: Жебелёв С. А. Владислав Петрович Бузескул: Некролог // Известия Академии наук. Отделение общественных наук. 1931. № 10; Фролов Э. Д. Русская наука об античности: Историографические очерки. СПб., 1999. С. 312–329; Исаева В. И. В. П. Бузескул: историк, политолог, просветитель (аналитический обзор) // История европейской цивилизации в русской науке: Античное наследие. М., 1991. С. 106–27; Тункина

И. В. Академик В. П. Бузескул и судьба его книги «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века» // Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. М., 2008. С. 12-42.

⁵Иванова Т. Н. Владимир Иванович Герье: портрет российского педагога и организатора образования. Чебоксары, 2009; Иванова Т. Н. Научное наследие В. И. Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX – начало XX века). Чебоксары, 2010; Цыганков Д. А. Профессор В. И. Герье и его ученики. М., 2010.

⁶См. Жебелев С. А. Указ.соч. С. 1069.

⁷См. Маклаков В. А. Отрывки из воспоминаний. // Московский университет. 1755-1930. Юбилейный сборник. Париж, 1930. С. 297-298

⁸По всей видимости, речь идет о работе В. И. Герье «Идея народовластия и французская революция» (М., 1904). Фактически это сборник статей о революции, написанных Герье в 1870–1890-е гг. Для одной из них – «Республика или монархия установится во Франции», опубликованной в 1877 году, Герье изменил название – «Историческая роль монархии во Франции и создание нации». Среди других статей сборника: «Зачатки революционного духа в XVIII веке и идея нации», «Народность и прогресс», «Понятие о власти и о народовластии у Руссо», «Народ и правительство Франции на исходе старого порядка», «Понятие о власти и о народе в наказах 1789 года», «Торжество идеи народовластия»). По оценке современной исследовательницы творчества Герье, «эта книга стала не новым словом в науке, а скорее напоминанием о том периоде, когда изучение этой проблемы русскими учеными еще только начиналось» (Иванова Т. Н. Владимир Иванович Герье. Портрет российского педагога и организатора образования. Чебоксары, 2009. С. 324–325). Вполне возможно, что история взаимоотношений между Герье и Бузескулом началась именно с посылки этой книги московским профессором.

⁹On oublie que ces sont les idées qui gouvernent le monde. – Забываем, что именно идеи управляют миром (франц.). Эпиграф подписан Laurent. В целом идея характерна для философии Платона.

¹⁰Отмечалось по инициативе МНП. На торжественном заседании был зачитан рескрипт императора Николая II и состоялось награждение историка орденом Св. Анны 1-й степени. См.: Исторический вестник. 1910. № 9. С. 1123–1124.

¹¹Корелин Михаил Сергеевич (1855-1899) – русский всеобщий историк, ближайший и наиболее любимый ученик В. И. Герье. Выпускник Московского университета (1880). Автор монографии «Ранний итальянский гуманизм и его историография» (Т. 1–2. М., 1892), за которую получил степень доктора минуя степень магистра. С 1888 преподавал в Московском университете: приват-доцент, экстраординарный профессор кафедры истории искусства, затем

экстраординарный (1890), ординарный (1892) профессор кафедры всеобщей истории. Читал курсы по истории Древнего Востока, истории Древнего Рима, общий курс истории XIX века, а также специальный курс по истории папства в средние века. Основное внимание уделял истории идей, являлся сторонником биографического метода: в его диссертации даны биографии около 300 деятелей эпохи Возрождения.

¹²Грановский Тимофей Николаевич (1813-1855) – русский всеобщий историк, глава московских западников. Магистр (1845), доктор (1850). С 1839 преподавал в Московском университете, ординарный (с 1849) профессор кафедры всеобщей истории. Герье считал себя учеником Грановского, посвящал ему свои труды, написал о нем небольшую брошюру (Герье В. И. Тимофей Николаевич Грановский. М., 1914). Для учеников Герье был характерен культ Грановского.

¹³Кудрявцев Петр Николаевич (1816–1858) – русский всеобщий историк. Наследник Грановского на кафедре всеобщей истории: преподаватель (с 1847), исполняющий должность адъюнкта (1847), исполняющий должность экстраординарного профессора (1851–1855), экстраординарный профессор (1855–1858). Герье написал о нем работу: П. Н. Кудрявцев в его учено-литературных трудах // Вестник Европы. 1887 № 9. С. 146–198; № 10. С. 564–589.

¹⁴Вполне вероятно, историки обменивались между собой работами и Герье дал высокую оценку работе Бузескула «Исторические этюды» (СПб, 1911).

¹⁵Герье В. М. Французская революция 1789-1795 годов в освещении И. Тэна. СПб., 1911.

¹⁶Бузескул был студентом Харьковского университета в 1876-1880 гг. Следовательно, он имеет в виду следующую работу Герье: Ипполит Тэн, как историк Франции // Вестник Европы. 1878. № 4. С. 534-569; № 5. С. 117-171; № 9. С. 234-277; № 12. С. 511-582. Впрочем, следует отметить, что в более поздние годы Герье продолжал работать над темой и написал еще ряд статей о французском мыслителе: Метод Тэна в литературе и художественной критике // Вестник Европы. 1889. № 9. С. 71-144; Ипполит Тэн и его значение в исторической науке // Вестник Европы. 1890. № 1. С. 5-65; № 2. С. 462-500, на основании которых была составлена работа 1911 года. При этом стоит заметить, что в новой монографии Герье убрал многие критические замечания в адрес французского историка. По мнению Ивановой, это монография демонстрировала «поправление» взглядов историка (Иванова Т. Н. Владимир Иванович Герье... С. 325).

¹⁷Имеется в виду полемика Герье и Любимова по поводу пересмотра университетского устава 1863: Университетский вопрос: по поводу мнения г. Любимова о пересмотре устава // Вестник Европы. 1873. № 4. С. 818-836; Письмо об «университетских письмах» // Вестник Европы. 1874. № 5. С. 314-339; Наш аргонавт: по поводу статей и новых идей г. Любимова в «Русском вестнике» // Вестник Европы. 1875. № 8. С. 741-764; Свет и тени

университетского быта // Вестник Европы. 1876. № 2. С. 646-709; Наука и государство // Вестник Европы. 1876. № 10. С. 768-798; № 11. С. 344-384.

¹⁸ Письмо написано в разгар давления на Московский университет со стороны министра народного просвещения Л. А. Кассо, приведшего к коллективной отставке профессоров Московского университета в 1911 году. Отставка произошла в результате конфликта министра Кассо и ректора А. А. Мануйлова, который отказался выполнять циркуляры МНП, которые в одностороннем порядке, без обсуждения с заинтересованными лицами из профессоров, пересматривали некоторые пункты Временных правил 1905 года, особенно в части, касавшейся взаимоотношений администрации университета и студентов. Непосредственным поводом к началу конфликта стали студенческие сходки в университете в ноябре 1910. 7–8 ноября 1910 на сходке по случаю смерти Л. Н. Толстого была избрана делегация из 10 человек для участия в похоронах писателя в Ясной Поляне; в связи с трауром студенты приняли решение на 3 дня прекратить занятия. 10 ноября 1910 студенческий митинг в здании юридического факультета принял решение об участии студентов в общегородской демонстрации по поводу смерти Толстого с требованием отмены смертной казни. 13 ноября 1910 ректор в соответствии с циркуляром министра народного просвещения от 16.5.1908, разрешавшим собрание студентов только по академическим проблемам во внеучебное время, запретил проведение собраний. Однако собрания студентов в университете продолжались. Кассо потребовал от Мануйлова решить конфликт силой. 11 января 1911 был опубликован циркуляр министра «О временном недопущении публичных и частных студенческих собраний», подготовленный в конце 1910. Циркуляр запрещал проведение собраний в университете, вменял в обязанность ректорам препятствовать проникновению в университет посторонних лиц и сообщать в полицию о предполагаемых сходках; на градоначальника возлагалась обязанность закрытия университета с помощью полиции в случае волнений. Циркуляр нарушал положение Временных правил 1905, согласно которым ходатайство о закрытии университета принадлежало к правам Совета университета. 27 января 1911 в университете состоялась сходка части студентов по вопросу о циркуляре министра, принявшая решение о забастовке. Немедленно после этого в университет, безведома Совета, были введены силы полиции с целью воспрепятствовать началу забастовки: полиция выдвигалась в места скопления студентов, переписывала присутствовавших, пыталась выявить зачинщиков. Действия полиции фактически парализовали учебные занятия. 28.1.1911 на экстренном заседании Совета все руководство ИМУ – ректор Мануйлов, проректор П. А. Минаков и помощник ректора М. А. Мензбир – заявили о невозможности в сложившихся условиях выполнять административные обязанности и о сложении своих полномочий, причем это решение было

одобрено Советом. Ответным шагом министра была публикация 2.1.1911 в «Правительственном вестнике» Высочайшего указа об увольнении Мануйлова, Минакова, Мензбира из ИМУ с одновременным запрещением им заниматься научной и преподавательской деятельностью по ведомству народного просвещения.

Решение Кассо вызвало бурю негодования среди профессоров и преподавателей ИМУ, воспринявших его не только как оскорбление своих коллег, но и как нападки на авторитет Совета и всего университета. 3 февраля 1911 прошение об отставке подала группа преподавателей юридического факультета: В. М. Хвостов, Г. Ф. Шершеневич, Ф. Ф. Кокошкин, Б. И. Сыромятников, Н. Н. Полянский, А. Э. Вормс, Н. В. Давыдов, И. А. Кистяковский, М. Н. Гернет, В. М. Устинов и др. 4 февраля 1911 к подавшим в отставку профессорам и приват-доцентам обратился декан историко-филологического факультета М. К. Любавский: «Московский университет в настоящее время подожжен и объят пламенем из вне и внутри... Нам, его преподавателям, надо употребить все усилия, чтобы отстоять во чтобы то ни стало нашу alma mater, спасти все, что только можно. При таких обстоятельствах считаю, что личные чувства преподавателей, как бы благородны сами по себе он не были, должны отойти на второй план и уступить требованию блага университета. С этой точки зрения, считаю роковой ошибкой выход преподавателей в отставку и полагаю, что Совет должен исчерпать все средства, чтобы убедить их взять назад свои прошения об отставке». Однако выход из университета профессоров продолжался. К 20 февраля 1911 число ушедших в отставку составило 108 человек. (24 профессора – 28% от общего числа профессоров, 74 приват-доцента – 27% от общего числа). К концу семестра университет покинул 131 человек – около одной трети наличного преподавательского и вспомогательного состава ИМУ. На места ушедших профессоров, а также деканов, ректора и проректора министерством были назначены другие ученые (ректором стал Любавский, а выборы на университетские должности были временно приостановлены).

События в ИМУ привлекли внимание общества. Так, Е. Н. Трубецкой писал М. К. Морозовой: «С тревогой и ужасом слежу за событиями в С. -Петербурге и в Москве по итальянским и русским газетам... Вообще положение безвыходное: если победят студенты, университет превратится в революционный клуб. Если, что вероятнее, победит правительство, университет превратится во что-то среднее между участком или чайною народом. Я люблю университет, крайне боюсь потому, что отставка с минуты на минуту может стать нравственно обязательною... Вообще невесело, потому что университет в данном случае частное проявление зла общего и большого – разрушения культуры дикарями слева и справа». 27 сентября 1911 заседание Московского отделения ЦК партии кадетов, рассмотрев коллективную отставку профессоров, осудило ее в своей

резолуции: «действовать на студенчество исключительно силой нравственного убеждения приходится признать дефектом. На действие студенчества насилем нельзя не отвечать силой власти. Совет пошел по этому пути. Таким, образом, весь недостаток заключается в одном, что университет не сразу пришел к взгляду, что он – сила, и в словах министра: “ему дана власть управления, а он ее не использовал”, – есть известная доля правды».

В 1916 мин. народного просвещения П. Н. Игнатьев предложил вновь выбрать на университетские кафедры ушедших в 1911 профессоров, однако его инициатива одобрения не получила. Когда в янв. 1917 в университет в индивидуальном порядке вернулся Вормс, в начале февраля на квартире у Давыдова состоялось собрание ушедших в 1911 отставку профессоров для обсуждения его поступка, и у большей части ученых отношение к нему оказалось резко отрицательным. Меньшинство посчитало, что конфликт утратил актуальность, и высказалось за возвращение ушедших в 1911 профессоров в университет для его «возрождения». Однако большинство собрания приняло резолюцию, признавшую невозможным и нецелесообразным возвращение бывших профессоров в ИМУ.

Ситуация изменилась после Февральской революции: 2.3.1917 с инициативой возвращения ушедших в отставку профессоров выступил Совет университета. 11.3.1917 Временное правительство и МНП, которое возглавил Мануйлов, потребовало уволить всех профессоров университета, назначенных, а не выбранных на свои должности после 1911. Профессорам, занимавшим кафедры по назначению, предлагалось в трехдневный срок написать прошение об отставке. 17.3.1917 в университет пришел циркуляр министра народного просвещения, согласно которому увольнению подлежало 29 человек. 22.4.1917 состоялось первое собрание Совета университета с участием вернувшихся профессоров. Министерство народного просвещения инициировало новые выборы ректора и 30.4.1917 вместо Любавского им был избран Мензбир.

¹⁹ Бузескул получил предложение от Герье и Любавского перейти на кафедру всеобщей истории Московского университета. См. текст письма.

²⁰ Виноградов Павел Гаврилович (1854–1925) – русский всеобщий историк, ученик В. И. Герье. С 1878 работал в Московском университете: внештатный, экстраординарный профессор (1884–1889), ординарный профессор кафедры всеобщей истории. В 1901 году в результате конфликта с университетским начальством покинул Московский университет, переселился в Англию, где стал профессором Корпус Кристи Колледжа. После революции вернулся к преподаванию в университете. В 1911 в знак протеста перестал преподавать в нем.

²¹ Петрушевский Дмитрий Моисеевич (1864–1942) – историк-медиевист. В 1906–1911 – ординарный профессор Московского университета, который покинул в результате событий 1911 года.

²² Первые лекции, прочитанные Бузескулов в Харьковском университете в 1884–1885 учебном году, были посвящены истории Западной Европы в XVI – XV вв.

²³ Читал в Харьковском университете с 1886 г.

²⁴ Виппер Роберт Юрьевич (1854–1954) – русский всеобщий историк, ученик В. И. Герье. В Московском университете с 1897: приват-доцент, экстраординарный (1899–1901), ординарный (с 1901) профессор кафедры всеобщей истории.

²⁵ Савин Александр Николаевич (1873–1923) – русский историк-медиевист, ученик П. Г. Виноградова. В Московском университете с 1903: приват-доцент, экстраординарный (1908–1913), ординарный (1914–1922) профессор кафедры всеобщей истории.

²⁶ Любавский Матвей Кузьмич (1860–1936) – русский историк, ординарный профессор Московского университета по кафедре российской истории, ректор Московского университета (1911–1917).

²⁷ Бузескул В. П. Труды М. М. Стасюлевича по древней истории // Вестник Европы. 1911. № 3. С. 390–391; Бузескул В. П. Школьное дело у древних греков по новым данным // Вестник Европы. 1911. № 4. С. 88–111.

²⁸ Герье В. И. Философия истории от Августина до Гегеля. М. . 1915.

²⁹ Издана в 1866 году.

³⁰ Стоит заметить, что итоговый труд Бузескула – «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века» – написан в традициях историографических работ Герье и его школы.

³¹ Бузескул В. П. Современная Германия и немецкая историческая наука XIX столетия. К происхождению современной германской идеологии // Русская мысль 1915 № 2. С. 24–85.

³² Гервинус (Gervinus) Георг Готфрид (1805–1871) – немецкий историк, литературовед, профессор университета в Геттингене (с 1836).

³³ Буркхардт (Burchhart) Якоб Кристоф (1818–1897) – историк, профессор Базельского университета.

³⁴ История греческой культуры (нем.).

С. О. ЧУХЛІЙ**М. В. КЛОЧКОВ ТА С. Ф. ПЛАТОНОВ:
МАТЕРІАЛИ ДО БІОГРАФІЇ**

«...Я не принадлежу к числу таких Ваших учеников, которые на студенческой скамье имели счастье слушать Вас и работать под Вашим непосредственным руководством, но позвольте считать себя тоже Вашим учеником, так как я воспитывался на Ваших ученых трудах и окреп в ученой атмосфере, созданной Вами, за что приношу Вам мою глубокую признательность» (М. В. Ключков).

[8, Ф. 585. Оп. 1. Од. зб. 3139. Арк. 19]

Этот отрывок из письма профессора Михаила Васильевича Ключкова (1877–1952) к Сергею Федоровичу Платонову уже в начале изложения, определенным образом, проливает свет на взаимоотношения историков. В судьбе первого последний сыграл большую роль, будучи учителем, научным руководителем, наставником и просто другом, товарищем на протяжении долгих лет. На сегодня биографии упомянутых историков достаточно известны, но проблема характеристики их отношений – отыскание зависимостей в системе «учитель-ученик» – еще не стала предметом специальных исследований. В данном случае задача состояла в том, чтобы выяснить характер отношений ученых во время написания М. В. Ключковым знаковых трудов своей жизни – магистерской и докторской диссертаций. Это был определенный творческий рубеж, когда Михаил Васильевич формально засвидетельствовал свою причастность к корпорации ученых-историков. Труды М. В. Ключкова в свое время вызвали определенный резонанс в научном сообществе. На них появились отзывы и рецензии, в которых авторы выражали разные, порой противоречивые, оценки [2; 5; 10; 12]. Тем интереснее обратить внимание на позицию непосредственного научного руководителя – С. Ф. Платонова, которая отражена в рукописных отзывах. Среди огромного эпистолярного наследия ученого, которое хранится в фондах Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург), есть и такие источники [8, Ф. 585. Оп. 1. © Чухлий С. О.

Д. 1450. 7 л.; Д. 1463. 11 л.]. К тому же, сохранившаяся переписка Платонова – Ключкова позволяет проследить некоторые аспекты взаимоотношений учителя и ученика во время работы последнего над текстами своих работ и отражает некоторые обстоятельства их подготовки и публикации.

Известно, что после окончания Юрьевского университета, в 1905 г. М. В. Ключков был оставлен в нем для подготовки к профессорскому званию по кафедре русской истории и откомандирован в Санкт-Петербургский университет для «научных занятий» на два года [9, Ф. 740. Оп. 17. Д. 42. Л. 12]. Учился он под руководством проф. С. Ф. Платонова и, таким образом, был приобщен к авторитетной «школе русских историков Санкт-Петербургского университета», которая была представлена именами не только С. Ф. Платонова, но и К. Н. Бестужева-Рюмина, Е. Е. Замысловского, А. Е. Преснякова и др. [1, С. 2], что в известной степени повлияло на формирование научного мировоззрения, моральных ценностей молодого исследователя М. В. Ключкова, а также на выбор тематики его трудов и направлений исследовательской деятельности.

С самого начала своего пребывания в Петербургском университете, М. В. Ключков активно включился в работу. Он не единожды посещал своего учителя дома во время подготовки к сдаче магистерских экзаменов [8, Ф. 585. Оп. 1. Д. 3139. Л. 3, 7]. Решением министра народного просвещения от 26.01.1907 г. ему позволили остаться в университете еще на один год [9, Ф. 740. Оп. 17. Д. 42. Л. 12]. В июне 1908 г. Ключков успешно выдержал «установленные на степень магистра русской истории испытания и прочитал в собрании историко-филологического факультета пробные лекции, признанные удовлетворительными» [9, Ф. 740. Оп. 17. Д. 42. Л. 12]. В том же году он был допущен к чтению лекций в Санкт-Петербургском университете в качестве приват-доцента по кафедре русской истории. Параллельно он готовил магистерскую диссертацию (первоначальный вариант ее названия был таким – «Подушная перепись и ее ревизия при Петре Великом»), но для этого ему была необходима научно-исследовательская работа в архивах не только Петербурга, а и Москвы. С просьбой посодействовать такой командировке [8, Ф. 585. Оп. 1. Д. 3139. Л. 6] и с тем, чтобы ему выслали некоторые дела для работы дома, Ключков обращался к Платонову. Сергей Федорович поддерживал своего ученика как советами, используя

собственные книги и материалы, так и обращаясь за помощью к сотрудникам Публичной библиотеки и Археографической комиссии [8, Ф. 585. Оп.1. Д. 3139. Л. 8]. В итоге, в 1910 г. М. В. Ключков приступил к подготовке публикации своей работы, которая увидела свет в следующем году под названием «Население России при Петре I по переписям того времени. Т. 1. Переписи дворов и населения (1678–1721)» [6] и была защищена им как диссертация, за что ему и была присуждена степень магистра русской истории. В своем отзыве проф. С. Ф. Платонов особенно подчеркнул использование источников, которые впервые вводились в научный оборот. В целом, он дал ей достаточно позитивную общую оценку, хотя и отметил определенные недостатки в работе своего ученика.

Через два года, в 1913 г. Харьковский университет объявил конкурс на замещение вакантной должности профессора по кафедре русской истории [4], и, заблаговременно предупрежденный коллегами, М. В. Ключков поспешил в Харьков. Но, эти выборы стали для него нелегким испытанием, поскольку вызвали значительный резонанс как внутри университета, так и за его пределами. Мнения историко-филологического факультета и Совета Университета кардинально разошлись в отношении кандидатов на вакантную должность, на которую претендовал не только М. В. Ключков, но и В. И. Веретенников [3]. В этой связи Ключков писал своему учителю: «Получил из Харькова вырезки из газетного фельетона, а затем целую брошюру А. С. Вязигина по поводу замещения кафедры. Я был весьма смущен, что в полемику замешано Ваше имя, даже напечатано то письмо, которое должно быть известным немногочисленному составу факультета. Могу Вас уверить, Сергей Федорович, что я совершенно не причастен к этой шумихе и смотрю на нее с большой душевной тревогой и огорчением. Я не думал, что до такой степени разгорятся страсти и нам здесь придется переживать разные неприятности. Осаждают письмами. Неловко перед Вами, что я доставляю столько хлопот и беспокойства с Харьковом. Надеюсь, что это скоро закончится» [8, Ф. 585. Оп.1. Спр. 3139. Арк. 22-23]. Действительно, через недолгое время пришло решение Министерства народного Просвещения, в соответствии с которым М. В. Ключков получил ожидаемую должность [11].

Тяжелым был переезд на новое место, налаживание новых отношений и связей: «...город чужой, знакомых – ни души. Эта

ужасная война волнует и не дает возможности сосредоточиться на Павле» [8, Ф. 585. Оп.1. Д. 3139. Л. 25], – писал М. В. Ключков учителю в августе 1914 г., с которым поддерживал и в дальнейшем отношения в форме переписки. Основой для общения было стремление продолжить исследование периода царствования Павла I. Как отмечал в письме сам Ключков, эта работа о Павле I была «в значительной мере навеяна советами и указаниями» Сергея Федоровича [8, Ф. 585. Оп.1. Д. 3139. Л. 29]. Михаил Васильевич начал свою работу над новой темой буквально сразу после окончания предыдущей и работал над ней достаточно интенсивно. Как он сам констатировал – «Работа разрослась и запозднилась. Но я сделал все, что мог» [8, Ф. 585. Оп.1. Д. 3139. Л. 27]. Все время он получал указания от С. Ф. Платонова. Хотя, возможно, отношения в этот период стали несколько напряженными, о чем свидетельствует весьма сухой и деловой тон некоторых писем [8, Ф. 585. Оп.1. Д. 3139. Л. 32, 33]. Учитель чувствовал риск выбранного направления исследования и не спешил с защитой, не смотря на просьбы Ключкова ускорить диспут [8, Ф. 585. Оп.1. Д. 3139. Л. 30]. Но, все-таки, в 1916 г. состоялась защита работы М. В. Ключкова «Очерки правительственной деятельности времени Павла I» [7] как докторской диссертации, которая была опубликована в том же году в Петрограде. Ученый не рискнул защищаться в Харькове (к слову, как и его предшественник по кафедре проф. П. Н. Бучинский). Работа вызвала разные отзывы, но они касались скорее не ее профессионального уровня, а оценок Павла I в историографии. Защита докторской диссертации означала окончательное научное признание ученого. Это было подтверждением профессионального потенциала и трудолюбия Ключкова, который не смотря на неблагоприятные обстоятельства, смену места жительства и сложные общественно-политические условия, смог в достаточно короткий срок написать и защитить фундаментальную диссертационную работу. Она свидетельствовала и о том, что познавательные интересы ученого определились и были сосредоточены в сфере изучения конкретных проблем отечественной истории. Более того, характерной чертой творчества М. В. Ключкова было стремление отойти от какой-либо теории в область конкретного фактологического исследования, о чем красноречиво свидетельствуют и приведенные ниже отзывы С. Ф. Платонова.

Переписка М. В. Ключкова та С. Ф. Платонова, как свидетельствуют существующие материалы, длилась до 1926 г. [8, Ф. 585. Оп.1. Д. 3139. Л. 47-48]. Находясь в это время в Краснодаре, Ключков и в дальнейшем держал Сергея Федоровича в курсе собственных дел, повествуя о своих жизненных и профессиональных «радостях и удачах», которые чередовались «с неудачами и огорчениями» [8, Ф. 585. Оп.1. Д. 3139. Л. 26].

Отметим, что отзывы С. Ф. Платонова на диссертации М. В. Ключкова представляют собой несомненный интерес не только с точки зрения характеристики двух главных трудов М. В. Ключкова, но и понимания особенностей диссертационной культуры того времени, а также взаимоотношений двух ученых. Очевидным является факт того, что ученик был благодарен своему учителю не только за творческое сотрудничество: «...Но еще большая моя признательность Вам за то, что Вы меня, так сказать, подброшенного Вам, согрели своим сердечным вниманием, своим добрым отношением ко мне. Этой ласки, этой доброты, я никогда не забуду. Преданный Вам, Михаил Ключков 04.04.1913». [8, Ф. 585. Оп.1. Д. 3139. Л. 19].

**Отзыв на магистерскую диссертацию М. В. Ключкова
«Население России при Петре Великом по переписям того
времени. Т. 1: Переписи дворов и населения (1678-1721)»**

Приступая к изучению истории населения в эпоху Петра Великого, автор «предполагал изучить первую ревизию и проследить ее влияние на судьбу тяглого населения». Но когда он вошел в ближайшее ознакомление с материалом и освоился с научным состоянием вопроса, то убедился, что ему нужна подготовительная работа: «раньше ревизии должны быть (по его убеждению) изучены переписи дворов и населения за конец XVII и начало XVIII века», ибо «они существенным образом определили реформу податного обложения, произведенную Петром I, самый ход подушной переписи и те последствия, которые она имела». Исследование первой ревизии было отодвинуто во второй том работы, а первый том оказался посвященным подготовительным разысканиям, именно «изучению переписей до ревизии и характеристике населения по ним».

Таков предмет, представленной г. Ключковым диссертации. Г. Ключков начинает свою книгу «Очерком переписей от 1678 г. до 1710 г.» (гл. 1), затем обращается к переписи 1710 г., изучает ее

историю и выясняет ее цифровые результаты (гл. 2). Как известно, эти результаты, вопреки ожиданиям правительства, обнаружили резкое уменьшение тягловых дворов и платящего населения и, тем самым, создали для Петра Великого тяжелый вопрос о причинах оказавшийся «пустоты»; он определяет вероятные размеры (19,5 %) и пытается исследовать ее причины (гл. 3, 4). Изучение причин далеко отводит г. Ключкова от его прямого сюжета – истории переписей. Он различает «пустоту правдивую» (или «сущую») и пустоту, происшедшую от обмана – «утайки» податных имуществ и людей. Объясняя причины пустоты, он говорит читателю о тяжести государственных сборов и повинностей, о злоупотреблениях администрации и землевладельцев, о народных бедствиях: нашествиях врагов, бунтах, разбоях, эпидемиях, пожарах, неурожаях, побегах и пр. Из 435 страниц труда г. Ключкова объяснению причин пустоты посвящено 173 страницы, т.е 2/5 всего объема книги. Затем автор возвращается к истории переписного дела и следит за тем, как правительство относилось к итогам переписи 1710 г., как оно в практике обложения и взывания налогов избегало пользоваться ее невыгодными данными, и как пыталось частными переписями исправить ее итоги (гл. 5). Далее следует история ландратской переписи 1715 г. и следующих годов с очерком истории самой должности ландратов, ведавших новой переписью (гл. 6 и 7). Книга заканчивается кратким обзором тех проектов податной реформы, которые рекомендовали царю Петру заменить подворное обложение подушным (гл. 8). Изложение нашего автора заканчивается, таким образом, на моментах перелома, когда в правительстве созрела решимость на коренную перемену в податной практике.

Труд г. Ключкова представляет собой самостоятельное исследование, основанное не только на изданном материале, но и на архивном. Автор пользовался делами пяти архивов (Московских – Архив Министерства Юстиции и Министерства Двора, и Петербургских – Государственного, Сенатского и Морского Министерства). Всего им цитируется около 120 книг, дел и связок, иногда весьма объемистых. С большим старанием, стремясь к полноте материала, г. Ключков столь же усердно заботится и о внешней обстоятельности изложения: оно фактично и документально (и потому, от части, мелко и сухо). Книга Ключкова включает в себе богатый материал для статистики населения в Петровское время и содержит много данных для

истории правительственного хозяйства той эпохи. В этом ее бесспорное значение и заслуга.

В общем, однако, книга г. Ключкова оставляет в читателе чувство некоторой неудовлетворенности. Избрав своей целью исследование в известный период «населения России по переписям», автор имел достаточно определенную задачу: изобразить движение населения в государстве в связи с податными мероприятиями Петра Великого. Он мог не выходить из области вопросов правительственной статистики и фиска, но в этой области он должен был бы сразу довести исследование до конца своего периода, чтобы дать полную картину взаимодействия податной системы Петра Великого и перемен в размещении населения, в его росте или убыли. Оставив читателя без истории первой подушной переписи, г. Ключков остановился по середине своей темы и лишил свое изложение внутренней законченности. В то же время, он счел нужным для объяснения причин «правдивой пустоты», обнаруженной переписью 1710 г., обратиться к возможно подробнейшему изучению обстоятельств, лежавших вне его прямой темы. Из сферы государственно-хозяйственной он сделал рискованный переход в область народно-хозяйственную, исследование которой в петровскую эпоху представляет большие трудности. Ему пришлось говорить о самых разнородных явлениях общественной жизни — о всем том, что, по его мнению, могло экономически угнетать население и толкать его на побег и «утайку». Для такого сложнейшего сюжета г. Ключков обладал, хотя и большим по количеству, но случайным по составу материалом, а потому его изложение в данной главе обратилось в бледный перечень фактов, доказывающих или объясняющих то, что представляется вероподобным и само по себе, при самом общем знакомстве с положением дел в тот исторический момент. Нет сомнения, что г. Ключков мог бы в данном случае обойтись без своей 4 главы, занимающей 2/5 его книги, и мог бы заменить ее краткой заметкой о разнообразии тех условий, которыми надлежит объяснять сильную утечку податной массы в нач. XVIII века. Тогда бы нашлось бы для него время и место для включения в этот же том и исследования первой ревизии.

В настоящем своем виде, без естественного конца и с ненужной, по моему мнению, вставкой, книга г. Ключкова представляется мне незаконченной, но обстоятельной монографией. В умении автора обращаться с первоисточниками у меня не возникает сомнений, в

добросовестности изложения также. Г. Ключков уже сложившийся ученый работник, уже привыкший к ученому труду, литературной деятельности. Оставляя за собой право предъявить ему на диспут частные замечания, я ходатайствую перед факультетом о признании его книги вполне удовлетворительной для получения степени магистра, и о допущении автора к публичному диспуту.

[1911]

(Черновой автограф С. Ф. Платонова и машинописная копия, в обложке, с карандаш. атрибутивной пометой С. Ф. Платонова.

ОР РНБ, Ф. 585. Оп. 1, Д. 1463, 11 л.)

Отзыв на книгу М. В. Ключкова «Очерки правительственной деятельности времени Павла I»

Книга г. Ключкова занимает видное место в исторической литературе, касающейся царствования императора Павла I. Его работой начато спокойно-объективное изучение времени Павла I и сделан переход от дилетантских упражнений над этим временем к серьезному научному его освещению. Личность и деятельность Павла в нашей литературе не избежала общей участи политических деятелей *[неразборчиво]* ...они обычно становятся предметом внимания предметом внимания предприимчивых любителей исторических чтений и писательства, и описываются с точки зрения занимательного анекдота и произвольной характеристики, и являются перед публикой не в надлежащей исторической перспективе, с сомнительным очертанием. Когда же становится возможным научное прочтение эпохи в ее основном содержании с надлежащей полнотой материала и строгостью критического приема, то исследователю приходится бороться не только с внутренними трудностями темы, но и с результатами предшествующих «изучений». Именно на такой позиции находился г. Ключков, когда взялся за материалы Павловского царствования. Он говорит в своем «предисловии»: «Мое представление об этом царствовании было обычным, основанном на господствующей в литературе точке зрения. Однако, читая подлинные дела и события этого царствования, я невольно заметил несоответствие между многими представлениями о времени Павла и тем впечатлением, которое производится хотя бы беглым просмотром подлинных бумаг Павловского царствования». Знакомство с архивным материалом привело г. Ключкова к убеждению, что в «исторической литературе время Павла освещено односторонне», что его

«внутренняя правительственная деятельность как таковая или не затрагивалась вовсе, или же рассматривалась попутно и в беглых чертах. Предшественники г. Ключкова – «историки и писатели» – основывались, по преимуществу, на противоречивых и пристрастных данных мемуаристов, и не шли дальше личной [характеристики? – *неразборчивое слово*] Павла, описания придворной жизни и беглых замечаний о внешней политике и военных мероприятиях того времени. В противоположность им г. Ключков в основу своих наблюдений над эпохой Павла положил «новые архивные материалы» и сосредоточил свое внимание на совокупности правительственных мероприятий Павла по внутреннему управлению государством. «В его мероприятиях я заметил (говорит г. Ключков) известного рода систему, которая им, при участии многих видных сановников, проводилась в жизнь более или менее планомерно, не смотря на некоторые вспышки гнева и изменчивость настроений Павла, отражавшихся на судьбе отдельных лиц, но не менявших общего течения дел и порядка». Обнаружение этой «системы» императора Павла явилось главной задачей г. Ключкова. Нельзя не признать, что такая задача и своевременна, и правильна.

В книге г. Ключкова им самим различаются две части. Одна – главная, в которой дается решение основной задачи исследования, а именно: изложены преобразования, произведенные Павлом в центральных учреждениях и в области местного управления и сделана попытка объяснить социальную политику Павла, главным образом, в отношении дворянства и крестьянства. Если бы автор ограничил свой труд только этой частью и дал читателю только эти «черты правительственной деятельности времени Павла I», он остался бы в пределах намеченной задачи, осветил бы многие стороны внутренней жизни и отношений правительства и управляемого общества в годы правления Павла, и ввел бы в науку новый и ценный фактический материал. Критике оставалось труд оценить, насколько точно и глубоко понята автором система, что им значительно расследовано, и что остается доследовать. Но г. Ключков не удовлетворился «главной» частью книги и добавил к ней «вводную» (почти в полтораста страниц) в которой характеризовал, вообще отрицательно, значение «мемуаристов» для изучения времени Павла, дал обзор исторической литературы о Павле, беглый очерк «состояния России в последние годы царствования Екатерины II», и наконец, попытался характеризовать

Павла «как просветителя». Эта «вводная» часть не может удовлетворить читателя, хотя, по-видимому, автор был склонен придавать ей значение весьма существенное: именно эта часть, по его замыслу, должна была определить субъективную сторону его труда и сообщить «очерками для [*неразборчивое слово*] значение «характеристики Павла». Г. Ключков говорит: «В своей характеристике Павла, как можно видеть из текста книги, я разошелся с общепринятой точкой зрения». Поскольку личная точка зрения г. Ключкова опирается на содержание первой части его книги, она является малопримемой, а данная г. Ключковым «характеристика Павла» – мало развитой и обоснованной. Для достижения цели автора немного значит предложенная в книге оценка «мемуаристов» (гл. I), дан обзор не всей литературы мемуаров, относящихся к Павлу, а отдельных, на взгляд автора, типичных мемуаристов – обличителей и поклонников Павла. При этом, г. Ключков совсем прошел мимо драгоценных показаний Сестренцевича-Богуща (его первую, важнейшую часть, бесспорно, он мог бы узнать и использовать еще до окончания своего труда; в стороне остались также ценнейшие места записок [*неразборчивое слово*] и знаменитая оценка Павла, данная Карамзиным. Вообще, даже с точки зрения собственных тенденций г. Ключков воспользовался материалом мемуаров неполно и нечутко, а потому и результат у него получился скудный и несоответствующий цели. Кое-что им хорошо разъясняется, например путаница некоторых сообщений современников [*неразборчиво*]; может быть, справедливо отмечается классовая, дворянская подоплека настроений в мемуарах, но и только.

Из своей работы изучения мемуаров г. Ключков постарался извлечь материал для построения личной характеристики Павла, для определения его темперамента и душевных наклонностей; а между тем, если он хотел дать своей книгой «характеристику Павла», он непременно должен был добыть такой материал. Его неоткуда было взять, кроме личных бумаг Павла и отзывов о Павле его современников, способных к наблюдению и суждению. И бумаги Павла, и отзывы о нем г. Ключков знает, но ни то, ни другое не подвигнуло автора на творчество. Когда он (во 2 гл.) дает читателю отзыв о самом Павле «как правителе», он не воссоздает его характера, а ограничивается рядом замечаний о взглядах и свойствах Павла, не сводя, однако, этих замечаний в цельную характеристику. Замечания г. Ключкова иногда метки, иногда же

насколько парадоксальны, что вызывают недоумение. Так автор готов утверждать, что «Павел I был глубоко проникнут идеей законности» и что «с момента вступления на престол Павла законность и порядок стали лозунгом нового царствования» (С. 116-117). Читателю кажется, что здесь произошло слияние терминов «закон» и «законность», и что вместо «законности» Павлу надлежит, скорее всего, приписать [*неразборчивое слово*] к внешнему порядку и субординации, склонность к мелочности и жестокому формализму. «Кроме законности (продолжает г. Ключков на С. 120-126) второй важной чертой павловского управления был его военный характер, перенесенный Павлом из армии в сферу гражданских порядков [*неразборчиво*] был введен военный режим в управлении государством. Короче было бы назвать это военной диктатурой, наличие которой [*неразборчиво*] можно употребить «законность». Построенный, как видим, на несколько спонтанном и рискованном подборе черт, отзыв г. Ключкова о Павле как правителе сначала рисует принципы и приемы его управления, затем его взгляды на положение сословий, на просвещение, на церковную жизнь, на финансы, военное дело, внешнюю политику. Когда же автор сводит свой отзыв к окончательному выводу, он делает его в пользу Павла, называя его «человеком вполне умным с высокими и разумно обоснованными принципами» (С. 135), и здесь же сам ограничивает себя «но». Отмечая «парадоксальность» ума Павла, «сумасбродство» его поступков, «резкость», доходящую до «исступления», г. Ключков признает, что Павел «не владел самостоятельно своей волей» и поддавался влияниям. Вторая часть отзыва, конечно, прямо не противоречит первой, но она нам рисует другого Павла. Между двумя половинами отзыва, нет ни внутреннего сродства, ни искусной внешней спайки; отдельные черты не имеют цельного характера; есть накопление данных – нет творчества.

Статьи о мемуаристах, и о самом Павле могут быть приведены во внутреннюю связь между собой. Отдельно как-то стоит историографический обзор в 1 главе. «Взгляды историков на императора Павла и его правительственную деятельность» автор делит на группы по их отношению к деятельности императора Павла: в первой группе перечислены отрицательно относившиеся к Павлу, во второй – почитатели Павла, и в третьей – занимавшие «примирительное положение». Обзор может быть полезен для справок; но для развития темы книги он не важен, и не дает ничего.

Также не имеет важности и беглый очерк «состояния России в последние годы царствования Екатерины II», составленный, кстати сказать, с таким же усердием к мемуаристам эпохи Екатерины, какое не нравится автору у историков времени Павла. Без ущерба для дела, этот очерк мог быть замененным отдельными попутными замечаниями в дальнейшем тексте книги г. Ключкова.

Итак, в первой «вводной» части книги читатель находит не цельную характеристику Павла, а лишь некоторый материал для нее. По «предисловию» можно предположить, что автору его труд представляется как такой акт ученого творчества, целью которого было воссоздание Павла через объединяющий спектр его личных черт и особенностей его государственной деятельности. Но до такого синтеза автор не поднялся – характеристика Павла ему не удалась и не получила должной законченности и определенной научности художественного образа; а очерки правительственной деятельности Павла, взятые отдельно от «вводной» части книги, сами по себе никакой общей «характеристики» эпохи не дают, а представляют собой свод тем и материалов, относящихся к внутренней деятельности правительства Павла, причем этот свод не во всех своих частях одинаково разработан и не с одинаковой обстоятельностью изложен.

Таково наше общее представление о структуре книги г. Ключкова. Повышенным требованиям (к которым дает повод сам автор) она не удовлетворяет. Но освобожденная от претензий на исторический синтез, она представляет читателю много полезного. В ней можно найти обстоятельный обзор всех сторон правительственной деятельности Павла, основанный на богатейшем архивном материале. Этот обзор часто переходит в детальное исследование того или иного вопроса, особенно в сфере сословной политики жизни изучаемого периода. Из области анекдотства, субъективных оценок и смутных преданий, Павловское время в книге г. Ключкова переходит в область реального исторического видения и получает определенные контуры. Правда, можно еще спорить, удалось ли г. Ключкову точно определить правительственную «систему» Павла во всех ее частях и удалось ли ему правильно понять одушевлявшие Павла принципы и двигавшие им инстинкты власти. Но несомненно, что г. Ключковым положен твердый фундамент для научной истории Павла и сделана первая, неблагодарная, черновая работа как для его собственных дальнейших работ по истории данного царствования, так и для

трудов других, следующих за ним, изысканий. В отношении научности своего труда г. Ключков стоит вне сравнений с теми, кто до него пытался изучить и истолковать деятельность и личность Павла в специальных о нем статьях и книгах. Исключение можно сделать лишь для труда Д. Ф. Кобеко, В. Ф. Чижа.

[1916]

(Автограф С. Ф. Платонова, с пометами и приписками.
ОР РНБ, Ф. 585. Оп. 1, Ед. хр. 1450, 7 л.)

Література

1. *Брачев С. В.* «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба / С. В. Брачев – СПб.: Стомма, 2001. – 246 с.
2. *Верховской П. В.* [Рецензия] / П. В. Верховский // Исторический вестник. – 1911. – Т. 116, № 11. – С. 763–767. – Рец. на кн.: Население России по переписям того времени. Т. 1. Переписи дворов и населения (1678–1721) / М. Ключков. – СПб.: Сенат. тип., 1911. – 2, VI, 435 с.
3. *Вязигин А. С.* Разные аршины (к вопросу о замещении университетских кафедр) / А. С. Вязигин. – Х.: Мирный труд, 1914. – 24 с.
4. *Дело* об избрании историко-филологическим факультетом Императорского Харьковского университета 28 октября 1913 г. профессора по кафедре русской истории: Представление ист.-филол. ф-та Императорского Харьковского ун-та на имя г. ректора ун-та от 9 декабря 1913 года, за № 335 // Записки Императорского Харьковского университета. – 1914. – Кн. 1, ч. офиц. – С. 41–42.
5. *Кизеветтер А. А.* [Рецензия] / А. А. Кизеветтер // Русская мысль. – 1911. – Кн. 9, № 11. – С. 409–410. – Рец. на кн.: Население России по переписям того времени. Т. 1. Переписи дворов и населения (1678–1721) / М. Ключков. – СПб.: Сенат. тип., 1911. – 2, VI, 435 с.
6. *Ключков М. В.* Население России при Петре Великом по переписям того времени / М. В. Ключков – СПб.: Сенат. тип., 1911. – Т. 1. Переписи дворов и населения (1678–1721) – 435 с.
7. *Ключков М. В.* Очерки правительственной деятельности времени Павла I / М. В. Ключков – Пг.: Сенат. тип., 1916. – 629 с.
8. *Отдел* рукописей Российской Национальной библиотеки (ОР РНБ).
9. *Российский* государственный исторический архив.
10. *Рождественский С.* [Рецензия] / С. Рождественский // Русский исторический журнал. – 1917. – № 1. – С. 193–199. – Рец. на кн.: Очерки правительственной деятельности времени Павла I /

М. В. Ключков. – Пг.: Сенат. тип., 1916. – 4, IV, 631 с. – (Записки Историко-филологического общества Петроградского университета; ч. 132).

11. *Чухлій С. О.* Кадрові пристрасті в Харківському університеті (епізод з біографії проф. М. В. Ключкова) / С. О. Чухлій // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: зб. наук. пр. – Х., 2006. – Вип. 8. – С. 236–241.
12. *Шумигорский Е.* [Рецензия] / Е. Шумигорский // Исторический вестник. – 1916. – Т. 142, № 11. – С. 499–503. – Рец. на кн.: Очерки правительственной деятельности времени Павла I / М. Ключков. – Пг.: Сенат. тип., 1916. – 4, IV, 631 с. – (Записки Историко-филологического Общества Петроградского университета; ч. 132).

В. В. СКЛОКІН**ПОЛЬСЬКА ТЕОРІЯ ІСТОРІЇ В УКРАЇНСЬКОМУ
КОНТЕКСТІ**

Книжки, що згадуються у тексті:

Вжосек Войцех. Історія-культура-метафора. Постановня неklasичної історіографії; Про історичне мислення / Пер. з польської В. Сагана, С. Серякова та В. Склокіна; наук. ред. А. Киридон, С. Трояна та В. Склокіна. Київ: Ніка-Центр, 2012. 296 с.

Доманська Ева. Історія та сучасна гуманітаристика: дослідження з теорії знання про минуле / Пер. з польськ. та англ. В. Склокіна; наук. ред. В. Склокіна та С. Трояна. Київ: Ніка-Центр, 2012. 264 с.

Топольський Єжи. Як ми пишемо і розуміємо історію. Таємниці історичної на рації / Пер. з польськ. Н. Гончаренко; наук. ред. Ю. Волошина. Київ: «К. І. С. », 2012. 400 с.

Розділ VIII**Рецензії та огляди**

Протягом останніх шістдесяти років польська історіографія відігравала, поза сумнівом, особливу роль у розвитку українського історіописання. Як слушно зауважила Наталя Яковенко, вона була «вікном в Європу» для західноорієнтованих українських істориків¹. За радянських часів цим «вікном» були польські історичні часописи і меншою мірою монографії, які загалом регулярно надходили до українських наукових бібліотек, і за посередництвом яких зацікавлені українські науковці могли дізнатися про тенденції в розвитку тогочасної західної історіографії. За останні двадцять років до читання літератури додався також досвід особистого перебування в Польщі під час участі в конференціях або наукових стажуваннях. Ці інтенсивні особисті зв'язки, як і можливість безпосереднього контакту з основними центрами західної гуманітаристики, що відкрилась для українських істориків після 1991 року, поступово змінили й образ польської історіографії у свідомості українських науковців, і загальну ієрархію відносин між обома історіографіями. Якщо спробувати коротко охарактеризувати ці зміни, то можна сказати, що за цей час українські науковці перетворилися з учнів на повноправних партнерів у діалозі з польськими колегами.

¹ Яковенко Н. Розколективізація історії // *Критика*. 2004. № 9-10. С. 35.

Втім, варто звернути увагу на те, що ця досить інтенсивна співпраця до останнього часу практично не торкалася однієї важливої сфери, а саме – теорії історії. Остання у постаті методології історії активно розвивалася у Польщі за часів ПНР, а після 1989 року продовжила свій розвиток як насамперед теорія або філософія історії. Без перебільшення можна сказати, що Польща була і залишається найбільш інноваційним осередком досліджень у галузі теорії історії в Центральній-Східній Європі. Отже, факт лише епізодичної співпраці між українськими та польськими науковцями у цій сфері варто пояснювати не тим, що польській стороні не було що запропонувати, а насамперед відсутністю зацікавленості з боку українських істориків, своєю чергою пов'язаною з маргінальним становищем цієї дисципліни у самій Україні.

Ця співпраця, втім, дещо пожвавилася в останні півроку під впливом створення польсько-українського Історіографічного товариства, однією з цілей якого є сприяння інтеграції зусиль польських і українських науковців, що працюють в галузі теорії та історії історіографії, а також публікації в Україні книжок трьох провідних представників польської теорії історії (Войцеха Вжосека, Еви Доманської та Єжи Топольського¹). Історіографічне товариство

¹ У книжці «Історія-культура-метафора. Постанови неокласичної історіографії; Про історичне мислення» Войцех Вжосек здійснює надзвичайно цікаву спробу концептуалізації історії як культурної практики. Польський методолог показує обмеження традиційного підходу з його трактуванням історії як науки, що дає об'єктивне знання про минуле, і пропонує натомість власну концепцію, яка розглядає історію як частину сучасної культури, спрямовану на пізнання культури минулого. Простежуючи під цим кутом зору зміни у французькій історіографії ХХ століття, Вжосек окреслює загальний образ історіографії як культурної практики та вказує на її метафоричну природу та культурну ангажованість. Еви Доманська у книжці «Історія та сучасна гуманітаристика: дослідження з теорії знання про минуле» простежує розвиток теорії знання про минуле від середини ХХ до початку ХХІ століття на тлі загальних змін у західній гуманітаристиці. Польська дослідниця не лише критично аналізує постмодерністський виклик історіописанню, але і розглядає становище історіографії після постмодернізму, простежуючи формування нової постгуманітарної парадигми в гуманітаристиці та соціальних науках. Звертаючи увагу на кризовий стан сучасної історіографії, пов'язаний із неспіввимірністю результатів досліджень із дійсністю, що змінюється, та суспільними очікуваннями, Доманська пропонує власний рецепт виходу з

тільки розпочинає свою діяльність, а отже оцінка його активності та впливу на польське та українське історичні середовища ще попереду. Тому у цьому дописі я хотів би висловити кілька міркувань у зв'язку з появою українських перекладів праць згаданих вище теоретиків історіографії. Як людина причетна до підготовки двох з цих книжок, я, очевидно, не можу говорити про якість перекладу чи наукового апарату. Я також не буду переказувати зміст цих праць. Натомість я хотів би поділитися кількома думками, що виникли у мене в процесі читання цих та інших досліджень польських теоретиків та істориків історіографії.

Перший момент, на який варто звернути увагу – це вже згадувана вище потужність і різноманітність польського середовища теоретиків та істориків історіографії, а також значно вищий, якщо порівнювати з українським випадком, інтерес до обговорення методологічних та теоретичних проблем серед польських істориків та гуманітаріїв загалом. Причому в такому порівнянні для мене важливим є не так кількісний аспект (тобто порівняно висока кількість польських науковців, які стежать за західними методологічними дискусіями та новаціями, і потім використовують їх у власних дослідженнях або ретранслюють їх своїм колегам), як те, що і за часів ПНР, і зараз в Польщі є дослідники, які не просто стежать за західними, чи краще сказати – міжнародними дискусіями, але і беруть в них активну участь. Якщо говорити про соціалістичне минуле, то найхарактернішим прикладом тут буде Єжи Топольський – патріарх польської методології історії, який зробив важливий і визнаний внесок у міжнародну дискусію про роль наративу в історіописанні. Серед сучасних дослідників можна згадати Еву Доманську, яка є помітною постаттю у дискусіях про спадщину постмодернізму та формування нової постгуманітарної парадигми.

цієї ситуації: концепцію практичної методології, яка покликана повернути історії її традиційну привілейовану позицію в гуманітаристиці.

«Як ми пишемо і розуміємо історію» – це остання велика монографія Єжи Топольського (1928-1998), в якій він підсумовує свої багаторічні зацікавлення проблемою історичного наративу. У цій книжці Топольський, з одного боку, простежує розвиток наративістської філософії історії та аналізує вплив лінгвістичного повороту на історіописання, а з другого – пропонує власні оригінальні міркування щодо природи наративу, істини та об'єктивності в історіописанні.

По-друге, варто звернути увагу на переосмислення ролі теорії, що відбувається зараз в польській історіографії. У критичній філософії історії (як в аналітичній, так і в наративістській) теорія була насамперед плодом рефлексії над результатами історичного дослідження, тобто в полі уваги теорії історії перебувало не минуле як таке, а те, як історики досліджують це минуле. Надмірний наголос саме на такій перспективі спричинився зрештою до надто жорсткого поділу праці між теоретиками та істориками-практиками, появи взаємних негативних стереотипів та відчутної напруги у відносинах між цими двома групами науковців¹.

Як, зокрема, реакція на таку ситуацію протягом останніх десяти років відбувається поступовий перегляд розуміння ролі теорії в історіографії, який можна окреслити, як «демократизацію» теорії. Як наслідок, теорія вже не є виключно результатом аналізу пізнавальної діяльності історика, так само вона не є лише створеною філософами чи теоретиками соціальних наук «великою теорією», що її можуть використати у своєму дослідженні історики-практики, ще раз підтвердивши її слушність своїм джерельним матеріалом. Натомість, теорія (малого або середнього обсягу), сформульована на підставі аналізу конкретного джерельного матеріалу, має бути тепер результатом практично кожного історичного дослідження. Отже, ключовим завданням теорії історії як академічної дисципліни у цій перспективі є допомогти історикам навчитися будувати теорії в процесі власного дослідження. Саме цій меті підпорядкований вже в загальних рисах відомий українському читачу проект практичної методології Еви Доманської.

Варто додати, що, на думку Доманської, практична методологія має особливе значення для східно- та центральноєвропейських науковців, позаяк вона може стати важливим засобом для інтелектуальної деколонізації місцевих історіографій. Якщо дивитися на проблему з цієї перспективи, то депровінціалізація та повноцінна інтеграція української історіографії до західної будуть можливими лише тоді, коли українські науковці будуть не тільки використовувати розроблені на Заході теорії та підходи (чи їх критикувати), але і стануть робити внесок до актуальних у світовій

¹ Див. проникливий аналіз подібної ситуації в польській історіографії: Domańska E. Uwagi końcowe o trudnych związkach historii i metodologii // Domańska E. *Historie niekonwencjonalne. Refleksja o przeszłości w nowej humanistyce*. Poznań, 2006. Ss. 255-261.

гуманітаристиці дискусій власними оригінальними теоріями, розробленими на підставі аналізу місцевого фактографічного матеріалу¹.

У пострадянській гуманітаристиці ми вже можемо бачити окремі приклади змін у цьому напрямку. Якщо говорити про історичну професію, то найбільш показовим таким прикладом напевно є середовище, що гуртується довкола часопису *Ab Imperio*. Редактори та постійні автори цього видання, зосереджуючись на історії Російської імперії та СРСР, не просто тестують західні теорії на місцевому джерельному матеріалі, але і будують власні теорії, які стають оригінальним внеском східноєвропейських науковців до загальногуманітарних дискусій довкола таких проблем, як імперія, колоніалізм, суб'єктність, дієздатність тощо.

Ознайомлення з польськими теоретичними дискусіями, звісно, автоматично не вирішить усіх українських проблем, але воно може принаймні допомогти краще усвідомити характер та масштаб цих проблем, а як ми всі добре знаємо: усвідомлення проблеми – це вже половина шляху до її подолання.

¹ Детальніше про це див.: Склокін В. Деколонізація східноєвропейської гуманітаристики: міркування про дослідження Еви Доманської // Ева Доманська. *Історія та сучасна гуманітаристика: дослідження з теорії знання про минуле*. К., 2012. С. 238-252. Ця ж стаття вміщена у журналі «Європейський світ» (2012, вип. 5, с. 35-49; <http://issuu.com/cpes/docs/es-5>).

С. Б. СОРОЧАН, С. А. КАРИКОВ**ИСТОРИК И ЕГО ДЕЛО**

Рец. на кн.: Доронин А. В. Историк и его миф: Иоганн Авентин (1477–1534). – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 256 с.: ил.

Книга современного российского историка, научного сотрудника Германского исторического института в Москве Андрея Владимировича Доронина посвящена деятельности видного гуманиста Иоганна Авентина. Творчество этого немецкого мыслителя, центральное место в котором занимают вопросы исторического прошлого его родины – Баварии, уже в эпоху Просвещения принесло автору почетный титул «отца баварского летописания».

Вместе с тем содержание трудов Иоганна Авентина до настоящего времени остается предметом научных дискуссий. А. В. Доронин отмечает, что, выведенный за узкие региональные рамки, Авентин превратился в одного из наиболее заметных, интересных, но в целом на удивление поверхностно прочитанных авторов общегерманского ранга (с. 9).

А. В. Доронин предпосылает исследованию исторических взглядов Иоганна Авентина краткий источниковедческий очерк его трудов. Основное внимание в нем уделено главным работам Авентина: «Анналам князей Баварии», «Баварской хронике», незавершенному «Описанию Германии», а также памфлету «Причины турецкой войны», трактату «Военная организация римлян», дневнику и письмам. Исследователь, детально охарактеризовав особенности различных изданий сочинений баварского гуманиста, структуру и содержание этих произведений, приходит к выводу: «Перед нами – все тот же труд, который историк создавал на протяжении всей жизни и который вместил в себя всю его жизнь, все, что понято и выстрадано» (с. 19).

Вместе с тем А. В. Доронин стремится осмыслить сочинения Авентина в широком контексте эпохи Ренессанса и Реформации. Такой подход представляется весьма плодотворным: ведь порой в исследованиях, посвященных персоне определенного

© Сорочан С. Б., Кариков С. А.

исторического деятеля, наблюдается стремление авторов «выдвинуть» своего героя повествования на первый план за счет его современников. Для А. В. Доронина же важно охарактеризовать деятельность Авентина в характерной для него «среде обитания», прочувствовать духовную атмосферу эпохи. Выявление факторов, повлиявших на формирование баварского гуманиста, должно помочь осознать типичность и своеобразие его исторических взглядов для своего времени (с. 26).

Начало осмысления исторических трудов Иоганна Авентина, как отмечает А. В. Доронин в первой главе «Историк и историки. Рецепция наследия Авентина в XVI–XX веках», относится к раннему Новому времени. Уже в XVI в. складываются две линии в оценках историографического наследия гуманиста: католическая и протестантская. Главным вопросом в конфессиональной историографии обоих направлений в XVII в. оставался вопрос о вероисповедании автора, с которым связывалась оценка содержания его трудов (с. 30–31). В XVIII в. новый этап изучения творчества гуманиста открыла статья Пьера Бейля, в которой было подчеркнуто значение разоблачений клира, содержащихся в авентиновских сочинениях (с. 32–33).

В XIX – начале XX вв. работы Иоганна Авентина привлекают внимание ученых, стремившихся комплексно изучить становление немецкой историографии. Л. Вахлером, Ф. фон Вегеле, П. Йоахимсеном, Т. Видеманном и В. Диттмаром были написаны первые научные биографии баварского гуманиста. Происходит и «возвращение» трудов гуманиста на родину: Баварской Королевской Академией наук в 1882–1908 гг. было издано собрание сочинений Авентина в шести томах. Это содействовало появлению более глубоких исследований исторических взглядов гуманиста (З. Рицлер). Но, как показывает А. В. Доронин, пробуждение научного интереса к наследию гуманиста порой сочеталось со стремлением исследователей обойти противоречивые моменты его жизни и творчества. Это особенно проявилось в характеристиках отношений Авентина с Католической церковью и князьями. Расхождения гуманиста с церковными и светскими властями либо затушевывались (В. Диттмар), либо толковались односторонне – и зачастую не в пользу Авентина (И. Янссен).

В историографических работах XX в., посвященных работам Иоганна Авентина, А. В. Доронин выделяет две волны исследовательского интереса: одна была связана с идеями

возрождения Германии после Первой мировой войны (Ф. Шнабель, У. Пауль, Г. Штиппергер), другая – с 500-летним юбилеем гуманиста (А. Шмид, А. Краус, К. Босль). Вместе с тем, невзирая на значительное количество работ, посвященных биографии и трудам выдающегося баварца, А. В. Доронин признает справедливым вывод А. Шмида: настоящий анализ работ Авентина в целом отсутствует до сих пор, он начат только в немногих отдельных пунктах (с. 53). Осмысление комплекса историографических работ XVI–XX вв., посвященных жизни и творчеству баварского гуманиста, позволяет А. В. Доронину сформулировать общую цель своей книги – реконструкцию на основе анализа всего письменного наследия Авентина основ его мировидения как целого (с. 58).

Вторая глава «Историк и его время» характеризует основные этапы биографии Авентина. Примечательно постоянное стремление А. В. Доронина проследить не только личный путь баварского гуманиста, но и его связи с обществом, отношения с видными деятелями своего времени – гуманистами (Конрад Цельтис, Беат Ренан), политиками (баварские герцоги Альбрехт IV, Вильгельм IV и Людвиг X, принц Эрнст, канцлер Леонард фон Экк), реформаторами (Филипп Меланхтон). Помимо того, значительное место в главе уделено характеристике роли Баварии в политической системе Священной Римской империи. Особое место эта территория занимала вследствие политики правящего баварского дома Виттельсбахов в первой трети XVI в., – политики, которую А. В. Доронин обоснованно определяет как «активную, но консервативную и прагматичную, нацеленную на укрепление власти в самом герцогстве», позволившую Баварии занять место оплота католицизма в Германии и стать субъектом общеевропейской политики (с. 89). Но, как показывает А. В. Доронин, содержание написанных в этот период трудов Иоганна Авентина, невзирая на высокий официальный статус придворного историографа, не сделало гуманиста послушным исполнителем воли Виттельсбахов.

Подтверждением тому служат дальнейшие разделы книги. В третьей главе «Историк и его метод» А. В. Доронин стремится определить принципы исследования, воплощенные в произведениях Иоганна Авентина, а также методы изучения исторического прошлого, применявшиеся гуманистом. Как отмечает А. В. Доронин, в работах Авентина история обретает черты самостоятельной научной дисциплины, исследующей

закономерности развития человеческого общества и имеющей свои, характерные для нее категории и научный метод, источники и стиль (с. 93). Реализуя гуманистический принцип “Ad fontes”, Авентин, в течение двух лет тщательно собиравший древние источники в различных библиотеках и архивах родной земли, стремится на их основе отыскать корни баварской истории, тем самым переосмыслив германскую историю в целом.

Новаторский подход баварского гуманиста к освещению прошлого сказывается, прежде всего, в его внимании к немецкому народному эпосу (при освещении древней истории) и документальных материалов (при характеристике современных событий). Авентин широко привлекает свидетельства античных авторов и крайне сдержанно относится к средневековым монастырским анналам и другим нарративным источникам «темных веков». Порой такое отношение ведет к фантастическим допущениям (особенно при освещении событий древней истории Германии), но в то же время свидетельствует о новизне исследовательского подхода, о стремлении автора выразить иное отношение к истории, нежели то, что было присуще средневековой традиции.

Иоганн Авентин создает свою конструкцию баварской и германской истории, ставшую предметом рассмотрения в главе «Историк и его миф». Повторение в заголовке раздела названия всей книги представляется обоснованным, так как именно в четвертой главе А. В. Доронин наиболее полно излагает концептуальные положения своего исследования. С этой целью он выделяет ключевые моменты «Анналов князей Баварии», «Баварской хроники», «Описания Германии» и других работ Авентина. Они связаны с поиском корней баварского племени и всего германского этноса, с выяснением исторической миссии Германии, ее отношений с Римом, значения Священной Римской империи, основных угроз ее существованию, а также с характеристикой идеального социального устройства и функций государственной власти.

К каким же основным выводам приходит Иоганн Авентин, создавая свою концепцию развития германского этноса, государства и общества? Как отмечает А. В. Доронин, под пером гуманиста баварцы обретают статус и авторитет старейшего среди германских народов, на чьи плечи волей Божьей возложено наследовать древним во имя спасения империи и объединения всех

христиан (с. 161). Континуитет германской истории оказывается неразрывно связан с этой великой миссией.

Тем самым Авентин создает своеобразный миф германской истории – миф, потребность в котором диктовал сам характер эпохи. Переход от Средневековья к Новому времени, активное формирование национального самосознания актуализировали потребность переосмыслить собственное историческое прошлое. Его героизация, поиск истоков национальной истории в античности были типичны для гуманистов эпохи Возрождения. Но, обращаясь к славному прошлому (подлинному или легендарному) своего народа, далеко не все гуманисты при этом посягали на устои настоящего, в частности, на устои современного им государства. Между тем Иоганн Авентин решает выразить иное отношение к власти. Его принципиальная позиция, в основе которой забота о чистоте нравов, мечта о единой и сильной Германии, свобода мысли, погруженность в науку, противоречила реальной политике правящей династии Виттельсбахов (с. 165). Преобладание многочисленных законов над моральными нормами, иерархичность государственной системы, доминирование личных интересов над общественными – приметы времени, которые были неприемлемы для Авентина в современной ему Германии. Глубокие расхождения действительности с идеалами не смогли заставить гуманиста изменить этим идеалам.

Важным источником идеалов гуманиста выступает христианское вероучение. Основным достоинством заключительной главы книги А. В. Доронина «Историк и его вера» является стремление реконструировать религиозные убеждения Иоганна Авентина, избежав при этом конфессиональной односторонности, столь характерной для многих предшествующих исследований творчества баварского гуманиста. Автор приходит к выводу о стремлении Авентина сохранить единство Церкви, как и единство империи (с. 196).

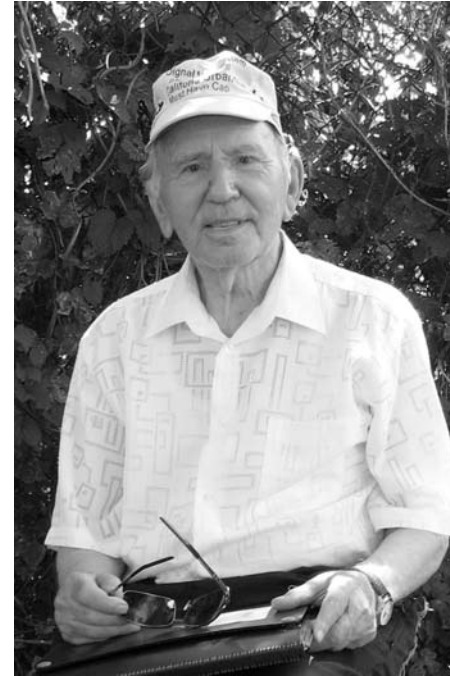
В конфессиональном противостоянии Авентин усматривал прежде всего следствие своекорыстной политики римского двора. Однако ответственность за раскол общества он возлагает и на реформаторов. Обновление христианства гуманист связывает не с масштабной Реформацией, опасаясь ее деструктивных последствий для всей Германии, а с церковной реформой. Утопичность такого подхода в эпоху трансформации всех устоев общества несомненна. В то же время он свидетельствует о верности баварского мыслителя

гуманистическим идеалам в условиях религиозного раскола Германии времен Реформации.

Помимо основных разделов книги, значительный интерес представляют и приложения. Первым из них является перевод введения к «Баварской хронике» (с. 229–235), в котором Авентин излагает принципы написания этого исторического труда, а также высказывает свои суждения о социальной значимости истории. Патриотизм автора, его моральные идеалы проявляются здесь весьма выразительно.

Важным дополнением к тексту книги является и второе приложение – статья А. В. Доронина «Миф и национальная история в культуре Возрождения в Германии» (с. 236–249). Она расширяет предмет исследования, представляя Иоганна Авентина как достойного представителя когорты выдающихся немецких гуманистов, к которой принадлежат также Конрад Целтис, Якоб Вимпфелинг, Себастьян Мюнстер, Иоганн Куспиниан. Их творчество, как подчеркивает исследователь, не только способствует формированию национальных мифов, но и создает конструктивный метод преодоления мифа, в основе которого лежит опора на источники, что служит важной вехой для последующего развития науки.

Книга А. В. Доронина, безусловно, является достойным вкладом в современное исследование истории и культуры Германии эпохи Возрождения. Она далеко выходит за рамки биографического жанра, намечая важные методологические проблемы развития исторической науки. Исследовательский метод Иоганна Авентина, его концепция германской истории вполне обоснованно представлены А. В. Дорониным как своеобразные «отправные точки» развития германской национальной историографии, как отражение нарождающихся запросов общества периода становления национального самосознания. Специфика исторических взглядов Авентина и одновременно – их типичность для представителей зрелого гуманизма позволяют оценить творчество баварского автора как яркую страницу в историографии эпохи Возрождения.

ПЕТРО ТИМОФІЙОВИЧ ТРОНЬКО

12 вересня 2011 року пішов з життя академік Петро Тимофійович Тронько (1915–2011).

У багаточисленних відгуках на його смерть акцентується увага на організаторській діяльності на ниві вітчизняної культури та освіти, державній та суспільній позиції при вирішенні різноманітних проблем в гуманітарній сфері. Дещо менше пишуть про той внесок, який зробив Петро Тимофійович у розвиток української історичної науки. Його праці здебільшого присвячені історії Великої Вітчизняної війни та

Розділ IX**Memoria**

краєзнавству, пам'яткознавству, історії партійно-державних органів та структур середини і другої половини XX століття. З 1950-х років увага Петра Тимофійовича все більше переключалася на проблеми охорони пам'яток та вивчення місцевої історії. Вчений розумів, що синтетична історія нашої вітчизни може бути створена лише в результаті ретельного вивчення особливостей місцевої історії, шляхом осмислення всього різнобарв'я минулого різних регіонів країни. Унікальним в творчій біографії історика став досвід підготовки та видання багатотомної «Історії міст і сіл України». Як у свій час зазначили академіки Є. М. Жуков и Б. О. Рибаків, це видання вийшло за межі традиційного краєзнавства, синтезувало досягнення професійних істориків та ентузіазм багатьох аматорів. Спільний обсяг усіх 26 томів склав 2360 друкованих аркушів, за приблизними підрахунками на різних етапах написання книг даної серії працювало майже 100 тисяч чоловік. Важливо відмітити, що першим томом, який вийшов друком, став том «Харківська

© Куделко С. М., Посохов С. І.

область». Ця книга експонувалась на Всесвітній виставці «ЕКСПО-67» у Монреалі в 1967 г. й отримала позитивну оцінку. Тепер такий досвід використовується й в інших країнах, наприклад, аналогічна серія видається Комісією баварської історії Баварської Академії наук (м. Мюнхен). Безумовно, П. Т. Тронько зробив величезний внесок у відродження краєзнавства в Україні, створення багатьох музеїв та пам'ятних місць, охорону пам'яток давнини. Причому ця діяльність була відмічена розумінням ключових подій та історичних осіб, що складають основу української історії. Саме завдяки діяльності Петра Тимофійовича сьогодні ми маємо мережу пам'яток і пам'ятних місць, які складають неповторне обличчя України. Аналізуючи життєвий та творчий шлях П. Т. Тронько, важливо також відзначити, що він і словом, і своїм прикладом формував у оточуючих його людей повагу до історії та людини. Він не сприймав різких оцінок минулого, він намагався згадати та відмітити кожного, хто, за його думкою, того заслуговував. Він був дуже демократичним в спілкуванні, уважним до дрібниць та вимогливим до самого себе. Він був та залишається прикладом того, як історик повинен виконувати свою соціальну функцію.

Редколегія «Харківського історіографічного збірника», до складу якої багато років входив почесний доктор Харківського університету П. Т. Тронько, висловлює щирі співчуття рідним та близьким Петра Тимофійовича і сумує з приводу цієї непоправної втрати.

С. М. Куделко, С. І. Посохов

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРІВ

Богдашина Олена Миколаївна – доктор історичних наук, доцент кафедри історії України Харківського національного педагогічного університету імені Г. С. Сковороди.

Болебрух Анатолій Григорович – доктор історичних наук, професор кафедри історіографії, джерелознавства та спеціальних історичних дисциплін Дніпропетровського національного університету імені О. Гончара.

Булигіна Тамара Олександрівна – доктор історичних наук, професор, завідувач кафедри історії Росії Ставропольського державного університету.

Журба Олег Іванович – доктор історичних наук, професор, завідувач кафедри історіографії, джерелознавства та спеціальних історичних дисциплін Дніпропетровського національного університету імені О. Гончара.

Іващенко Вікторія Юріївна – кандидат історичних наук, доцент кафедри історіографії, джерелознавства та археології Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.

Кадєєв Володимир Іванович – доктор історичних наук, професор кафедри історії стародавнього світу та середніх віків Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.

Каріков Сергій Анатолійович – кандидат історичних наук, доцент кафедри соціальних і гуманітарних дисциплін Національного університету цивільного захисту України.

Кісельова Юлія Анатоліївна – викладач кафедри історіографії, джерелознавства та археології Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.

Колесник Ірина Іванівна – доктор історичних наук, професор, провідний науковий співробітник відділу української історіографії та спеціальних історичних дисциплін Інституту історії України НАН України.

Куделко Сергій Михайлович – кандидат історичних наук, професор кафедри історіографії, джерелознавства та археології, директор Центру краєзнавства Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.

Куліков Володимир Олександрович – кандидат історичних наук, доцент кафедри історії України Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.

Лубський Анатолій Володимирович – доктор філософських наук, професор кафедри соціології, політології та права Інституту перепідготовки та підвищення кваліфікації Південного федерального університету.

Маловічко Сергій Іванович – доктор історичних наук, професор, Російського державного гуманітарного університету (м. Москва).

Меньковський В'ячеслав Іванович – доктор історичних наук, професор Білоруського державного університету (м. Мінськ).

Мироненко Марія Павлівна – кандидат історичних наук, старший науковий співробітник Інституту славянознавства РАН.

Морозова Ольга Станіславівна – кандидат історичних наук, доцент кафедри історії Чорноморського державного університету імені Петра Могили (м. Миколаїв).

Орлов Ігор Борисович – доктор історичних наук, професор кафедри прикладної політології Державного університету – «Вища школа економіки» (м. Москва).

Пиріг Руслан Якович – доктор історичних наук, професор, головний науковий співробітник Інституту історії України НАН України.

Портнова Татяна Володимирівна – молодший науковий співробітник НДІ історії Придніпровського регіону історичного факультету Дніпропетровського національного університету імені О. Гончара.

Посохов Сергій Іванович – доктор історичних наук, професор, завідувач кафедри історіографії, джерелознавства та археології, декан історичного факультету Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.

Рєпіна Лорина Петрівна – доктор історичних наук, професор, заступник директора Інституту всесвітньої історії РАН, завідувач Відділу історико-теоретичних досліджень ІВІ РАН, президент Товариства інтелектуальної історії.

Румянцева Марина Федорівна – кандидат історичних наук, доцент кафедри теорії та історії гуманітарного знання Інституту філології та історії Російського державного гуманітарного університету (м. Москва).

Сінкевич Євген Григорович – доктор історичних наук, професор кафедри міжнародних відносин та зовнішньої політики Чорноморського державного університету імені Петра Могили.

Склокін Володимир В'ячеславович – кандидат історичних наук, доцент кафедри історії Східноукраїнської філії Міжнародного Соломонового університету (м. Харків).

Сорочан Сергій Борисович – доктор історичних наук, професор, завідувач кафедри історії стародавнього світу та середніх віків Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.

Циганков Дмитро Андрійович – кандидат історичних наук, доцент історичного факультету Московського державного університету імені М. В. Ломоносова.

Чернов Євгеній Абрамович – старший викладач кафедри історіографії, джерелознавства та спеціальних історичних дисциплін Дніпропетровського національного університету імені О. Гончара.

СПИСОК СКОРОЧЕНЬ

АГО – Архив Русского географического общества в Санкт-Петербурге
 Архив СПб. ИИ РАН – Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН
 ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
 ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
 НАН – Национальная академия наук
 ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
 ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
 ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея
 ОР ИЛ НАН Украины – Отдел рукописей Института литературы им. Т. Г. Шевченко НАН Украины
 ПФА РАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук
 РАН – Российская академия наук
 РО ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы РАН (Пушкинского дома)
 РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
 ЦГИА Украины в г. Киеве – Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве

ЗМІСТ

Від редактора 3

Розділ I
ПРОБЛЕМИ ТЕОРІЇ ТА МЕТОДОЛОГІЇ

Болебрух А. Г. Мораль в структурі історическої науки 6
Журба О. И., Чернов Е. А. Научная истина – правда научно-ориентированной истории 16
Колесник І. І. Кар'єра історика: етичний вимір 26
Лубський А. В. Фальсифікація і фальсифікаціонізм в історическому пізнанні 42
Маловичко С. И. Етический поворот в изучении истории истории 53
Румянцева М. Ф. Парадигмальний вибір історика як етичеська проблема 67

Розділ II
ІСТОРІЯ ІСТОРІЇ

Богдашина О. М. Життєві стратегії істориків Радянської України 1920 - 1930-х рр. 80
Булыгина Т. А. Профессиональная этика и «жизненный этос» в судьбе историка: по страницам дневников С. С. Дмитриева 95
Киселёва Ю. А. Историография и этика (харьковские сюжеты) 104
Орлов И. Б. Историк сталинской эпохи на «фронте исторической науки» 117
Посохов С. И. «Считаю для себя неприличным...»: этические аспекты процесса защиты диссертаций в университетах Российской империи XIX - начала XX вв. 131

Розділ III СУЧАСНЕ НАУКОВЕ СПІВТОВАРИСТВО

<i>Меньковский В. И.</i> Национальная память и объективность историка (случай Беларуси)	153
<i>Морозова О. С.</i> Етичні проблеми в наукових дослідженнях: польський досвід та шлях його застосування в українських реаліях	163
<i>Портнова Т. В.</i> Profession oblige: у пошуках етичного кодексу історика	169
<i>Сінкевич Є. Г.</i> Проблема наукової школи в історіографії та етика взаємин	178

Розділ IV ІНТЕРВ'Ю

<i>Пиріг Р. Я.</i>	188
<i>Ретина Л. П.</i>	195

Розділ V ІСТОРИЧНА ОСВІТА

<i>Іващенко В. Ю., Куліков В. О.</i> Контент-аналіз зображень у підручниках з історії України для старших класів	207
--	-----

Розділ VI СПОГАДИ

Від редколегії	222
<i>Кадеєв В. И.</i> Годы студенческие	224
<i>Куделко С. М.</i> Эстетика профессионального общения. Л. П. Калущкая	238

Розділ VII ДОКУМЕНТИ ТА МАТЕРІАЛИ

<i>Мироненко М. П.</i> Материалы о харьковских историках XIX – начала XX в. В «Каталоге личных архивных фондов отечественных историков»	245
<i>Цыганков Д. А.</i> К истории научных контактов В. И. Герье и В. П. Бузескула	259
<i>Чухлій С. О. М. В.</i> Клочков та С. Ф. Платонов: матеріали до біографії	272

Розділ VIII РЕЦЕНЗІЇ ТА ОГЛЯДИ

<i>Склокін В. В.</i> Польська теорія історії в українському контексті	287
<i>Сорочан С. Б., Кариков С. А.</i> Историк и его дело	292

Розділ IX MEMORIA

Петр Тимофеевич Тронько (1915–2011 гг.)	299
Відомості про авторів	301
Список скорочень	304

Наукове видання

Харківський історіографічний збірник
Випуск 11

(Укр., рос. та англ. мовами)

Комп'ютерне верстання М. В. Проценко
Макет обкладинки І. М. Дончик

Відповідальний за випуск проф. С. І. Посохов

Формат 60x84/16.
Ум. друк. арк. 15,7.
Тираж 100 пр. Зам. №

61022, Харків, пл. Свободи, 4,
Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна

Надруковано: Видавництво ХНУ імені В. Н. Каразіна
61022, Харків-22, пл. Свободи, 4.
Тел. 705-24-32

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи: ДК №3367 від 13.01.09